

Николай КОЗЛОВ

Война

*Штурман
пикирующего бомбардировщика,
в дальнейшем командир взвода, командир батареи
76,2-мм пушек гвардейского кавалерийского полка*

*Сталинград—Курск—Мозырь—
Владимир Вольнский—Ковель—Варшава—Берлин
1942—1945*

*Памяти боевых друзей — артиллеристов
полковых батарей 76,2-мм пушек
посвящается*

Николай КОЗЛОВ

Война

*Повесть
командира полковой батареи*

**Выражаю от души признательность
и самую высокую благодарность
главе городского округа Королёв Московской области
ХОДЫРЕВУ Александру Николаевичу
за поддержку третьего издания книги.**

ПРОЛОГ

Написанию этой книги предшествовали многочисленные газетные статьи, видеointервью в Интернете, на сайтах Мытищ, Королева и Юбилейного.

Работая над книгой, я стремился показать действия советских воинов: **рядовых, сержантов, офицеров низшего звена (командиров взводов, эскадронов, батарей), постоянно действующих непосредственно на передовой.**

Что меня подтолкнуло к работе над книгой? Во-первых, предательство М. Горбачева, которое привело к развалу КПСС и самой мощной армии. Во-вторых (и это главное), охаивание всякими нашими «демократами» (чубайсами, суворовыми, солониными и др.) решающей роли советского народа в разгроме фашистского зверя и героизма русского, советского солдата. Искажение действий фронтовых командиров, якобы гнавших безоружных солдат на танки и стреляющие пулеметы врага. Это культивируется и в кинофильмах «Штрафбат», «Бесславные ублюдки» и др. Я прошел в боях от Дона до Эльбы (Россия, Белоруссия, Украина, Польша и Германия), все время был на передовой и не видел ни одного штрафбата, ни заградотрядов, ни безоружных наших наступающих, ни гонящих на проволочные заграждения, пулеметный огонь и танки врага командиров. В книге я старался показать именно **полковых артиллеристов** в реальных фронтовых условиях (наступлении, обороне, окружении и др).

Полковые батареи всегда вместе с наступающими пехотинцами, кавалеристами, сопровождая их огнем и колесами (перекатывая пушки боевыми расчетами). Полковые артиллеристы стояли насмерть при атаках превосходящего в силе и технике врага, обеспечивая отход или перегруппировку сил полка.

Первое и второе издания книги высоко оценено читателями. Вот некоторые отзывы:

«Книга написана живым, понятным языком, читается легко с захватывающим».

«Видно, что автор прочувствовал все, о чем пишет, поэтому и получилась хорошая книга».

«Побольше бы таких книг».

«Это редкая книга, написана командиром взвода, командиром батареи».

«Где купить эту книгу?»

Я рад и горд тем, что моя книга нравится и пожилым, и молодым читателям.

**КОЗЛОВ
Николай
Петрович,
Берлин,
май 1945 г.**

**КОМАНДИР
ПОЛКОВОЙ БАТАРЕИ
76,2-мм ПУШЕК**

52-го гвардейского Хорезмского, орденов «Красное Знамя» и Суворова II ст. кавалерийского полка 7-го гвардейского Бранденбургского, орденов Ленина, «Красное Знамя», Суворова II ст. кавалерийского корпуса

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Родился я 13 марта 1923 г. в большом селе Тарадея Шацкого уезда на Тамбовщине. Мать Ефросиния Ивановна и отец Петр Павлович – русские. Двухлетним меня вывезли в Сибирь, в поселок Новокрасноярск Рубцовского района Алтайского края, который и стал моей второй Родиной. Переезд связан с Антоновщиной.

Отец воевал на германском фронте унтер-офицером, командовал кавалерийским эскадроном, поэтому антоновцы пытались его мобилизовать с угрозами расправы при отказе. Выход – уехать. Так всей семьей: родители, два брата, две сестры и я, – стали сибиряками.

Мать неграмотная, отец грамотный. Он научил меня к шести годам читать и писать.

В 1930 году в поселок приехала учительница Фаина Михайловна и поселилась у нас. Организовав первый класс школы, она взяла и меня, шестилетнего. Учился я хорошо и в школе, и в последующих учебных заведениях. Окончил начальную школу в Кизихе, в течение четырех учебных лет я ходил ежедневно по 8 км (4 км туда и 4 км обратно). В средней школе учился в зерносовхозе «12 лет Октября». Три года, по три раза в неделю, ходил по 14 км (7 туда и 7 обратно). Вне школы большую часть времени проводил я на речке Кизихе, на рыбалке (окунь, линь, плотва, пескари – почти ежедневный скромный ужин семьи).

В 1937 г. без экзаменов (с хорошими и отличными отметками за 7-й класс) меня приняли в педтехникум (г. Рубцовск). Однако пришлось повзрослеть (прибавить

один недостающий год). Два с половиной года, проведенные в техникуме, неизгладимы и поныне. Особенно помнятся спортивные мероприятия (гимнастика, лыжные кроссы и соревнования, сдача спортивных нормативов), закалявшие нас физически. Я уверен, что все это очень хорошо сказывается на моем здоровье и ныне. В летние каникулы большинство 12-16-летних ребят и девочек, в том числе и я, дружно и весело работали на колхозных полях. В сенокос мы заменяли взрослых: на пароконных сенокосилках, на одноконных граблях, на одноконных волокушах сена и в скирдовании. В обеденный перерыв купание в прудах, вечером посиделки и гуляния. Хотя завтраки, обеды и ужины были скромными, но это не влияло на настроение. Соревновались (выигрывали, проигрывали), под общее веселье подводили итоги. Какие это были прекрасные годы!

НА СЛУЖБЕ ВОЕННОЙ

Осенью 1940 г. по путевке комсомола Рубцовский горвоенкомат направил меня в Канское авиаучилище, эвакуированное из Краснодара (г. Канск Красноярского края). После сдачи вступительных экзаменов в ноябре я был зачислен в училище курсантом. Провожала меня верный друг и, возможно, первая любовь Галина Буряк.

В училище была строгая дисциплина, хорошее продовольственное и имущественное обеспечение. Учили нас высококвалифицированные авиационные специалисты: летчики, штурманы, мотористы, радисты, картографы и общевойсковые командиры. Зимой — в учебных классах и на аэродроме, летом — в лагерях на реке Кан и на аэродроме. Изучали материальную часть и боевые характеристики самолетов: У2, Р5, Р3ет, Р10, СБ3 и ПЕ2. Учебные полеты с бомбометанием и стрельбой мы (курсанты) в основном выполняли на самолетах У2 и Р5.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Летом, 22 июня 1941 года я, курсант первого курса Канского авиаучилища, находился на стрельбище летних полевых лагерей на реке Кан. В 11 ч 30 мин горнист проиграл сигнал сбора. Марш-бросок моего учебного летного звена, и через 20 мин мы стояли в общем строю училища на главной лагерной линейке.

В 12 ч из выступления В.М. Молотова я узнал о начале войны, о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. На митинге были призывные, патриотические речи: лучше учиться, быстрее и глубже изучать и осваивать новые самолеты СБ-3 и Пе-2. Практически все учебные полеты и задания я выполнял на учебном самолете У-2 и боевых по тому времени самолетах Р-5, хотя учившие нас летчики, штурманы и мотористы, участники финской военной кампании, говорили, что воевать нам придется на самолетах СБ-3 и Пе-2, которых в школе было всего по одному. Так и произошло: боевые задания по разведке в роли штурмана я выполнял на самолете Пе-2 под Сталинградом. Самолет Пе-2 был основным ближним бомбардировщиком, штурмовиком и разведчиком, вооружен пятью пулеметами (три — 12,7 мм, два — 7,62 мм), хорошая скорость, до 540 км/ч, что позволяло бороться с атакующими немецкими истребителями Ме-109 и др. В сентябре 1942 г., после окончания авиаучилища, я получил назначение в 8-ю воздушную армию Сталинградского фронта.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Из резерва 8 ВА я был выбран командиром звена самолетов Пе-2 разведывательной эскадрильи мл. лейтенантом Г. Островерженко, штурманом экипажа. Из строя десятков резервистов он выбрал меня, как потом он мне в беседе объяснил: подтянутый, легкий, опрятен, по виду скромнен, по курсу училища вроде подготовлен.

Боевые разведывательные задания (полеты), как правило, выполнялись одним экипажем, и проходили они обычно без серьезных происшествий и потерь. Но один из них (последний) для нас оказался трагическим...

Утром 9 октября 1942 года в 9 ч 30 мин командир звена, он же командир экипажа, младший лейтенант Г. Островерженко подошел к самолету (проверяемому в готовности к полету техником, радистом и мною) и довел до нас боевое задание: «Произвести разведку скопления немецких войск в Котельниковском, Уманцево с фотографированием. Вылет в 10 часов». Мне было приказано рассчитать маршрут с основными ориентирами: н.п. Ханата, Обильное, Дубовское, с пролетом севернее их и выходом на Котельниковский с юго-западного направления. Взлетев с аэродрома, что восточнее н.п. Цаца, взяли курс на Ханата. Полет проходил нормально, однако при заходе для фотографирования железнодорожной станции Котельниковский на нас обрушился шквал зенитно-артиллерийского огня. Сплошные разрывы, мне, новичку, казалось, что я в огненном аду и что от самолета и от меня ничего не останется. К счастью, повезло. После фотографирования можно было маневрировать по курсу, скорости и высоте. Командир-ас этим владел в совершенстве. Мы вырвались из зоны зенитно-артиллерийского огня и попали под атаки пары Me-109. Вот тут и проявились опыт командира, бывшего летчика-истребителя, и эффективность огня стрелка-радиста. Отбиваясь от пары Me-109, экипаж продолжал выполнять боевое задание — полет на Уманцево. Атаки «мессеров» не позволили, как потом выяснилось, произвести качественное фотографирование Уманцева. Визуально наблюдалось большое скопление танков и другой техники, особенно в Котельниковском на станции и по маршруту. Это и было отражено в письменном докладе о выполнении боевого задания. Позже стало известно, что наблюдаемая техника принадлежала 4-й танковой армии врага.

В 16.00 вылетели на повторную разведку Уманцева. Уже знакомый с ПВО командир решил лететь по маршруту от села Малые Дербеты прямо на Уманцево. Удачно проведя визуальную разведку и фотографирование, развернувшись, легли на обратный курс, но вскоре были атакованы двумя парами Me-109. Командир выжимал из родной «Пешки» все: и максимальную скорость с пикированием, прижимаясь к земле, и огонь из всех пулеметов при атаках желтолобых в передней полусфере. Но запредельные развороты на виражах и огонь стрелка-радиста не защитили. Пулеметы стрелка замолчали, и «мессеры» начали атаковать только с задней полусферы. Правый мотор загорелся, теперь, чтобы выжить, надо дотянуть до восточного, нашего берега Волги, там наше спасение. При непрерывных атаках и «сопровождении» желтолобых удивительная выдержка, самообладание, боевой опыт и профессиональное мастерство коман-

дира сделали свое дело: «Пешка» за Волгой. Она воткнулась в песок в расположении наших войск и, к счастью, не загорелась. Появились наши истребители, отогнали «мессеров». Выскочив из дымившейся машины, мы с командиром вытащили из кабины и перенесли в сторону тело стрелка-радиста Г. Бузаева, убитого пулевым ранением в голову. Позже подъехала аэродромная команда и занялась самолетом, а нас и тело стрелка-радиста доставили в часть. Так я стал «безлошадным» и попал в резервную команду воздушной армии, откуда меня ранее и взял в экипаж командир. Он обещал опять при первой же возможности вернуть меня в эскадрилью, но этого, к моему сожалению, не произошло.

ИЗ АВИАЦИИ В АРТИЛЛЕРИЮ

Сталинград—Красноярск. 30 октября 1942 г. на построении всего резерва армии общевойсковой генерал в присутствии авиационного генерала сказал: «Вы здесь сидите, летный паек жрете, а там, в Сталинграде, решается судьба Отчизны. Кто готов защищать её с винтовкой в руках — три шага вперед!» Естественно, абсолютное большинство летчиков, штурманов, инженеров и техников, в том числе и я, команду выполнили. Отделили справа две команды по 50 человек, во вторую попал и я. Строем повели для перевооружения и экипировки, затем к передовой, к Волге, окопались. Вскоре поступила команда на посадку в грузовые автомашины. Подвезли к незаметному полустанку, выдали сухой паек на трое суток, посадили в две теплушки с нарами по 25 человек в каждую, назначили старших и повезли, а куда — мы не знали. На четвертые сутки рано утром поступила команда на построение для приема горячей пищи и получения сухого пайка. Выхожу и вижу — Свердловск. Все, и я в том числе, волновались, требуя объяснений. Военный комендант станции сказал: «Конечный пункт Красноярск, больше ничего не знаю». Шум продолжался, отказывались от посадки в теплушки, требуя отправки на фронт. После долгих куда-то звонков комендант сказал: «В запасный полк

на переподготовку». Мы поверили, так как такие тыловые запасные полки были, в них проходили переподготовку (переучивание) на новую технику, но была там и муштра, которой фронтовики очень боялись. Движение продолжилось, через четверо суток действительно прибыли в г. Красноярск, хорошо мне знакомый по авиаучилищу.

Построили две группы, повагонно, и повели, я оказался во второй. Прошли 6 км, увидели лагерные постройки: ограда, входные ворота с аркой и надписью «1-е Киевское Краснознаменное артиллерийское училище». Под эту арку нас и провели, а первая группа проследовала дальше под арку «Киевское училище связи». Так нас надули. Мы забастовали в прямом смысле, требуя отправки на фронт. От посещения занятий мы отказались: во-первых, потому, что все имели военное летное или штурманское, или инженерное образование (там учились девяти- и десятиклассники), во-вторых, мы не давали согласия на переквалификацию, а решили защищать Сталинград с оружием в руках в наземных войсках. Буза длилась более двух недель. Я, как и все, болтался по городку, страдая от безделья, посещал, как положено, три раза в день столовую, ходил в город, умудрился даже съездить в хорошо знакомый и дорогой мне по авиаучилищу г. Канск.

В первых числах декабря всех предупредили: назавтра быть всем в расположении училища, не отлучаться, приедут два генерала из Новосибирска (Сибирского военного округа) и будут решать нашу судьбу. Начальник училища, полковник, рад был избавиться от нас, мы ему надоели, своим поведением портили молодых курсантов. Действительно, на второй день прибыли авиационный и артиллерийский генералы. Собрали всех. Первым говорил артиллерист. Он сказал примерно следующее: во-первых, за такие наши действия можно угодить в штрафную роту, во-вторых, фронту нужны артиллеристы для выбивания вражеских танков, а нас, кадровых, можно в короткое время переподготовить, в-третьих, со временем, когда будет много самолетов, можно будет вернуться в авиацию. Вторым говорил авиатор. Он сказал, что очень сожалеет и сочувствует нам, однако по-

ложение на фронтах требует такого решения, и кто действительно захочет вернуться в авиацию, он этого добьется, авиационное командование поможет. Забегая вперед, замечу, что осенью 1943 г. командир кавалерийского полка довел до меня под расписку приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина о возвращении всех авиационных специалистов по назначению, то есть в авиацию. Тогда я им не воспользовался, не хотел попасть в тыл на переучивание, да и прижился в полку.

После общего сбора генералы беседовали с каждым в отдельности, я просил направить меня в авиацию или на фронт. В процессе проведенных недельных переговоров пришли к компромиссному решению: каждому из Новосибирска привезут только что изданный новый «Курс боевой стрельбы артиллерии». Три месяца на самостоятельную подготовку с практическими занятиями и стрельбами на полигоне. Сдача экзамена по теории, выполнение практических артиллерийских стрельб. При успешной сдаче экзамена и выполнении стрельб присвоение звания лейтенант независимо от прежнего звания — и на фронт. Мы работали (доучивались) в учебных классах, артиллерийском парке и на полигоне сутками, старались как можно больше взять за отпущенные нам три месяца.

К 15 марта учеба закончилась, сдали экзамены — и на фронт.

НА ЮГО-ЗАПАДНОМ, ВОРОНЕЖСКОМ

Валуйки, Лиски, Александровка-Донская. 16 марта 1943 г. 22 лейтенанта, в том числе и я — старший команды, получили приказ убыть в распоряжение командующего артиллерией Юго-Западного фронта. Из Красноярска отправлялись два вагона, прицепленных к пассажирскому поезду, наш и вагон девушек-связисток, окончивших там же училище связи. Станция назначения — Харьков. Потом в пути много раз перецепляли и только от станции Киндяковка (г. Ульяновск) двинулись в составе эшелона

на Юго-Западный фронт. Пока двигались, Харьков захватили немцы, поэтому я решил высадить всех на станции Валуйки и через военного коменданта искать штаб артиллерии фронта. При высадке попали под бомбежку. Десятки пикирующих «юнкерсов» бомбили станцию, где скопилось много эшелонов с войсками и грузами. Такой бомбежки я и до этого и после, пройдя до Эльбы, не испытывал. Одни самолеты, встав в круг, пикируя, бомбили станцию, другие подавляли ПВО. Взрывы, пожары, крики и вопли раненых, картина ужасающая. К счастью, из нас никто не пострадал.

...После долгих поисков, с помощью военных комендантов, на попутных транспортных средствах мы прибыли к месту назначения. Я доложил о прибытии дежурному генералу штаба артиллерии фронта, который поручил адъютанту заняться нами. Мои обязанности как старшего по команде закончились. Далее получил приказ генерала, переданный мне адъютантом: «Найти командира артиллерийского корпуса (резерв Верховного Главного Командования) и передать устно приказ корпусу следовать к Воронежу». Для выполнения приказа мне подчинили мотоциклиста, старшину с мотоциклом (с коляской), старшина оказался опытным и мотоциклистом, и воякой: хорошо подготовил мотоцикл, запасся горючим и продпайком на трое суток, как потом оказалось, очень кстати. Выполняя приказ, движемся на запад, нет ни наших военных, ни немцев. Проехали километров 20, достигли небольшого хутора, из колодца старушка черпала воду. Спрашиваю: «Наших не видели?» Отвечает: «Не видела, а проклятая немчура на самокате только уехали, забрали яйца и курицу». В раздумье, как же нам поступить? Приказ надо выполнять, а указанного района не достигли. Старшина говорит: «Торопиться не будем, оглядимся». Решаю продолжить движение. Выезжаем на пригорок, с противоположного пригорка навстречу движется мехколонна немцев. Разворачиваемся и гоним назад. Отыскали штаб артиллерии фронта только под Воронежем.

56-й ГВАРДЕЙСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА КАВАЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК

76,2-мм пушка образца 1927/1943 г.

Мне и лейтенанту А. Петрову в управлении кадров вручили предписания убыть в распоряжение командующего артиллерией 7-го гвардейского кавалерийского корпуса (резерв Ставки Верховного Главнокомандующего), пополняемого людьми и техникой в районе г. Павловска (Воронежского). В начале мая я прибыл в 56-й гвардейский Краснознаменный кавалерийский полк 14-й гвардейской Краснознаменной кавалерийской дивизии 7-го гвардейского орденов Ленина и «Красное Знамя» кавалерийского корпуса. Кавалерийский полк: штаб, четыре кавалерийских (сабельных) эскадрона, пулеметный эскадрон — четыре пулемета максим, три артиллерийских полковых батареи (минометная — двенадцать 82-мм минометов, пушечная — четыре 45-мм пушки, пушечная — четыре 76,2-мм пушки). Полк был расквартирован в Александровке-Донской на берегу Дона. Командир батареи 76-мм полковых пушек гвардии старший лейтенант, кавалер ордена Отечественной войны II степени Прокофий Павленко определил меня на должность командира взвода управления. Командирами огневых взводов были лейтенанты Н. Кудрявцев и В. Кедров. У комбата было два заместителя: по политической — Паршин и по строевой — Клевцов. Оба вскоре убыли на курсы переподготовки. Коллектив командиров был дружным, питались в своей столовой, организованной старшиной батареи гвардии старшиной А. Руцким, в одном из домов. И поваром, и официанткой была хозяйка дома. Часть продуктов получали со склада полка, в том числе и по 100 г «наркомовских», часть продуктов покупали за наши денежные содержания у жителей.

У каждого из нас были какие-то характерные черты. Любителем спиртного был зам. по строевой гвардии старший лейтенант Клевцов. Обычно он был тамадой за сто-

лом и разливал «наркомовские», причем всем поровну, а комбату в два раза больше. Комбат, человек непьющий, возражал и просил уменьшить, тогда Клевцов спрашивал: «Комбат, не будешь?» Комбат отвечал, что не будет. «Тогда выпью я!» — говорил Клевцов и выпивал. Так повторялось ежедневно. Нас это веселило. Замполит любил женщин, не проходил мимо любой и учил нас любить, говоря: «Бей сороку, бей ворону, бог увидит, что одна криклива, другая погана, и кукушечку пришлет». Мы, посмеиваясь, понимали: им по 40, а нам по 20 лет, у них вершина, у нас еще начало пути. Были у нас романы с молодыми и среднего возраста донскими казачками... Достойные мужи угощались сметаной, варениками с творогом, свежей донской рыбкой. Но все это житейское, обыденное, не главное. Главное — подготовка к предстоящим боям.

Я и разведчики осваивали приемы ориентирования на местности, правила ведения артиллерийской стрельбы с открытой и закрытой огневой позиции (ОП), пользование приборами (стереотрубой, буссолью и пушечным панорамным прицелом). Вот когда мне пригодился подаренный генералом из Сибирского военного округа «Курс боевой стрельбы артиллерии», в войсках его еще не было. Связисты и я с ними тренировались в установке телефонной и радиосвязи между огневой позицией и наблюдательным пунктом (НП). Усиленно изучал я 76,2-мм полковую пушку образца 1927 г., модернизированную в 1943 г. Я видел ее впервые, впечатление не лучшее: ствол короткий — 1250 мм, калибр 76,2 мм.

Полковая батарея 76,2-мм (далее по всему тексту книги — 76-мм): 2 огневых взвода (по 2 пушки с боевыми расчетами по 12 артиллеристов (5 — боевой оружейный расчет, 3 всадника оружейной шестиконной упряжки и 4 коновода) в каждой. Взвод управления (отделение разведки и отделение связи, всего 22 боевых артиллериста (разведчики, связисты, коноводы, ординарец и коновод командира взвода)). Тыловое подразделение старшины батареи (кухня, повозки с боеприпасами, амуницией, фуражом и про-

довольствием). В батарее на каждых двух боевых артиллеристов (боевой расчет) — один штатный коновод.

Как же выбивать танки? К счастью, в последующих боях мое первое впечатление оказалось ошибочным. Пушка очень хорошая, легкая, с подрессоренным лафетом (мягкий ход, хорошо на марше дремать), главное — очень высокая точность стрельбы и прямой наводкой, и с закрытой ОП. При стрельбе фугасно-осколочными снарядами: начальная скорость полета снаряда — 365–387 м/с, дальность стрельбы до 7710 м. Дальность прямого выстрела (при высоте цели 2 м) 470 м. При стрельбе прямой наводкой бронебойными снарядами: начальная скорость полета снаряда составляла 370 м/с, бронепробиваемость при дальности 100 м — 28–34 см, при дальности 500 м — 25–31 см (в зависимости от угла встречи с целью). Возимый боекомплект 56 снарядов. Тяга орудий — шестерка лошадей.

От батареи после встречного боя с механизированными частями противника при входе в прорыв за 1-м танковым корпусом в направлении Обливская и рейда по тылам противника в марте 1943 г. в направлении Усть-Грязновский и речки Чир остались живыми и ранеными единицы. От артиллерии корпуса осталась только одна пушка с единственным помятым снарядом. За сохранение пушки комбат был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Пополнение людьми и лошадьми прибыло из Средней Азии (туркмены, казахи, узбеки и таджики). Мне комбат разрешил подобрать в первую очередь лучших разведчиков и связистов. Я выбрал 22 человека (7 разведчиков, 7 связистов, 5 коноводов, ездового взводной повозки, ординарца и коновода) и 23 лучшие лошади (21 верховую и пару обозных в повозку). До меня остатками взвода управления командовал помкомвзвода гвардии старший сержант И. Калачев — опытный, награжденный двумя медалями «За отвагу» и орденом «Красная Звезда». В последующем он был моим помощником и командиром отделения разведки. Командир отделения связи — сержант Е. Ильиных,

прибывший добровольно из заключения. Ординарцем стал казах Василий (Султан) Карменов, коноводом — М. Алтухов. Из лошадей подобрал я себе легкую, быструю, горячую, ахалтекинской породы серую кобылку Атаку. В конях я разбирался, потому что рос в поселке и с детства имел дело с лошадьми. Отец в Германскую командовал кавалерийским эскадром и прививал мне любовь к лошадям, рассказывая о поведении их в боевой обстановке, о преданности их седоку и т. д. В этом я убедился в последующем, Атака не раз спасала мне жизнь. Ординарец В. Карменов и Атака прошли со мной до конца войны, переходя вместе из одного полка в другой.

В середине июня 1943 г. полк был поднят по тревоге и двинулся, как потом выяснилось, в направлении Старый Оскол, Солнцево, Льгов, Рыльск с участием в боях за Глухов, Березину. Даже в полночь, когда мы снимались по тревоге, большинство казачек Александровки вышли нас проводить. Были объятия, поцелуи и слезы. Возможно, выросли в станице и наследники батарейцев 56-го гвардейского кавалерийского полка.

ОТ ДОНА ДО ДНЕПРА

Убит коновод Михаил Алтухов

Города: Старый Оскол, Льгов, Рыльск, Глухов, Чернигов, Любеч; реки Десна, Березина.

Продвигаясь практически без боев, батарея в составе полка 23 сентября подошла к реке Снов и втянулась в село Бегач, которое стало роковым и для батареи и для полка. Описывая боевые действия батареи, тем самым я описываю и свои, поскольку был ее частицей, всегда следуя с двумя-тремя разведчиками, двумя-тремя связистами и коноводом в конном или пешем строю, в зависимости от обстановки, с командиром головного эскадрона полка, являясь глазами и ушами комбата и квартирмейстером батареи. Батарея разместилась в центре села, недалеко от церкви, в выбранном мною районе. Люди разместились в домах, верховые кони — во дворах, пушки и повозки с упряжками — на улице.

На рассвете 24 сентября батарея готовилась в составе головного полка дивизии форсировать реку и войти в прорыв для действий по тылам противника в направлении Чернигова. Но этого в то утро не произошло. Накануне, готовя взвод к переправе, я обошел дома, где размещались отделения разведки и связи, проверил готовность людей и лошадей к выполнению поставленной задачи, состоящей, как всегда, быть в головном эскадроне и обеспечивать взаимодействие с ним батареи. После обхода я вернулся в дом, где меня хорошо встретили и приютили добрые старушка и старичок, угощая рюмкой самогона и кусочком курицы, приготовленной ради меня. Кстати замечу, я в течение всей войны более 50-70 граммов спиртного не пил вплоть до 9 мая 1945 г. Только взял я рюмку в руку и пожелал здоровья старичкам, как послышался гул вражеских бомбардировщиков и через минуту-две разрывы тяжелых бомб. Дом закачался, посыпались оконные стекла. Выскочив из-за стола, я попросил старичков залезть под печку, а сам выбежал во двор посмотреть, что там происходит, и увидел страшнее того, что предполагал. Первое — мой

коновод М. Алтухов ползет к дому с распоротым животом, внутренности растянулись по земле, и просит пристрелить его. Я крикнул: «Подожди, в момент приведу санинструктора». Быстро нашел санинструктора и возвратился, но было поздно... Алтухов, сидя спиной к стене, был мертв. Дотянувшись до своего автомата и прижав ствол к груди, он разрядил почти весь диск. До сих пор виню себя за то, что не заметил и не отбросил автомат коновода. Маловероятно, но М. Алтухов мог выжить, ведь на фронте всякое бывало. Второе — люди, а за ними и кони бежали к лесу по открытой большой поляне. Стервятникам этого и надо было. Развернувшись, новым заходом они ударили по бежавшим к лесу кавалеристам и коням. У мусульман есть обычай собираться у трупа убитого и оплакивать его. На поляне около раненых и убитых соплеменники собирались кучками, что увеличивало число жертв.

И. Калачев и Е. Ильиных, волевые и стойкие командиры, удержали своих подчиненных, и взвод управления потерял только одного М. Алтухова, хотя и это тяжелая утрата. Огневые взводы понесли значительные потери. Это был горький урок, научивший меня не метаться ни при каких обстоятельствах. Оказалось, наводчиком авиационного налета был вражеский шпион-корректировщик, засевший на колокольне церкви. Его стащили и растерзали. Полк из села выдвинулся в лес и замаскировался, выдвигение к месту прорыва задержалось.

В БОЯХ ЗА ЛЮБЕЧ

Первый орден «Красная Звезда»

В ночь с 24 на 25 сентября форсировали реку Снов и двинулись в образовавшийся прорыв к Днепру, уничтожая мелкие очаги сопротивления противника. Обойдя Чернигов с севера, полк подошел к г. Любеч и завязал бой. Я до прибытия комбата, находясь в боевых порядках эскадрона с разведчиками и телефонистами, разведывал огневые точки противника, определял места для НП и ОП батареи

и организацию связи между ними. Комбат решил вести наступление по-другому: приказал выкатить все четыре орудия на открытые ОП и вести огонь прямой наводкой, чтобы эффективнее поддерживать огнем наступающие в пешем боевом порядке эскадроны. По батарее стреляла вражеская САУ «Фердинанд» болванками, летевшими с ужасающим воем. Завязалась артиллерийская дуэль САУ «Фердинанд» – батарея (четыре 76,2-мм пушки). Массированным, беглым огнем осколочно-фугасными снарядами мы заставили САУ прекратить стрельбу и уйти. Батарея выиграла дуэль, обеспечив продвижение и форсирование канала эскадронам. Фердинанд подбить из 76,2-мм пушки по лобовой и бортовой броне практически невозможно. Уязвимым местом для «Фердинанда» при стрельбе нашими пушками была только ходовая часть (гусеницы, катки). Благодаря совершенному коллиматорному прицелу он на дальности 2 км первым же снарядом поражал любую выбранную цель, поэтому его боялись наши танкисты, и не только.

Однажды в западной Польше нам повезло. Полк, наступая, был остановлен противником. Батарея заняла боевые позиции для обстрела огневых точек немцев. И вдруг сзади-справа появился движущийся левее наших пушек «Фердинанд», подставив свой бок. Я дал команду: «Батарея, по ходовой части «Фердинанда», фугасными, веер сосредоточенный... огонь!». Залп удачный, да на расстоянии 150-200 м иначе и быть не могло. «Фердинанд», подбитый, остановился. Жду его разворота и выстрелов, их нет. Экипаж с поднятыми руками стоял у САУ. Оказалось, они не знали обстановки и двигались наугад – на запад. К тому же у них не было снарядов и патронов. Неожиданная удача – возможность ближе ознакомиться с его броней и вооружением, что в дальнейшем очень пригодилось. Коллиматорный прицел наши вооруженцы сняли.

Находясь рядом с комбатом, отыскивая и указывая цели, я просил его присесть, он ответил: «Не мешай» и продолжал стоять, показывая пример бесстрашия. Перекатывая орудия

за эскадронами, под прицелом стрелкового и минометного огня батарея подавляла пулеметные и минометные огневые точки и отдельные узлы сопротивления пехоты противника. Вскоре Любеч был освобожден от захватчиков.

За умелое руководство боевыми действиями батареи, взвода управления при освобождении украинского города Любеч и проявленные при этом мужество и отвагу комбат и я были награждены орденами «Красная Звезда».

С 10 октября батарея расположилась в лесу недалеко от села Т. Шевченко. Пополняли подразделения полка (эскадронов, батарей) местными, освобожденными от оккупации и годными к военной службе жителями Любечского района. Приводили в порядок вооружение и конский состав. В общем, наслаждались лесной тишиной и романами с местными девушками и женщинами. Комбат и я познакомились с симпатичными девушками, двумя Марийками. Вечерами встречались на посиделках, гуляли по селу и лесу. Однажды они пригласили нас к себе в гости. Дом мы знали, так как иногда провожали их. Подходя к дому, увидели открытое окно и услышали музыку: в доме крутили пластинку на патефоне. Вошли. Марийка, хозяйка, пригласила к столу. На столе домашние закуски и самогон. Перекусили, чуть выпили, мы принесли с собой «наркомовскую». Веселье в разгаре: песни (девушки хорошо пели,

а мы оба с комбатом — не певцы), пляски. И вдруг конский топот и голоса, приближающиеся к дому. Девчата заволновались: «Это квартирант!» Комбат спросил: «Ну и что, кто он?» — «Ваш командир, полковник Крылов». Марийка сказала: «Прыгайте в окно!» Пришлось удирать по кукурузе. Крылов приказал своему ординарцу Николаю стрелять. Позже Николай нам рассказывал об этом случае. Но история на этом не закончилась. Крылов приказал кадровикам отыскать двух Сашек, старшего лейтенанта и лейтенанта, так мы представились девушкам. Комбату не нравилось имя Прокофий, а я назвался Сашкой за компанию. После этого мы перешли на нелегальное положение, полковник домогался моей Марийки, а она тянулась ко мне. Таких историй бывало множество. Фронтальная жизнь не только бои. На фронте жизнь особенно ценилась, за нее боролись, а при возможности и расслаблялись, веселились, знакомились, любили, расставались, плакали, переживали и т.д.

ОТ ДНЕПРА ДО БУГА

Первая контузия

Лоев, Речица, Короватичи, Симановичи, Прудок, Мозырь, река Турья, с. Овлочим.

18 октября полк подошел к р. Днепр (в районе Лоева) и начал подготовку к форсированию его на подручных средствах (лодках, плотках из бревен или досок, плетеных огородных ограждений из хвороста, привязанных к бревнам, бочкам и др.), которые можно придумать, раздобыть. Определение сноса средств переправы течением реки. Организация разведок. Подготовка огневых позиций артиллерийских батарей для стрельбы прямой наводкой через Днепр. Мои артиллерийские разведчики нашли маленькую рыбацкую лодку на 3-4 рыбака. На ней мы втроем (я, разведчик и связист) с артиллерийскими приборами управления огнем батареи и рацией РСБ, при разрывах мин и снарядов, а также пулеметных очередях, без потерь переправились на противоположный берег. Нам было лег-

че, так как сзади плыли эскадроны кавалеристов, и всю мощь огня враг сосредоточил там.

Представьте... Темно, вы плывете, и вдруг вокруг вас началось: разрывы мин и снарядов (водяные столбы), свист и шлепки пуль. Рядом прямые попадания в плот или лодку. Он (она) разваливаются... одни бойцы, держась за бревно или доску, продолжают плыть, другие падают и уходят навсегда... А вам надо выполнять поставленную задачу: переплыть и быть готовым вступить в бой за малый кусочек земли — плацдарм... За переправу через реку и успешное управление огнем батареи я был представлен к награждению медалью «За отвагу». Далее бои и бои, про медаль я забыл. Да и не был уверен, что пройдет, так как командиров (офицеров) ею не награждали... В канун 60-летия Великой ПОБЕДЫ мне позвонили из военного архива... «Козлов Николай Петрович, воевал в кавалерии, командиром взвода управления батареи 56 гв. кав. полка?». Я ответил, что да. «За форсирование Днепра и успешное выполнение боевой задачи в боях за плацдарм меня представляли к награждению медалью «За отвагу». Представляли?» «Мне говорили, что представляли». «Медалью «За отвагу» вы награждены, получите». Вот такой состоялся разговор по телефону. Медаль жду до сих пор...

Продвигаясь с боями вдоль Днепра на север, освободили н.п. Козероги и вышли к н.п. Пирки. Противник закрепился на противоположном берегу небольшой реки, форсировать которую с ходу полку не позволил. Пикирующие «юнкерсы» штурмовали наши залегшие эскадроны (в боевых порядках которых находился и я). Одна из многих бомб разорвалась в 3-4 метрах от меня, темно, и все... очнулся... давление в голове, шум в ушах, запах камфоры, боль в левой височной части головы, горечь во рту, и вижу наклоненное ко мне лицо санинструктора старшины Свицина. Взрыв бомбы отбросил меня, я обо что-то ударился головой. Был без сознания, зубы стиснуты, разжимая их тупой стороной лезвия ножа, мне повредили десны и губы, усиленно вливали камфору. Повезло, санинструктор был

недалеко. Ночью форсировали реку, продвигаясь на север, заняли оборону фронтом на восток, в сторону Днепра. На этот раз не как всегда. Со мной взвод управления в полном составе и второй огневой взвод. Орудия поставили у дороги на окраине села. Гвардии лейтенант Н. Кудрявцев у правого по фронту края села, я — у левого. Кавалеристы заняли оборону ближе к Днепру, внизу, в прямой видимости. Жителей — никого, все попрятались в лесу. Разведчики добыли сала, капусты, огурцов, картофеля и всего необходимого для трапезы. Мой ординарец В.(С.) Карменов, он же и за главного повара, с помощью других готовил ужин. Редко весь взвод собирался вместе. Обычно кто-то на связи в штабе полка, кто-то на связи у комбата или командира эскадрона. Только расселись за сдвинутыми столами, вбежал посыльный от командира орудия, гвардии сержанта В. Ломако, вбежав, запыхавшись, выкрикнул: «Немцы утащили орудие!». Командую: «За мной!» и бегу к орудию, к крайнему дому. Мысли всякие... готов ко всему, но со мной 20 человек, а это все-таки сила. Подбегаю к дому и вижу на фоне костра возню, драку, слышу русскую брань, но немецкой речи нет. Что за чертовщина? Свои что ли, дерутся? Услышав мою команду: «Разойдись!», увидев подбежавший взвод, часть борющихся бросилась бежать от орудия и скрылась в темноте. Спрашиваю у командира орудия: «В чем дело?» По его словам, поскольку прохладно, да и еду надо подогреть, рядом с пушкой развели костер. В темноте слышались тихие разговоры и перебранка на русском языке каких-то людей, которых и приняли за своих кавалеристов. А те, видя на фоне костра у орудия всего шесть человек, видимо, решили завладеть орудием, но стрелять из стрелкового оружия боялись, зная, что мы недалеко. Я не стрелял сам и не подал команды подчиненным стрелять в убегающих, так как принял их за своих. Форму одежды убегающих людей я в темноте не разглядел. Вот бывают и такие чудеса. Кто они? Бандеровцы? Власовцы? Местные жители, пожелавшие вооружиться? Я так и не узнал. Занимался этим СМЕРШ.

ТЯЖЕЛЫЕ БОИ ЗА КОРОВАТИЧИ

Первое ранение

С 8 ноября во всех боях по освобождению населенных пунктов Березки, Тишковки, Краснодубровка, Головки, Речица я принимал участие непосредственно в боевых порядках эскадронов со своим взводом, батареей.

19 ноября 1943 г. утром мы ворвались в село Короватици и практически без боя заняли его. В полдень противник, вероятно, опасаясь того, что мы выйдем к крупному железнодорожному узлу Василевичи и перережем железную дорогу Гомель—Брест, подбросил крупные силы. Завязались ожесточенные бои нашего полка и полка соседней стрелковой дивизии с наступающим противником. Пользуясь большим превосходством в живой силе и технике, немцы теснили наши части, заняв половину села. Я с частью взвода (семь человек) оказался отрезанным от батареи и управлять огнем батареи не мог. В сложившейся обстановке попытался прорваться к батарее, но не получилось. Цепь автоматчиков, поддерживаемая артиллерийским и минометным огнем, теснила наш полк и полк соседней стрелковой дивизии.

Автоматчики врага развернулись и двинулись на нас. Отступая перебежками, отстреливаясь из ручного пулемета и автоматов, мы приблизились к огневой позиции одинокой батареей 82-мм минометов нашего полка. В одной из перебежек при сильном минометном огне противника (слева и справа от меня разведчики и связисты) я, приподняв голову и повернувшись налево, спросил: «Никого не задело?» И в этот момент осколок мины справа резанул мне за ухом и царапнул по щеке. Я почувствовал боль и теплое течение крови за ухом и по щеке. Если бы я случайно не приподнял и не повернул голову, этих строк некому было бы писать. Командир минометной батареи гвардии капитан Лапин предложил присоединиться к нему и участвовать в

отражении атакующих автоматчиков. Шквальным огнем прямой наводки двенадцати минометов, трех ручных пулеметов, двух десятков автоматов и стольких же примерно карабинов удалось устоять и удержать часть села до подхода главных сил дивизии. Бой был тяжелым, ожесточенным, нам досталось — были убитые и раненые, в том числе и я.

Досталось и немцам.

За героизм и мужество, проявленные личным составом батареи в окружении, за то, что практически одной батареей противник был остановлен, гвардии капитану Лапину было присвоено звание Героя Советского Союза. Ходатайствовал он перед моим комбатом о награждении и меня. К глубокой моей скорби, гвардии капитан Лапин не дождался до получения высокой награды. Он был убит в бою за селение Прудок (под Мозырем) и похоронен в парке г. Гомеля.

ЗАМОСТЬЕ, ОБОРОНА

«Концерты» немцев, два зала «Катюш»

2 декабря 1943 г. комбат приказал мне следовать в район Замостья, что западнее города Нахова, и выбрать места для расположения и оборудования НП и ОП батареи в системе обороны полка. Уточнив задачи полка и батареи, нанеся примерную линию обороны полка на карте, с тремя разведчиками, тремя связистами и ординарцем я присоединился к штабной группе и отправился выполнять приказ. Задача группы состояла в ознакомлении с системой обороны сменяемого нами стрелкового полка и подготовке к принятию его позиций. Встретившись с комбатом стрелкового полка и осмотрев боевой порядок его батареи, я решил НП оставить на прежнем месте, а местоположение огневой позиции изменить, оно меня не удовлетворяло, так как располагалось на пригорке и могло просматриваться и простреливаться противником. Прибывший комбат с моим предложением согласился,

но на время решил занять готовую огневую позицию, используя и пристрелочные данные батареи стрелкового полка. С командиром взвода управления батареи стрелкового полка я договорился проводить связь НП—ОП и НП—КП (командный пункт) полка не нарушать, а компенсировать из своих запасов стрелковому полку уже проложенный телефонный провод. НП оказался хорошо оборудованным: бревенчатые стены и потолок блиндажа обложены толстыми пластами земли с порослью, что в лесисто-болотистой местности маскировало, пол из бревен и хвои, нары, стол, а главное — печка из молочного бидона. Углубляться в землю нельзя, болото. Заняв НП, я, как всегда, начал изучать передилежащую местность, рисовать панораму, изучать переданные нам пристрелочные данные по реперам и целям, линию обороны эскадронов и др. В общем, началась однообразная и скучная фронтовая жизнь в обороне. Немцы не стреляли, мы тоже. Комбат изредка навещал НП, занимаясь в основном делами на огневой позиции (пушками и боевыми расчетами) и тылами (людьми и конским составом).

В двадцатых числах декабря обстановка изменилась. Немцы организовали идеологическую пропаганду. Перемещаясь вдоль линии обороны, они через громкоговорители озвучивали свои бравурные марши и наши русские народные песни, чередуя их призывами переходить на их сторону и сдаваться, все равно капут.

В один из таких дней комбат прибыл на НП с незнакомым майором. Майор представился командиром дивизиона «Катюш» и сказал, что ему приказано подавить идеологическую агитацию немцев залпами одной батареи. Задача, по единодушному мнению, невыполнима, так как из-за леса передний край противника, а тем более передвигающиеся громкоговорители с НП не просматривались. После долгих обсуждений и расчетов решили выдвинуться в боевое охранение эскадрона для определения пути решения поставленной задачи. Комбат, майор и я в сопровождении двух разведчиков приш-

ли на КП комэска, который и проводил нас до боевого охранения, находящегося впереди эскадрона примерно в 100 метрах. Сменяемое боевое охранение из трех стрелков, вооруженных ручным пулеметом и автоматами, располагалось в круговой изгороди из валежника, кустарника и других подручных материалов, высотой с полметра, имеющей амбразуру. Пол из лапника и плащ-накидки, потолок тоже из плащ-накидки. Сооружение было рассчитано только на троих, поэтому нам в течение трех-четырех часов пришлось лежать на слегка заснеженном болоте за этим сооружением. Громкоговорители то замолкали, то оживали (справа, слева, перед нами и т. д.). Решили: мне с разведчиками остаться с боевым охранением, оборудовать укрытие, организовать телефонную связь с КП комэска и продолжать наблюдение, а во время нахождения громкоговорителей на слух перед нами дать сигнал к залпу «Катюш» и при необходимости скорректировать огонь. До наступления темноты командир отделения связи Е. Ильиных организовал связь. Доставили мне и разведчикам полушубки, плащ-накидки, горячую пищу и чай в термосах. Однако ночевать мне там не пришлось, мне подали Атаку для прибытия к командиру полка. Как оказалось, вызов был связан с разъяснением мне оперативности и важности боевого задания. «Катюши» находятся в укрытии, быстро выдвигаются на подготовленные ОП, производят два залпа (первый расчетный, второй скорректированный) и немедленно снимаются с ОП. Огневой налет «Катюш» должен подавить громкоговорители, что во многом зависит и от меня. Ночью немцы обычно спят, поэтому до утра я мог отдохнуть в расположении своего взвода в тылу, в доме.

На рассвете следующего дня верхом в сопровождении ординарца я прибыл на НП батареи, далее в сопровождении разведчика добрался до боевого охранения эскадрона, где меня ожидали разведчики и телефонист.

В 9.00 утра громкоговорители заработали, я об этом

доложил комбату. Приказано наблюдать и определять направления и цикличность движения громкоговорителей во времени. Слушаем вчетвером «музыку», рисую на бумаге направления и циклы движения громкоговорителя во времени, используя педантичность немцев, и все докладываю комбату на НП. Там же и командир дивизиона «Катюш». К полудню комбат по телефону мне сказал примерно так: «Быть готовым! Когда объект выдвинется, следить за целью и действовать, как решили вчера. Дать команду **«Цель!»**».

В ожидании все напряжены. Наконец, громкоговорители оказались на слух против нас, и я крикнул в трубку: **«Я БО, цель!»** Комбат повторил: **«Я ОП, есть цель!»** Затем слышу в телефонной трубке команду **«Огонь!»** и сразу же за этим характерные звуки выстрелов «Катюш», шипение приближающихся и шлепки падающих в болото мин, а впереди разрывы. Мины падали вокруг нас, не разрываясь в болотном грунте. Находясь еще в шоке от первого залпа, который чуть было не накрыл нас, передаю на ОП: **«Ближе, недолет 200 м!»** Второй залп оказался удачнее — сплошные разрывы в обороне противника. Громкоговорители замолчали или по программе, или побоялись попасть под огненный смерч, или им все-таки досталось. Мы пережили неприятные секунды подлета и шлепков мин в болото вокруг нас. Хорошо, что в болоте мины не разрывались. Описал я это потом, чтобы показать: во-первых, как берегли «Катюши», во-вторых, какие тревожные секунды переживали мы, также показать опасность (для своих) стрельбы из «Катюш» по площадям. Боевое задание выполнено, командир полка поблагодарил и сказал, что это зачтется.

Во фронтовых заботах подошел новый 1944 год. Я решил собрать весь взвод на НП, за исключением двух дежурных телефонистов и двух дежурных коноводов, приглядывающих за конским составом. Организовали стол. Разведчик Н. Широков, отличный баянист, принес баян, заиграл, и по Полесью разнеслись музыка и фронтовые песни (запевала — телефонист Кульбида). Все шло хорошо,

радостно, и мне пришла мысль поздравить и порадовать с Новым годом и других. Я взял трубку полевого телефонного аппарата, подождав поближе телефониста А. Сердюкова, и попросил всех петь «Темная ночь...», а Сердюкову по моему сигналу произносить «Поздравляем с Новым годом!» Так по проводам мы начали рассылать поздравления на КП полка, КП батарей, эскадронов и т. д. И вдруг слышу по телефону: «К сети связи подключились немцы!» Прервав наши телефонные поздравления, я собрался доложить, что это не немцы, а мы, взвод управления, веселимся. Но тут звонок комбата: «Срочно связистов направить по линиям связи, найти место подключения немцев. Командир полка в ярости!» Видим, дела плохие, решили молчать. Позже я рассказал комэску связи дивизии Конабееву, несмотря на давность, он серьезно рассердился. Причина в том, что я ему испортил новогоднее празднование, всю ночь связисты эскадрона связи и связисты двух полков искали место подключения к сети связи немцев и самих немцев. Вот так мы отпраздновали новый 1944 год. Я очень корил себя за то, что сразу не доложил командиру о наших телефонных новогодних поздравлениях.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОЗЫРЯ

Второй орден «Красная Звезда»

С 8 января участвовал в боях за город Мозырь: разгром гарнизона в Ремезах, форсирование Припяти, рейд по тылам противника, разгром гарнизона в Прудках.

Ожесточенный бой в Козенках, где полк был неожиданно атакован двумя ротами противника, поддерживаемыми шестью танками «Пантера» и самоходкой «Фердинанд».

В бою решающая роль принадлежала трем полковым батареям: 76-мм пушек, 45-мм орудий и 82-мм минометов, которые огнем прямой наводки остановили атакующих и заставили перейти к обороне. Батарея потеряла 3 человека

убитыми и 6 человек ранеными. 13-14 января тяжелые бои за Загорыни и освобождение Мозыря. Дивизии присвоено почетное звание Мозырская. В указанных боях непосредственно участвовал я в боевых порядках эскадронов, ведя разведку и организуя связь НП-ОП батареи, командования полка, командиров эскадронов.

За боевые действия в Замостье и Мозыре я был награжден вторым орденом «Красная Звезда».

СИМОНОВИЧИ, РЕЙД В ТЫЛ ПРОТИВНИКА

*Рейд в тыл немцев, дезертирство комзвода
45-мм пушек Кобзаря*

Продвигаясь с боями по Полесью (Крахмальное, Холочки и др.), батарея к 16 января вышла в район Злодичево, Симоновичи и оборудовала НП и ОП в системе обороны полка. Зима, снег, холод, вши; нижнее белье не сдавали на обмен, а сжигали. Личный состав, греясь у костров, засыпая, прожигал полушубки, шинели и плащ-накидки.

В двадцатых числах января комбат, придя от командира полка, сказал, что для выполнения боевой задачи готовится отряд в составе группы полковых разведчиков, одного эскадрона, взвода 82-мм минометов, взвода 45-мм орудий и нашего взвода 76-мм пушек. Командиром сводного отряда был командир эскадрона. Мне было приказано подобрать необходимое количество разведчиков, принять в подчинение второй огневой взвод во главе с его командиром младшим лейтенантом Н. Кудрявцевым и возглавить группу от нашей батареи. В задачу отряда входило: разведка возможности наступления по гати через Припятские болота с форсированием Припяти и выходом к городам Туров и Петриков. При благоприятных условиях захватить Туров и удерживать до подхода полка и главных сил дивизии. Вечером всех командиров батарей,

взводы которых были включены в состав отряда, командира эскадрона и нас, командиров групп, которым предстояло лично участвовать в операции, собрал командир полка и уточнил боевую задачу. Повторил то, что рассказал мне комбат, и добавил: «Впереди пойдет разведгруппа взвода разведки во главе с командиром взвода и проводником от партизан. Связь со штабом по радио и конными вестовыми (посыльными)». Уточнив боевую задачу отряда и каждой группы, он сказал, что, по данным дивизионной разведки и партизан, с нашей, южной стороны болота немцев нет. Боевая операция ночная, на подготовку – сутки, готовность завтра в 24.00. Время начала выполнения боевой задачи будет дано дополнительно. Возвратившись в нашу с комбатом землянку, я скрупулезно, по авиационной привычке, изучил по карте маршрут движения, характерные ориентиры, а их всего два: два моста через притока Припяти. Оказалось, расстояние от Симонович до Припяти – 24 км, в том числе по лесу примерно 8 км, по гати (через болото) – 10 км, от большой реки (без названия на карте), притока Припяти, до Турова – 6 км. Весь маршрут – улучшенная грунтовая дорога, однако влево и вправо от дороги болото, а значит, пушки для боя можно разворачивать только на дороге. Это плохо. Своими мыслями я поделился с комбатом. Он сказал, что нам не впервые, подберем лучшие расчеты. Подобрали состав группы, проверили вооружение, конский состав, амуницию и т. д. Готовились основательно, отряд шел на выполнение важного боевого задания. Возможна разведка боем, а чем всё закончится – никто не мог предположить.

Поступил приказ: «Отряду построиться в 23.00, выступить в 24.00, на рассвете ворваться в Туров!» В 23.30 от головы колонны до хвоста прошли комполка, замполит и начальник штаба, проверили готовность к маршу, поговорили с людьми, предупредили о соблюдении строжайшего порядка и тишины на марше. Пожелали они и успешного выполнения боевой задачи. Движение началось в полночь, моя группа замыкала ко-

лонну отряда. Я во главе группы, со мной комвзвода Н. Кудрявцев, разведчики Г. Коротенко, Н. Котляров, Л. Аверьянов, за нами командиры 4-го и 3-го орудий с боевыми расчетами и пушками. Замыкал группу командир отделения связи Е. Ильиных со связистами А. Сердюковым и П. Беляевым. К моему удивлению, от Симонович двинулись не на северо-запад, а строго на север, в сторону от дороги, по лесной тропе.

От головы по колонне передали: соблюдать строжайшую тишину, впереди оборона немцев. Вошли в дремучий лес, справа, слева вековые ели. Преодолев оборонительную линию немцев и много ручейков (текущих в снегу), изменив направление движения на запад, примерно через полтора часа вышли к мосту через приток Припяти на грунтовую улучшенную дорогу Тенеж–Туров. Теперь колонну замыкал взвод кавалеристов-всадников. В тишине, преодолев по мосту еще заметную реку без названия на карте (приток Припяти), продолжали движение к Припяти. Около четырёх часов утра колонна остановилась, и прошла команда: «Спешиться, выставить боевые охранения слева, справа и в хвосте колонны. Командирам групп в голову колонны!» Комэска (командир отряда) сказал: «Впереди большая река, приток Припяти и мост, за ним в пяти километрах Туров. Выезжаем на рекогносцировку. Впереди разведчики, немцев нет». Проехав метров 200, спешили и вышли на опушку леса. Впереди открытая местность, вдали и слева впереди огоньки, это Туров. Выслушав комвзвода разведки, обменявшись мнениями, решили в конном строю на галопе проскочить мост и ворваться в Туров, пока немцы спят.

Возвратились к голове отряда. Комэска командовал по колонне: «По коням!», а нам «По местам!» В это время началась и усиливалась стрельба из стрелкового оружия сзади отряда. Прискакал вестовой от замыкающего комвзвода кавалеристов и крикнул, докладывая командиру: «Немцы с тылу!» Я дал шпоры в бока

своему скакуну Мурату и карьером к пушкам. Слышу пушечный выстрел и разрыв снаряда, это комвзвода Н. Кудрявцев, сняв 4-е орудие с передков, выстрелил по огням колонны немцев. Соскочив с коня и подбежав к нему, я крикнул: «Молодец, бей!», а командиру 3-го орудия гвардии старшему сержанту И. Борисову: «Разворачивай обе упряжки и орудие для движения назад!» Я уже был уверен, что задание не выполним, лишь бы пробиться назад, куда дорогу преградили немцы. Как потом выяснилось из сведений от партизан, это эсэсовцы возвращались в Давид-Городок из карательной операции против них.

Прискакал комэска, за ним два взвода кавалеристов. Спешились, развернулись в цепь левее и правее дороги и пошли в наступление, стреляя из пулеметов, автоматов и карабинов. Так же развернулись и открыли огонь минометчики, стреляли «сорокапятки» и наши 76-мм пушки. Все понимали: спасение и жизнь впереди, а там немцы, их надо разбить. Такого мощного и дружного огня каратели не выдержали и начали отступать, а потом и побежали. Продвигаясь, колонна вышла к мосту, от которого наш путь пролегал по лесным дорогам. Теперь все зависело от проводника. Комэска, оставив два взвода кавалеристов у моста, повел весь отряд ускоренным маршем за проводником. Линию обороны немцев пересекли в другом месте без боя и прибыли в полк. Позже прибыли и остававшиеся у моста кавалеристы. Убитых не было, были раненые, но пропали комвзвода 45-мм орудий Кобзарь (или Кобзев, не помню) и его ординарец. Никто не видел, куда и как в ходе боя они пропали. Предположения были разные: удрали к немцам, остались на поле боя убитыми или ранеными, захвачены в плен и т. д. Проводимые расследования положительных результатов не дали. Принято решение: послать разведгруппу на поиски Кобзаря и ординарца. Об этом мне сказал комбат и добавил, что я назначен командиром группы. Я отказывался, мол, причем тут я, пусть идут искать своего батарейца из батареи 45-мм орудий, там есть комбат, есть взвод пропавшего командира. Ком-

бат сказал, что он все это и сам говорил командованию, но решение принято, это приказ и добавил: «Иди к командиру полка». Комполка гвардии подполковник Дорофеев сказал мне: «Поскольку пропали артиллеристы, а ты артиллерист, к тому же знакомый с маршрутами движения отряда туда и обратно, пойдешь во главе группы». Я отказывался, аргументируя так же, как и в разговоре с комбатом. Наконец, он спросил: «Что, боишься?» Я ответил, что не боюсь, но не хочу погибать ни за что, без пользы для победы. Он сказал, что командование должно знать, не попал ли Кобзарь к немцам, а если попал, то как? Далее он сказал, чтобы я подобрал десять опытных вояк из батареи 45-мм орудий, а Королев (комбат 45-мм орудий) поможет. Через линию обороны немцев разведчики проведут, а там действуй сам. Я сказал, что пойду только со своими подчиненными, он согласился на условии: половина моих разведчиков и половина из батареи Королева. Я попросил, чтобы всех королевцев вооружили автоматами вместо карабинов. Затем комполка вызвал комбатов П. Павленко, П. Королева и зам. по тылу и в моем присутствии приказал обеспечить нас всем необходимым: автоматами, боеприпасами, теплой одеждой и обувью, сухим пайком на сутки. На конях нам проследовать до Симоновичей и далее до передовой. В Симоновичах дать возможность нам отдохнуть в доме. На рассвете в сопровождении полковых разведчиков перейти оборонительную линию немцев. Собравшись вместе (четверо разведчиков от моего взвода, четверо огневиков из боевых расчетов взвода Кобзаря и я), решили: одеться в фуфайки и теплые шаровары, обувь — не валенки, а хорошие сапоги, так как на пути открытые ручьи и под снегом сырая, заболоченная почва.

К вечеру на своих конях с коноводами мы прибыли в Симоновичи и разместились в подобранном для нас доме. Поужинали, кто хотел, приняли «наркомовские» 100 г и легли отдыхать. Благодать после холодной землянки в теплом доме! В три часа ночи подъем, завтрак, по коням и вперед. В темноте, ползком по глубокому снегу благо-

получно преодолели линию обороны немцев и вышли на лесную дорогу — обратный маршрут отряда. Разведчики пожелали нам удачи и пошли обратно. Теперь задача — пройти весь маршрут движения разведотряда туда и обратно, всего более 50 км. Определил боевой порядок при движении: два дозорных в 20-25 м впереди, два на таком же расстоянии сзади, в середине я и за мной четверо. Двигаться без шума, след в след, следы отряда уже запорошены снегом. Автоматы держать на боевом взводе, стрелять только по команде. При появлении неприятеля скрываться за деревьями вправо от дороги. Итак, вперед! Вышли к дороге Тенеж—Туров и к первому мосту. Стало уже светло. Подал сигнал остановиться и укрыться за деревьями справа. Взяв с собой двух надежных, опытных, прошедших много боев разведчиков К. Коротенко и Н. Котлярова, пошел вперед выяснить обстановку. Кругом тихо, прошли метров двести вдоль дороги справа, тихо. Подал сигнал всем двигаться ко мне, решил сделать часовой привал, отдохнуть, попить чайку. Двое дозорных остались у дороги. Отошли от дороги метров на 15 и расположились под огромной елью на перине из хвои, как в шалаше. Длина нижних ветвей более двух метров. Продолжая движение после привала, к полудню приблизились к конечной точке маршрута отряда (месту проводимой рекогносцировки). Повторил предыдущий маневр, подав сигнал всем укрыться за деревьями, двое за мной. Вышли на опушку леса, впереди большая поляна, просматривается река и мост. Вобравшись на дерево, влево впереди увидел Туров. Вблизи никого нет, можно возвращаться. Возвращаясь, двигались в том же боевом порядке с парными дозорами впереди и сзади. Подошли к первому мосту, повернули на лесную дорогу и двинулись к фронту. По пути решил сделать привал и подал отряду сигнал. Вдруг впереди послышался лай собаки. Подумал, что это собака местных жителей или охотников, но меры предосторожности принял. Уходя в сторону от дороги, лапником заматали свои следы. Лай приближался, дал команду залечь и пригото-

виться к бою. Уже стала слышна немецкая речь со словами «партизан». Подал сигнал «за мной» и повел группу от дороги в лес. Немцы отстали, и мы остановились, присели у ели под лапником. Лай собаки не прекращался, становился громче и приближался, послышался и нарастал шум моторов. Началась стрельба в нашу сторону из автоматов вслепую. Так как лес густой, то мы немцев не видим, они нас, наверное, тоже. И все-таки неприятно, свист пуль и падение сбитых веток хвои. Решил не рисковать и ускорить движение, чередуя переход с шага на бег и т. д. Преследование продолжалось. Поперек движения оказался ручей (приток Припяти) шириной около метра, глубиной 10-15 см. Изучая маршрут рейда отряда в тыл немцев по карте, я отметил, что все ручьи — притоки текут с юга на север в Припять. Дал знак зайти в ручей и по воде, по течению бегом. Пробежали метров 200, вышли из воды и пошли на восток, заматавая за собой следы. Уже темно, немцы ночью не воюют, и я решил тоже «не воевать», устроить ночлег. Отыскали громадную ель, снега вокруг ствола на 1,5-2,0 м нет, только «перина» из иголок толщиной 20-30 см, мягко. Доели, допили все, что осталось, и улеглись полукругом головами к стволу. По бокам, сидя спиной к стволу, неспящие сменные часовые. После пяти-шестичасового отдыха начали, не торопясь, продвигаться в восточном направлении. Рассвело, решили отдохнуть: кто лежа, кто сидя. Я по карте и компасу пытался определить местонахождение. Характерных ориентиров нет, кругом лес, громадные ели. Решил двигаться дальше до следующего ручья. Продвигаясь, вышли к небольшой поляне, на поляне небольшое бревенчатое строение типа сибирской заимки. Тихо, обитателей не слышно, пожалели, что она не попала нам вечером, отдохнули бы в тепле, но прошли мимо. Впереди идущие Г. Коротенко и Н. Котляров показывают вверх. Подхожу и вижу привязанную к ели колоду, выдолбленную из толстого дерева. Так готовят дикий мед. Голодные, мы решили посмотреть. Сняли и вскрыли, действительно, мед.

Полакомились и повесили на прежнее место. Продолжая движение, наткнулись на ручей, направление течения которого параллельно нашему движению. Ручей с характерным изгибом изображен и на карте, что помогло мне определить наше местоположение. Если двигаться вдоль ручья на запад (против течения), мы выходим к дороге Симоновичи—Буйновичи. Это нам и надо. Двигаясь в выбранном направлении, натолкнулись на опорный узел обороны немцев. Опять удача: немцы нас не заметили. Решил углубиться в лес, замаскироваться и вести разведку опорных узлов обороны немцев с тем, чтобы ночью пробраться к своим, ожидавшим нашего возвращения еще вчера. При полной темноте, ползком, врываясь до земли в снег, друг за другом благополучно преодолели немецкую линию обороны. Обороняющиеся кавалеристы встретили нас пулеметным огнем. К счастью, пулеметчик оказался не метким, плохим стрелком.

Прибыв в расположение полка, я доложил комбату все, как было: что нет Кобзаря ни живого, ни мертвого. Комбат сказал, что комполка ждет и беспокоится. Заслушав устный доклад, комполка приказал подробно всё изложить в рапорте, что я и сделал. К вечеру меня снова вызвал комполка. Подозвав к карте, он потребовал еще раз подробно рассказать о нашем рейде с показом на карте. Выслушав, сказал, что комдив приказал еще раз пойти и пройти по прямому маршруту движения отряда. Выход завтра в ночь. Готовимся группой в том же составе, учитывая опыт прошлого похода.

На следующий день вечером снова вызвал комполка. Прибыв, я опешил: перед ним стоит ординарец Кобзаря и рассказывает, наверное, уже не первый раз, как было. Оказалось, во время боя отряда с карателями Кобзарь струсил, дал команду ординарцу «за мной» и галопом в лес, а далее в Мозырь. Там, оставив ординарца, куда-то ушел и не вернулся. Ординарец, фамилию не помню, ждал, а потом на двух сменных лошадях скакал, торопясь доложить своему комбату о пропаже командира взвода. Позже

труса Кобзаря поймали в Минске, там он снимал деньги с книжки, судили военным трибуналом и расстреляли, так ему и надо было.

МЛЫНЕК СИМОНОВСКИЙ

Убит коновод Петр Калин

Сдав оборону сменившим нас подразделениям и двигаясь на запад (Тенеж, Милошевичи, Домбровица, Владимирец), мы приблизились к р. Стырь и завязали бой за Млынек Симоновский. Передовые эскадроны были остановлены противником и залегли. Комбат приказал мне выбрать место для НП и место для стрельбы с закрытой ОП. Место для НП в боевом порядке эскадрона я подобрал быстро, а с подбором ОП возникла проблема, кругом болота. Наконец-то я увидел небольшую тропу, ведущую в лес от дороги влево. Двигаясь по тропе, метров через 100-150 я выехал на небольшую поляну, огороженную по периметру жердями. Спешившись, сказал коноводу Петру Калину: «Будь тут, а я поищу возможный путь для проезда боевых расчетов с пушками». Отошел на 30-40 метров, и вдруг сзади ухнули разрывы мин вражеского огневого налета. Оглянулся и вижу: Петр и оба коня лежат на земле. Подбегаю к Петру, он лежит между конями весь в крови, глаза открыты, не моргают. Разрываю рубашку, ухо прикладываю к груди и не слышу биения сердца, щупаю на руке — пульса нет. Закрыв ему глаза, встал, снял фуражку, сказал: «Прости...», и не мог удержать слез. Слышу храп, оборачиваюсь и вижу: мой скакун Мурат, подняв голову, смотрит на меня так жалобно, что описать невозможно. Это может понять только тот, кто бывал в таком положении. Вынул пистолет из кобуры, направил в висок коню и закрыв глаза разрядил всю обойму. Открыл глаза — Мурат затих. Какой-то рок, второй коновод погибает. Заменив обойму, с пистолетом наизготовку иду по лесу один к батарее. На пути ручей шириной метра 1,5-2,0 с перекинутыми через него двумя березовыми жердинами. Пере-

хожу по ним, одна прогнулась, и я падаю в воду, глубина небольшая, около метра. Выбрался я из канавы весь промокший и продолжил движение ускоренным шагом (зима, февраль, одежда — фуфайка, свитер, летние шаровары, сапоги). Подхожу к комбату, он смотрит на меня как на привидение. Сбежались все из моего взвода, спрашивают: ранен я, что ли? Оказывается, кроме того, что я весь мокрый, я еще и в крови (фуфайка на груди, руки). Доложив обо всем, взяв санинструктора, разведчиков, связистов, повозку, шанцевый инструмент, отправился к месту трагедии. Тело **Петра Калина** привезли в батарею и в сопровождении санинструктора отправили в медсанэскадрон. Коней захоронили там же, на опушке поляны. Пока все это происходило, Млынек Симоновский был взят. В нем не осталось ни одного дома, только печи с трубами. Одну из таких печей растопил и хорошо прогрел ординарец Василий. Забравшись в печь, я хорошо пропотел, переодевшись во все сухое и чистое, отправился догонять батарею. Взводом в этот период командовал мой помкомвзвода В. Калачев.

В районе г. Луцк (вблизи н.п. Рожище) в начале марта 1944 г. прибыло к нам пополнение конского состава из Монголии. Кони дикие, прямо из монгольских степных табунов, низкорослые — 120-130 см, гривы и хвосты лохматые (никогда не чесанные). При попытке подстричь, одеть оголовье или седло кусаются, брыкаются, визжат, прыгают, падают и т. д. Ох, и намучились мы с ними, проклиная все пополнение. Приходилось валить, связывать, надевать оголовье, седло и держать так лежачими... пока не успокоятся. И все-таки за месяц мы их, хотя и мало, приручили. Зато потом с ними проблем не было. Нет корма — грызут кору сосен, елей, любой кустарник, камыш, осоку и другую растительность, в общем, все, что было рядом, растущее. Выносливые, седоку, как собаки, преданы. Вошли в Польшу, меняли их на красивых европейских лошадей, бросая и отдавая взамен монголоков. Удивительно, но они убегали от новых хозяев, догоняли нас, находили

свои эскадроны, взводы, батареи, боевые расчеты. Пристраивались в строй именно там, где они находились прежде. Как они находили именно свое место, как собаки, непонятно... И снова их включали в боевые расчеты за их выносливость, неприхотливость в кормах и преданность седоку.

6 апреля 1944 г. после отдыха, пополнения людьми и конским составом, поступившим из Монголии, двинулись в направлении Ковеля. Движение затруднено, началась весенняя распутица, грязь, создающая особые трудности при движении вне дорог.

ТУРЬЯ—ОВЛОЧИМ—ТУРЬЯ

Второе ранение

Наступление, оборона, отступление. Героизм и гибель 19 батарейцев.

Головной отряд полка, представляющий усиленный эскадрон, 6 апреля подошел к реке Турья и завязал бой за село Ягодное. Я с частью взвода управления и огневым взводом участвовал в этом скоротечном бою. В ходе указанных боев Ягодное было освобождено, мост захвачен, продвижение полка вперед в направлении Ковеля обеспечено.

Под Ковелем на реке Турья около сёл Овлочим и Гальки батарея 16 — 17 апреля 1944 г. героически дралась один на один с превосходящими бронетанковыми силами и пехотой врага и погибла, выполнив до конца свой долг. А начинались и развивались боевые действия батареи утром 16 апреля так. Я, разведчики Л. Аверьянов, Г. Коротенко и телефонист А. Сердюков находились на НП батареи в боевых порядках занимающих оборону эскадронов полка.

К 10 часам утра туман рассеялся, разведчик позвал меня к стереотрубе, и я увидел слева впереди на опушке леса массу танков, самоходных орудий, бронетранспортеров и мотопехоту, готовых к наступлению, о чем немедленно доложил комбату и получил приказ: «Быть готовым

Маскируясь в темноте в мелком кустарнике, мы добрались до ОП батареи. Там хозяйничали немцы, и наши надежды кому-нибудь помочь оказались напрасными. Картина даже в темноте нам предстала ужасающая: одно орудие перевернуто вверх колесами, другое на боку, третье искорежено, без щита, трупы наших батарейцев.

За ночь, вчетвером, под обстрелом и немцев, и своих, просочившись через боевые порядки немцев, преодолев вброд реку Турью и оборону нашей дивизии, мы пришли в полк к остаткам батареи. И здесь начались мои «приключения»... Несмотря на полученное мной ранение осколком мины в голень правой ноги, военные следователи затаскали меня, обвиняя в потере орудий и гибели людей. Батарея героически дралась с во много раз превосходящими силами врага и погибла, до конца выполнив боевую задачу — не пропустить врага. Разбиты все 4 орудия, погибли командир батареи, командир взвода гвардии младший лейтенант Н. Кудрявцев, три командира орудия, наводчики и другие из боевых орудийных расчетов, всего 19 героев. Благодарные жители села Овлочим поставили им в последующем на месте гибели памятник. Батарея задержала движение вражеской армады, дав тем самым возможность полку и другим частям дивизии отойти и организовать оборону за рекой Турья. Иными словами, своей гибелью батарея спасла дивизию от разгрома.

Командир взвода управления являлся фактически заместителем командира батареи, поэтому ответственность за гибель батареи пытались возложить на меня. Следователи затаскали. Заведенное для передачи военному трибуналу дело дошло до командующего артиллерией 7-го гв. кавалерийского корпуса гвардии генерал-майора артиллерии Изумрудова. Неожиданно меня вызвали в штаб артиллерии дивизии. Прибыв, я узнал, что в штабе находится уважаемый всеми артиллеристами корпуса генерал Изумрудов, занимающийся моим делом. Беседуя со мной, генерал Изумрудов попросил подробно рассказать, как было дело, и вспомнил учебно-боевые стрельбы под Луцком.

Тогда отдельные батареи корпуса, в том числе и наша батарея, выполняли стрельбы с закрытой ОП. Подошла наша очередь. Комбат спустился в окоп НП и начал готовиться к стрельбе, но руководитель стрельб, генерал Изумрудов, его остановил и сказал: «Вас нет, кто заменит?» Комбат ответил: «Командир взвода управления». «Вот пусть он и стреляет», — сказал генерал. Я не ожидал такого оборота, заволновался, надо собраться, не подвести батарею и себя. Спустился в окоп НП, подошел к буссоли, оглянулся вокруг, приказал разведчику наблюдать в стереотрубу, телефонисту слушать и передавать мои команды на ОП. Генерал указал цель: «Пехота в траншее». Батарея провела стрельбу по указанной цели. Неожиданно, но стрельба получилась, по оценке генерала, **отличной**. И он сказал командующему артиллерией 14-й гв. кавалерийской дивизии гвардии полковнику Скворцову, чтобы меня поощрили. Мне он пожелал также **успешно стрелять и по реальным вражеским целям**. Я обещал стараться.

Подробно описал я это потому, что решался судьбоносный для меня вопрос, быть ли штрафником? При беседе присутствовал начальник артиллерии дивизии гвардии полковник Скворцов. В заключение генерал Изумрудов сказал: «Возвращайтесь в полк. Вашей вины нет, дело будет прекращено». Генерал был старым артиллеристом, воевал в Первую мировую войну на германском фронте (Брусилковский прорыв) в чине капитана артиллерии русской армии.

В действительности виновато было командование полка, и прежде всего лично командир полка гвардии подполковник Дорофеев, не разрешивший смену ОП. Полк просто бежал, оставив батарею один на один с наступающей пехотой и бронетехникой врага. Поскольку батареи фактически не было, командир полка приказал мне сформировать конную группу из 50 всадников (эскадрон или взвод) и стать ее командиром. Командованием дивизии решение командира полка было отменено, он был снят и откомандирован. Вскоре по заданию гвардии полковни-

ка Скворцова мною была сформирована новая батарея из остатков личного состава прежней и нового пополнения. Вначале нам выделили одно орудие из 52-го гвардейского Хорезмского Краснознаменного кавалерийского полка, а спустя месяц мы получили четыре новых орудия (находясь непосредственно в обороне, по р. Турья). Я стал ИО командира батареи 76-мм пушек 56-го гв., орденов Ленина и «Красное Знамя» кавалерийского полка и командовал батареей практически год (до апреля 1945 г.).

Надо отметить, боевые позиции батареи и полка были неудовлетворительными из-за расположения на восточном берегу реки Турьи в низине и просматривались противником с возвышенного западного берега практически на всю глубину нашей обороны. Поэтому боевые порядки наших 52-го и 56-го полков оживали в ночное время. В это время проводилась активная (поисковая) разведка противника, улучшались боевые позиции (рытье траншей и окопов), подвозились (подносились) боеприпасы и продовольствие, в том числе и горячая пища на весь предстоящий день.

Мой артиллерийский НП располагался в 300-400 м от передовой (берега реки) и представлял собой траншею вдоль фронта длиной примерно 10 м, с тремя выдвинутыми вперед боевыми ячейками для наблюдения и стрельбы из ручного пулемета и автоматов. И траншея, и ячейки с укрепленными подкопами для укрытий и отдыха. ОП батареи располагалась в 3 км сзади НП в мелком кустарнике. Круглосуточно нами велось наблюдение по выявлению огневых точек и КП противника. По разведанным ОТ и КП, я готовил данные для стрельбы с закрытой ОП. Огонь на подавление целей я открывал только утром, под прикрытием восходящего солнца, это и хорошая маскировка обеспечили живучесть батареи. Противник много расходовал снарядов по ОП батареи, но мимо, не наблюдая вспышек при стрельбе орудий. Противник обстреливал наши боевые позиции из стрелкового оружия и минометов круглые сутки, особенно в светлое время, мы только утром при восходе солнца, маскировавшего вспышки наших пу-

шек. Постоянно над нами кружили «мессеры». Однажды утром при восходе солнца я вел огонь батареи по пулемету противника, увлекшись, не заметил подкрадывающихся сзади двух «мессеров». Разведчик крикнул: «Присядьте, «мессеры» атакуют». Повернулся, вижу — один «мессер» с усмевающимся летчиком летит прямо на меня, стреляя из пулеметов, не попал. Разворачивается, заходит снова, усмехаясь, летчик стреляет. Теперь я с пулеметом. Стреляем друг в друга — мимо. Заходит в третий раз, так же усмехаясь, не стреляет, спустился почти до земли, чуть не задел меня и бруствер. На рассвете для маскировки окопы мы закрывали плащ-накидками и по очереди отдыхали в укрепленных подкопах со стороны противника. Как-то, лежа в окопе, почувствовал тепло у спины, поворачиваюсь и вижу спящую рядом красивую татарочку Азизу Нургалиеву. Ее прислали недавно в батарею санинструктором. Спрашиваю: «Вы почему здесь?» Отвечает: «Горячих пирожков принесла». Днем по открытой местности, когда противник по отдельно движущемуся человеку открывает минометный огонь. Она прошла (проползла) более 3 км с термосом на спине, поразительно! Накормила нас пятерых пирожками. Пожурил, предупредил, чтобы такого больше не было. И в дальнейшем у нас сложились хорошие, большие дружеские отношения, которые и погубили, как мне кажется, ее. Очень жаль. **Она погибла** от влетевшего в окно и разорвавшегося в противоположной стене 75-мм снаряда противника, **24 января 1945 г., в г. Лодзь**, далее будет описано.

В один из дней позвонил старшина батареи Руцкий и доложил о том, что замкомполка по тылу не доволен тем, что от батареи не представлены отчет и заявка на продовольствие и имущество, причина — неоперативность капитанармуса и писаря И. Иванова. Приказываю: «Писаря с документами и горячей пищей в термосе направить немедленно ко мне». Прибыв, он доложил о готовности отчета-заявки для подписания и доставленной горячей пище, видно, здорово струсил. Я его предупредил о том,

что, если такое повторится, он будет каждый день носить обеды на НП, а как еще наказать на передовой?

11 мая я сдал НП и ОП комбату стрелкового полка, совершив пятисуточный марш, батарея прибыла в село Копилье Волынской области. Там, на новом месте дислокации, мы отдыхали и пополнялись до середины июля. С 14 по 20 июля, совершив марш, наша новая батарея сосредоточилась в селе Рудно.

В последующем, фактически командуя батареей, я на протяжении года так и не был утвержден. Числился командиром взвода (ИО комбата), хотя в боях на Украине, в Польше и Германии батарея выполняла все поставленные перед ней боевые задачи, что отмечалось в представляемых на меня характеристиках сменяющимися командирами полков (подполковник Сацюк, полковник Кобяков, подполковник Максимов).

А некто (особисты и вновь прибывший начальник артиллерии полка капитан Андриенко, которого я игнорировал, действуя напрямую с командиром полка и не отдав свою кобылку Атаку) помнили и мстили. И только в апреле 1945 года, перед Берлином, меня назначили командиром такой же батареи 76-мм пушек 52-го гвардейского Хорезмского Краснознаменного ордена Суворова II степени кавалерийского полка (командир гвардии подполковник Максимов).

ОТ БУГА ДО ВИСЛЫ

Третий орден «Красная Звезда».

Хелм, Люблин, Стенжица, Бжесце, Осины

21 июля форсировали реку Буг и вышли на территорию Польши. Встречали нас очень хорошо, с цветами, фруктами и т. д. Продвигаясь через Дорогуск, Хелм, сбивая мелкие группы противника, 22 июля вышли к юго-восточной окраине Люблина и завязали встречный бой с вырвавшимися из окружения немцами. Местность ровная, посева ржи, проса, трав. И вот на этом желтом фоне идут

без огневой поддержки только с автоматной и винтовочной стрельбой темные наступающие цепи врага. Массированный огонь кавалеристов из стрелкового оружия, разрывы снарядов батареями 45-мм орудий, 82-мм минометов и наших 76-мм пушек остановили врага и заставили залечь. Темнело, я организовал НП на стоге, сложенном из снопов ржи. Оттуда хорошо просматривалась местность впереди, справа и слева. Решил пристрелять пару реперов перед залежими цепями противника и, как оказалось, не напрасно. Со мной разведчик с буссолью, телефонист у аппарата и ручной пулемет. Внизу у стога четверо разведчиков и три телефониста занимались рытьем окопов и маскировкой, готовясь к бою стрелковым оружием. ОП батареи развернута в тылу, на расстоянии 1,7 км. Старший на батарее лейтенант Кедров доложил о готовности. Вызвав коновода Н. Савченко с лошадьми, я, вскочив на Атаку, поскакал на ОП и в хозтыл предупредить, что к утру возможен прорыв немцев к батарее и к тыловым службам. Вернувшись назад, коновода отправил, а сам забрался на стог и лег подремать (сон на фронте неглубокий, чуткий).

На рассвете разбудила сильная стрельба с обеих сторон. В предрассветной темноте чуть заметны перебегающие и стреляющие фигуры немцев, как раз там, где я с вечера пристрелял отдельно стоящее дерево. Скорректировав дальность, скомандовал: «Репер один! Меньше пятьдесят! Веер параллельный! Батареею, четыре снаряда, беглый огонь!» Разрывы ложились хорошо, перебежки прекратились, немцы залегли. Стрельба с обеих сторон прекратилась. Немцы начали вставать с поднятыми руками, а кавалеристы брали их в плен. Я хорошо запомнил место, где залегла группа примерно из 10 человек, соскочил со стога и бегом туда. На ходу вынул из кобуры пистолет и, подбежав к стоящей ржи, крикнул: «Deutsche soldaten! Kommen Sie her! Schnell! Hende nach oben!» Неприятно для себя обнаружил, что я один. Из колосящейся ржи поднялись и направились ко мне семь фрицев с поднятыми руками, с оружием на ремнях. Другого выхода нет, надо пленить их самому. Приказал построиться в ше-

ренгу, руки на голову, а сам мандражу — я же один! Спрашиваю здорового немца по-немецки: «Кто ты?» Он ответил, что капельмейстер, и, показывая в рожь, говорит, что там офицер. Наконец-то подбежали мои разведчики и начали отбирать оружие у плененных мной немцев. Осторожно иду в том направлении и вижу двоих сидящих: солдата с автоматом и офицера, раненного в голову и руку, перевязанного. Подхожу к ним, солдат встал, забираю автомат. Показываю знак офицеру, оберлейтенанту, встать, он пытается и не может, приказал солдату помочь. Встав, офицер отдал мне пистолет «Маузер-патент», десятикратный бинокль и карту. Всех плененных отправил в штаб. За проведенную боевую операцию я награжден **третьим** орденом «Красная Звезда».

ВИСЛА, ОБОРОНА, ОТДЫХ

Стенжица, Бжесце, Осины

Пройдя с боями Кононицы, Велколаз, Жичин и Ковка (28.07—06.08), 7 августа вышли к Висле (местечко Стенжица). В Стенжице комполка гвардии подполковник Сацюк, заменивший Дорофеева, собрал командиров эскадронов, батарей и провел рекогносцировку выделенной полку полосы обороны по берегу Вислы. В середине полосы шириной около 10 километров расположен населенный пункт Стенжица. Там разместилось командование и штаб полка. Мне комполка поставил задачу: «Обеспечить огневую поддержку по всей линии обороны полка». Поэтому я построил боевой порядок батареи с основным направлением стрельбы посередине линии обороны полка. Место НП определил правее Стенжицы на самом берегу реки. ОП выбрали сзади-слева в двух километрах, в районе Бжесце. Пушки расставили в посадке под деревьями вдоль дороги. Оборудованием НП занялся весь взвод управления под руководством помкомвзвода И. Калачева. НП получился отличным: для наблюдения, для управления огнем батареи, для самообороны и для быта. Хорошо оборудованные и замаскированные НП и ОП обеспечили в последующем возможность подавления и

уничтожения выявленных огневых точек противника. Лимит расхода снарядов — четыре на сутки, поэтому приходилось выбирать наиболее значимые цели и тщательно готовить данные стрельбы по ним, накапливать 16-20 снарядов, а потом проводить внезапный эффективный, поражающий цель огневой налет. От НП на 100 метров вправо и влево наших в обороне не было, линия обороны была не сплошной, а отдельными опорными узлами. Поэтому наблюдение за противником (инструментальная разведка через амбразуру, прорытую из окопа в береговую кручу, и из корзины, сплетенной из веток и закрепленной на сосне) велось круглосуточно. Я все время находился на НП, изредка выезжая на ОП и в хозтылы (к старшине батареи) для проверки. Хорошо изучил местность, нарисовав подробную панораму (ширина Вислы 1200 метров, за ней вдоль берега дамба, за дамбой хутора, посреди реки перед НП заросший мелким кустарником остров), и пристрелял опорные реперы.

Наблюдая с дерева, разведчики заметили, что один из домов на хуторе часто посещали военные. Я попросил поднять на дерево стереотрубу, поднявшись в корзину и ведя наблюдение за указанным домом в течение двух-трех часов, пришел к выводу, что это или штаб, или узел связи, который надо разрушить. Снаряды были уже накоплены. Взяв телефонную трубку, передал команду: «Батарея к бою! Репер номер 1! Правее столько-то! Прицел такой-то! Первому один снаряд, огонь! Прицел такой-то! Батареею! Веер сосредоточенный! Один снаряд, залпом огонь!» Наблюдаю: дом горит, крыша провалена, залп удачный.

Перед НП на противоположном берегу был оборудован немецкий ДЗОТ с пулеметом, иногда постреливающим в нашу сторону. Опасаясь за наблюдателя в корзине, я решил если не разрушить ДЗОТ, то хотя бы подавить пулемет. Для подготовки огневого налета я устроился на наблюдательном пункте. Сажу в окопе у стереотрубы, наблюдая через амбразуру вырытую в берегу, слышу, как разведчик-часовой докладывает прибывшему на НП командиру полка. Выскакиваю из окопа и докладываю обста-

новку и по ДЗОТу, сказав, что снарядов нет. Он попросил показать ДЗОТ (подчеркиваю, именно попросил). У него, бывшего заведующего кафедрой математики одного из вузов Москвы, подобная форма обращения так и осталась. Спустившись в окоп, я навел стереотрубу на амбразуру ДЗОТа, уступив ему место для наблюдения. Понаблюдав, он спросил: «А попадешь?» Я ответил: «Постараюсь». — «А сколько надо снарядов?» — «По нормативам двадцать» — «Действуй!» Взяв буссоль и бинокль, я поднялся на дерево и открыл стрельбу. Стрельба получилась удачной: семью фугасными снарядами ДЗОТ был уничтожен вместе с пулеметом и расчетом. Комполка — математик, знающий теорию вероятностей, удивился, поблагодарил и сказал: «Когда потребуются снаряды, обращайся прямо ко мне». Так был решен вопрос с лимитом выстрелов. Я этим решением комполка не злоупотреблял, но немцев беспокоил частенько и не напрасно, как потом показали пленные. Управление огнем батареи с закрытой ОП искусство, а при стрельбе с большим смещением особенно. Я постоянно тренировался, тщательно готовился к стрельбам, и в результате — эффективное подавление или уничтожение огневых средств и живой силы противника.

ПЕРВАЯ РАЗВЕДГРУППА ЗА ВИСЛУ

Гибель первой разведгруппы

В конце сентября, сидя в саду на берегу ручья позади НП, вижу, как к мостику через ручей приближаются, разговаривая, несколько человек. Впереди группы комполка. Выслушав мой рапорт, комполка представил начальников разведки корпуса и дивизии, при этом сказал, что приказано добыть «языка». Наиболее подходящее место здесь благодаря наличию острова. Затем попросил меня ознакомить разведчиков с местностью. Каждому из них через стереотрубу я показал весь просматриваемый впереди участок местности. На следующий день пришел командир взвода разведки дивизии Орлов и сказал, что к ночи под-

везут лодку для переправы на остров, а ко мне просьба, если потребуется, прикрыть артогнем. Оказалось, вверх по течению имеется длинная песчаная коса, и, если доплыть до острова и проташить лодку по косе, можно причалить к противоположному берегу напротив острова. А это обеспечивает связь с НП и огневое артиллерийское прикрытие. Лодку оттащили к ручью. На следующий день привезли вторую лодку. Круглые сутки Орлов со своими разведчиками изучал огневые точки противника, расположенные вдоль дамбы, ориентиры для высадки и подхода к месту захвата языка. Начало операции держали в тайне. На следующий день приходит комполка и с ним три комбата 146-го артиллерийско-минометного полка, батареи которых, как и наша батарея, будут прикрывать разведчиков.

Надо было определить ОП всех батарей, выполнить расчеты и пристрелять, что могло насторожить противника. Я предложил поставить 76-мм пушки рядом с нашими пушками, одна батарея правее, другая левее и тогда, внося корректировку по направлению, можно не пристреливать, а использовать пристрелянные данные мои. Так и решили. Проблема возникла при пристрелке минометной батареи 120 мм. Надо было выбрать боевую позицию батареи (ОП и НП) и пристрелять опорные ориентиры. Так как я хорошо знал всю полосу обороны полка, комбат попросил помочь ему. Исследовав окружающую местность, определили более подходящую боевую позицию батареи (определили места ОП и НП). Для НП выбрали небольшую возвышенность вблизи озера. Комбат вызвал разведчиков и телефонистов, которые его и оборудовали (вырыли окопчик, установили приборы управления огнем батареи и протянули проводную связь НП—ОП). Я никогда не управлял стрельбой минометов и не вмешивался в действия комбата. Пристрелка проходила неудачно, затянулась из-за большого рассеивания мин (то разрывы в реке, то где-то за хуторами (разрывы не наблюдаемы...)). Артиллеристы-немцы засекли наш НП и открыли огонь. Первый разрыв сзади нас, второй впереди — вилка!!! Я крикнул: «Бежим к озеру!». Подбегаем и падаем

на болотный берег. Сзади разрывы, столбы земли и дыма. Дым рассеялся, и видим, на месте нашего НП — огромная воронка: попали гады. Нет приборов и телефонного аппарата. Вот так бывает. Случайность, везение? Возможно, да. Но у меня двухлетний опыт в артиллерийских атаках врага. Это, я думаю, помогло в сохранении наших жизней... Думаю, кто-то добрый, вещей ведет меня по хорошему жизненному пути и после войны, поныне...

Комполка позвали к телефону, возвратясь, он сказал, что прибыли командир дивизии генерал Коблов, начальник артиллерии дивизии, и начальник разведки дивизии и попросил меня их встретить. Позвав разведчика Л. Аверьянова, наиболее представительного, пройдя с ним через весь сад до забора (метров 200), увидел пароконную пролетку, возле которой стоял генерал, с ним две женщины в белых халатах и несколько верховых, в том числе мой начальник и «лучший друг» Андриянов. Я представился и попросил следовать за мной. Идем. Генерал высокий, толстый, дышит тяжело, а меня беспокоит, пройдет ли он по окопу в полный рост от ручья к НП. К счастью, у моста через ручей нас встретил комполка и предложил поговорить в укрытии у ручья, а потом посмотреть из окопов и из смотровой амбразуры. Я, получив разрешение у генерала, ушел, беспокоясь за демаскировку НП, хотя он и прикрыт от наблюдения противника стоящими впереди могучими соснами. И все-таки беспокойно: уж очень много собралось людей, а «рама» противника летает. Начальник разведки дивизии с Орловым уединились в левом окопе для ручного пулемета и что-то обсуждали. Полковник Скворцов попросил меня показать остров и заречное пространство противника. Пройдя в окоп с амбразурой, посмотрев, он сказал, что глубина не просматривается. Я ответил, что глубина хорошо просматривается с дерева, а там место только для одного. Я дал ему панораму местности, изображенной на бумаге, с указанием всех характерных строений, ориентиров и пристрелянных реперов, и он по веревочной лестнице поднялся на дерево. Спустившись, он вызвал, и мы пошли по окопу к ручью.

Подойдя к генералу, он что-то сказал, тот кивнул ему головой в знак согласия. Полковник Скворцов отвел нас, четырех комбатов, в сторону и сказал, что операция назначена сегодня в полночь. Затем развернул мою бумажную панораму и пригласил всех к обсуждению возможных вариантов создания заградительной огневой дуги для разведчиков на той стороне Вислы. Я доложил вариант, который мы уже обсудили. Подумав, он утвердил предложенный вариант и приказал готовиться к стрельбе с наступлением темноты, готовность — 23.00. Все ушли, кроме начальника разведки дивизии, помощника начальника штаба полка по разведке и командира взвода разведки Орлова. Договорились о сигналах связи (мигающие огни фонарей: красный — вызов артогня, с указанием направления ракетой, зеленый — причалили нормально, идем на захват, белый — «язык» есть, возвращаемся). Вечером опять все собрались на НП. Генерал с двумя «сестрами» укрылись в блиндаже, остальные — кто в окопах, кто у окопов. К 23.00 все готово: команда из 14 разведчиков во главе с помкомвзвода разведки и две лодки, спущенные на воду левее НП. Все три батареи готовы к стрельбе по моей команде, с разрешения комполка, по установленным прицельным данным.

В 24.00 разведчики в лодках от косы поплыли к противоположному берегу. Все в напряжении, в ожидании сигнала. Через полчаса услышали разрывы гранат и несколько автоматных очередей, потом все стихло, никаких сигналов не последовало.

Мы продолжали обсуждать происшедшее до утра, споря, что же могло произойти? На рассвете разошлись, остались начразведки дивизии и Орлов, которым было тяжелее всех. Когда стало совсем светло, наблюдающий с дерева Г. Коротенко крикнул: «Голый человек на острове!» Все бросились по окопам, чтобы увидеть. Я в окоп, к амбразуре, к стереотрубе и вижу: идет по острову в нашу сторону совершенно голый человек. Узнаю его, наш разведчик (фамилию не запомнил). Выскочил из окопа, кричу: «Подожди, лодку пришлем!» Кричат и другие. Он не реагирует,

входит в воду и плывет к нам. У берега сильное течение, его понесло, и вскоре он скрылся под водой, унеся тайну с собой. В продолжение всего дня мы следили за той стороной реки и не находили никаких признаков, проясняющих произошедшие ночные события.

ВТОРАЯ РАЗВЕДГРУППА ЗА ВИСЛУ

Спустя неделю все повторилось, за исключением того, что не приехал комдив, а задача — не только добыть «языка», но и данные о судьбе первой группы. Во главе этой разведгруппы (14 человек, по семь в лодке) шел сам Орлов. На этот раз, учитывая прошлый опыт, подготовка проводилась без спешки. Заранее подвезли еще две маленькие лодки, ночью протянули канат между берегом и островом, протянули телефонный провод и установили полевой телефон, предполагая, что там будет дежурить замаскированный разведчик — наблюдатель батареи. Поэтому я с разведчиком и телефонистом ночью, пользуясь канатом вместо весел, переплыл рукав и обследовал остров, который представлял собой сырой песок, заросший кустарником. Оборудовать окоп для укрытия было невозможно, рукой копнул — вода. В день операции утром пришел комполка, проверил готовность и сказал, что он будет во время операции на острове, и ушел.

Все готово к проведению операции, и я решил поспать. Начал устраиваться на нарах в блиндаже, но тут телефонист передает мне трубку телефона и говорит, что звонят из штаба дивизии. Представляюсь и слышу, невероятное: «Примите телефонограмму». Н.П. Козлову. «Распоряжением генерала Изумрудова Вам надлежит 25 сентября прибыть в штаб артиллерии корпуса для убытия на учебу в академию, в Москву. Приказ в полку будет завтра, готовьтесь», подписал начштаба артиллерии дивизии». Записав телефонограмму, я опешил, настолько это было неожиданным. Телефонист смотрит на меня, спрашивая, что случилось? Отвечаю, шутка. Сон пропал, мысли в голове

самые разные, ушел на свое местечко у ручья. С кем посоветоваться? Решил позвонить в штаб артиллерии дивизии хорошему знакомому Мише Султанову. Вернулся в блиндаж, выпроводил телефониста покурить и позвонил. Соединили. Разговор примерно такой: «Миша, здравствуй!» — «Коля, знаю и поздравляю!» — «Миша, посоветуй, как мне поступить?» — «Ты еще и раздумываешь? За тебя все болеют, завидуют и желают счастливого пути. Из корпуса вас таких только двое, не раздумывай!»

Тут же позвонил старшине, попросил организовать баню и подать к НП лошадей, а комвзвода управления И. Калачеву прибыть на НП и быть за меня. По пути в хозтыл заскочил на ОП. Пройдя по окопам, проверил готовность к ночи, поговорил со старшим на батарее гвардии лейтенантом В. Кедровым о встрече двух батарей 76-мм пушек (ЗИС) 146-го артиллерийско-минометного полка. У старшины А. Руцкого, хлопотами Василия (Султана), я помылся, переоделся в лучшую одежду, хорошо пообедал и даже попросил выпить рюмку «наркомовской», чем их очень удивил. На обратном пути к НП Василию сказал, чтобы он привел в порядок и уложил мои личные вещи, так как я завтра уеду из полка, сказал, куда, но пока попросил молчать.

БОЙ И ГИБЕЛЬ ВТОРОЙ РАЗВЕДГРУППЫ ЗА ВИСЛОЙ

В 22.00 прибыл Орлов с разведчиками и сказал, что будут прямо против НП переправляться на остров, используя и маленькие лодки. Переправились, Орлов с разведчиками и я с разведчиком и телефонистом. Все три лодки привязали к канату.

Орлов проверял уже не первый раз экипировку и готовность холодного оружия и автоматов у разведчиков, особенно сигнальные средства, а я готовность связи, наблюдателей и батарей.

К 23.30 на лодке подплыли комполка и начразведки дивизии, который сказал: «Удачи вам, ребята» и пожал всем руки.

Комполка и я также пожелали разведчикам удачи. Орлов командовал: «К лодкам, волоком по косе, на воду, вперед!» Мы все их сопровождали, пока в сапоги не стала затекать вода, коса уходила все глубже. Мы вернулись к телефону, а разведчики скрылись в темноте. Я расстелил свою казачью с начесом бурку и предложил комполка и начразведки сесть. Оба отказались, продолжая наблюдать стоя. Я сел, взял телефонную трубку и поочередно предупредил всех старших на батареях о готовности к стрельбе. Начались томительные минуты напряженного ожидания. Минут через 15-20 заметили мигание зеленого огня, что означало: «Причалили нормально, идем на захват». Уже легче, но радоваться рано. Через 25 мин послышалась автоматная стрельба, разрывы гранат, сигналы ракет указывают вправо вперед. Я командую в трубку: «Третьему, НЗО, огонь!» Шестнадцать снарядов полетели к намеченной цели, слышны разрывы. Там идет бой, сигналы ракет указывают: влево. Я — в трубку: «Первому, НЗО, огонь!» Еще 16 снарядов полетели на помощь разведчикам, слышны разрывы. И опять сигналы ракет (двойные) указывают: вперед и дальше. Я снова в трубку: «Второму, НЗО, дальше 200, огонь!» Комполка мне: «Давай, бей!». Я — в трубку: «Первому, второму, третьему, НЗО, огонь!» Первый и третий — это комбаты 146-го артминполка, второй — это старший на нашей батарее. На стороне противника сплошные разрывы. Даю команду: «Всем стой! Записать НЗО!» Стало тихо, вероятно, прорвались вглубь, нам этого очень хотелось. Сидим, ждем. Я обращаюсь к комполка и говорю, что это последний мой привет фрицам. Он спрашивает, почему? Отвечаю, что сегодня поступит приказ о моем откомандировании и убытии в Москву, в академию. Кто сказал? Отвечаю, что это распоряжение генерала Изумрудова, получил телефонограмму из штаба дивизии вчера, подписанную начальником штаба. Подумав, он сказал примерно следующее: «Сынок, так он меня называл, тебе учиться не надо, у тебя знаний достаточно и опыт есть, ты умеешь организовать, а главное, стрелять, а это важнее для победы, чем учеба. Я сделаю тебя человеком, ты будешь героем, ты этого заслужил. Пусть учат

неучей». Я думал, что этот разговор не имеет значения, но, оказалось, что я ошибался. Командир полка, сам ученый, кандидат физико-математических наук, начальник кафедры, знал, что значила учеба и окончание академии. Но все это я оценил позже, а пока язык мой — враг мой.

Уместно обратиться к «Боевой характеристике» от 30 декабря 1944 года на командира взвода управления батареи 76-мм пушек, гвардии старшего лейтенанта Козлова Николая Петровича.

«Козлов в бою решителен, смел, храбр, поставленные перед ним задачи выполняет честно, добросовестно. Свое дело любит и хорошо знает, умеет в боевой обстановке поднять дух бойцов своего взвода, батареи, воодушевить подчиненных на подвиги, отвагу, пользуется большим авторитетом и доверием среди личного состава, положителен, как офицер исключительно тактичен, вежлив.

В офицерской этике примерен и влиятелен на подчиненных, в характере скромн, честен.

Артиллерийскую службу знает в совершенстве, теоретически грамотен отлично.

Выводы: Должности комвзвода управления 76-мм батареи вполне соответствует.

Командир 56 гв. кав. полка

Гв. подполковник /Сацюк/ 30 декабря 1944 г.»

Вопросы: 1. Почему старший лейтенант? Я им еще не был. 2. Почему не выдвигает на комбата?

Артиллеристы свою задачу выполнили, обеспечив прорыв разведгруппы из окружения, но об этом стало известно позже. Прорвались не все, часть группы в бою погибла. Орлова, с перебитыми ногами, оставшиеся в живых унесли с собой в лес, но и там их обнаружили немцы. А пока мы ждали...

Приказ мне «Убыть в Москву в академию» не состоялся.

Я после разговора с командиром полка пребывал в раздвоенных чувствах, как поступить? Позвонил начальнику штаба полка и спросил о приказе. Он ответил, что ничего не знает. Звоню Мише. Миша, сказал, что ком-

полка звонил комдиву, а тот Изумрудову, решили, что поедет от корпуса только один. Миша, посочувствовав, посоветовал пойти к комполка и попросить отпустить меня. Что делать? Звоню командиру полка, прошу. Он отвечает примерно так «...тебе ехать не надо, ты не пожалеешь, все будет хорошо, воюй, будешь героем!» Однако все сложилось не так. Сацюка скомпрометировала разведка Армии Крайовой (лондонского антисоветского польского правительства), выкрыв у помначштаба полка по разведке карту с оперативной обстановкой. Агентом была Дануся, красивая полячка, жена летчика, погибшего в боях с немцами в сентябре 1939 г. Комполка не раз брал меня с собой при поездке к ней в гости. Она жила в красивом двухэтажном особняке, окруженном садом, в стороне от Стенжица, на берегу Вислы. Приезжали мы на фаэтоне в упряжке двух серых в яблоках коней, одни, без ездового. Встречала нас Дануся очень хорошо: бутылочка хорошего вина, фрукты. Но чем она мне не нравилась, это курением. Ни комполка, ни я не курили. О второй, шпионской стороне жизни Дануси Стацюк мне рассказал в ноябре, когда сдавал полк полковнику Кобякову. Об этом подробнее потом, а пока мы продолжали держать оборону на Висле.

Спустя какое-то время разведчик-наблюдатель на дереве доложил, что немцы что-то строят. Из окопа не видно, мешает дамба. Я поднялся на дерево и вижу, что десятка два немцев, кто в мундире, а кто в белых (нижних) рубашках, что-то в кустарнике копают. Цель заманчивая, звоню комполка, как всегда в обход Андриенко, докладываю и прошу 16 снарядов. Он только сказал, что, если потратишь не напрасно, бей. Еще раз приведу слова любимой мной команды, артиллеристы полевой артиллерии меня поймут, а не артиллеристы познакомятся. Даю команду: «Батарей, к бою! По живой силе! Цель № 1! Правее столько-то! Прицел такой-то! Веер сосредоточенный! Осколочным! Батареею четыре снаряда, беглый — огонь!» Цель поражена удачно. Там, где копошились фрицы, сплошные разрывы. Дым, комья земли в воздухе, все смешалось. На душе ра-

достно. Дым рассеялся, и видим: на месте проводимых работ трупы в мундирах и нательных рубашках. По показаниям пленных там строилась огневая позиция для зенитной 75-мм пушки с прожектором, которые находились там же, рядом, но из-за кустов не просматривались. Потом подтвердилось, что в результате артналета были убитые и раненые, полностью разбит прожектор и повреждена зенитная пушка. Пушка с прожектором готовилась для «встречи» наших разведчиков ночью. Участились полеты «рамы».

УНИЧТОЖЕНИЕ, ПЛЕНЕНИЕ РОТЫ ПРОТИВНИКА НА ВИСЛЕ

В одну из ночей, на рассвете, лежа в блиндаже, слышу автоматную очередь и крик: «Немцы плывут!» Вскочив, схватил ручной пулемет, дал команды телефонисту: «Батарей к бою!» «Взвод к бою!» Сам в окоп, вижу: плывут, барахтаются в воде между косою и нашим берегом немцы. Бью из пулемета в упор, при этом отбил всю эмаль с ордена «Красная Звезда», разведчики — из автоматов, фрицы уходят под воду, некоторые выскочили на отмель перед крутизной берега, подняв руки вверх, кричат по-русски: «Мы свои, без оружия, не стреляйте!» Один рослый, совсем рядом, у кручи, кричит: «Мы сдаемся!» Вижу, все без оружия, прекратил стрелять сам и кричу многократно: «Не стрелять!» Здоровяку крикнул, чтобы он поднялся ко мне, остальным стоять. Подошедший ко мне здоровяк представился командиром роты туркестанского батальона. Я опешил, своих что ли перебили? Оказалось, перед нами находился в обороне батальон, сформированный из военнопленных среднеазиатских республик. Командование батальона немецкое, командиры рот и взводов русские, а унтеры и солдаты из среднеазиатских республик. Комроты рассказал о том, что пошел в батальон для того, чтобы перейти к своим. Приняв роту, уговорил всех переплыть и сдаться, хотя знал, что мало кто переплывет, но сознатель-

но шел на это. Рассказал он о разрушенном доме (штабе) и ДЗОТе, о поврежденных зенитной пушке и прожекторе, убитых и раненых у противника и о многом другом... Командование их батальона считало, что у нас зарыт танк, который так точно поражал цели, поэтому и летала над нами «рама».

О первой группе наших разведчиков перебежчик рассказал, что их при причаливании забросали гранатами немцы, заменившие их роту накануне, зная о готовящейся нашей разведывательной операции. Как все происходило в действительности, он не знал. Им (русскоязычным) немцы не доверяли.

О второй группе он рассказал, что люди его роты попрятались и разведчиков пропустили, однако группа наскочила на часового штаба, немца, который и начал стрелять из автомата, а дальше произошел бой, хорошо работала ваша артиллерия, говорили, что там был ваш корректировщик. По разговорам, были убитые и раненые с обеих сторон, а больше он ничего не знает. За хорошие вести о результатах стрельбы батареи я хотел его угостить, но прибывшие из СМЕРШа не дали. Всего из роты уцелело 17 человек, умеющих хорошо плавать, им просто повезло. Все командиры хотели остаться у нас рядовыми, говоря, что смоят позор плена кровью, если это потребуется, но им отказали, сказав, что решаться этот вопрос будет не здесь. Мне их было жаль и, если позволили бы, я взял бы их к себе в батарею.

КОРОТКИЙ ОТДЫХ В ОСИНАХ НА ВИСЛЕ

9 января 1945 года я сдал НП и ОП комбату сменившего нас стрелкового полка. Батарея, совершив ночной сорокакилометровый марш, на рассвете сосредоточилась на окраине села Осина (перед Пулавским плацдармом на Висле). Квартирьером от батареи, входящей в состав полковой группы, был И. Калачев. Встретив батарею, он указал на несколько удаленных от села домов, в которых должна

квартироваться батарея. Подозвав командиров взводов и старшину, я повел их, указывая, где кому расположиться. Два крайних дома я определил для размещения огневых взводов, самый крайний дом — для размещения отделения разведки и себя. Подхожу к этому дому и вижу на двери написано: «Тиф». Подумав, решил не отступать. Стучу, за дверью женский голос спрашивает: «Кто?» Отвечаю, что я русский офицер и мне необходимо поселить ненадолго нескольких военных. Дверь открылась, на пороге появилась женщина (в темноте трудно было определить возраст) и почти без акцента по-русски сказала: «Пожалуйста». Я вошел. Она зажгла керосиновую лампу и повела меня по комнатам: небольшая прихожая, просторная гостиная, небольшая, на две кровати, спальня. Спрашиваю ее, где разместим семь человек? Она отвечает, что тут, т. е. в гостиной, сокрушаясь, что спального белья на всех не хватит. Разговариваем на русском языке, хотя я мог объясняться довольно сносно и по-польски (научился за полгода при общении с поляками). Хозяйка мне предлагает занять одну из двух коек в спальне, а свекровь и дочь уместятся на одной. Я отказался, сказав, что я размещусь на полу. Пока мы разговаривали, встал и оделся хозяин. Он сказал, что принесет соломы из клуни и расстелет на полу, а сверху постелят одеяла. В общем, постель получилась неплохой.

Хозяин, узнав по моей одежде (хорошая черная с синевой и красным верхом кубанка, казачья с начесом бурка, хорошие из польского габардина гимнастерка и шаровары, лампасы, серебряные шпоры, офицерский ремень с двумя плечевыми портупьями, офицерская шашка, на руках лайковые перчатки, в руке стальной обшитый кожей стек), что мы кавалеристы, спросил, сколько у нас лошадей, и предложил разместить их в клуне, поскольку там тепло и есть сено. Чувствую, что произвел на них благоприятное впечатление. Вместе с хозяином я вышел на улицу, он пошел открывать ворота клуни, а я предупредил всех о тактичности, вежливости взаимоотношений с хозяевами. Хозяин Стефан занялся размещением людей и лошадей,

а я пошел проверить, как устроились взводы и хозяйство старшины.

Все устраивались нормально. Командиры взводов В. Кедров, Н. Мельников и старшина А. Руцкой – красавцы и одеты так же хорошо, только без бурок. Возвратясь, заглянул в клуню, там Стефан сказал, что ночевать будет в клуне, чтобы мы не беспокоились. В клуне тепло, лошади жуют сено, я подошел к Атаке, погладил.

Возвращаюсь в гостиную, стол накрыт, струится пар от отварного картофеля и чая, нарезано сало и хлеб. Хозяйка, Елизавета Валерьяновна, приглашает к столу. Я поблагодарил и отказался, так как уже ночь и есть не хотелось. Она показывает на соседнюю комнату и говорит, что постель мне приготовил вестовой (ординарец Василий) и что постельное белье он расстелил свое. Прошел в продолговатую соседнюю комнату, входная дверь посередине стены. Вдоль противоположной стены расставлены две кровати, моя постель (матрац, подушка, две простыни и одеяло) оказалась между ними, головой к стене. Сняв сапоги, ослабив ремень, расстегнув воротник, я улегся и мгновенно заснул. Проснулся я, лежа на спине, от чувства, что кто-то смотрит на меня. Поворачиваю голову влево и вижу через трубчатую решетку спинки кровати красивое личико, пылливо смотрящее на меня. В гостиной уже никого нет, все ухаживают за лошадьми. Внутри дома тихо, спокойно, и я снова заснул. Разбудил меня Василий, сказав, что вызывает комполка. Вскочив, я вышел умываться на улицу. Пока снимал гимнастерку и свитерок, подошла красавица с водой, мылом и полотенцем, сказала: «Дзень добжый» и оказала услуги в умывании. Умывшись, поблагодарил ее и спросил, как зовут? Она ответила, что зовут ее Яной и спросила мое имя. Я назвался. Она повторила мое имя и поблагодарила по-польски: «Барзо, барзо дзенькуе». Знакомство состоялось. Яна пригласила меня к накрытому столу. Я, поблагодарив ее, сказал, что позже. Вскочил на Атаку, за мной Василий, поскакали в центр села.

Комполка организовал чаепитие, собрав всех комэсков, комбатов и штабных работников. Он сказал, что предстоят серьезные бои, вероятно, глубокий рейд по тылам противника во взаимодействии с танками. Надо готовить личный и конский состав, вооружение и транспортные средства к длительным и ускоренным маршам с боями. Далее сказал, что нам выдадут служебные десятикилометровые карты. Вот на этой самой карте он и погорел (подробнее об этом позже).

Развернув полученную у комполка карту, я увидел на ней обозначенную полосу нашего возможного продвижения, от Вислы до Одера. Возвратясь, я собрал командиров взводов (Кедрова, Мельникова, Калачева) и старшину. Отойдя от дома за клуню, я шепотом передал разговор, состоявшийся у комполка, и наши задачи, умолчав о карте.

Возвратился, личный состав взвода управления, пообедав, собрался в клуне, развлекался. Н. Широков играл на баяне, А. Сердюков запевал, остальные подпевали. Л. Аверьянов, артистично приплясывая, травил байки о своих любовных похождениях, например, как в него влюбилась и хотела с ним убежать радистка эскадрона связи дивизии («походно-полевая жена» комэска). Кто-то играл в шашки, шахматы и т. д. В общем, собравшись вместе, что редко бывало, делились своими «героическими» и негероическими курьезами фронтовой жизни, разыгрывая друг друга. Я любил слушать музыку, песни и нарочитую хвалю подчиненных. Зная это, они при моем появлении расходились еще больше. Посидел с ними на сене, все было хорошо, но что-то тревожило, а что? Это что-то проявилось через неделю.

Войдя в дом, увидел накрытый стол, хозяйка приглашает пообедать. За стол в прихожей-кухне садятся: Елизавета, Янина, Стефан и свекровь. На столе бутылочка хорошего вина, первые и вторые мясные блюда, овощи и фрукты. Разговор получился оживленным, взаимно приятным. По просьбе хозяйки я рассказал о себе, о Сибири, затем она рассказала о себе. Она была родом

из Петербурга, в 20-м году, восемнадцатилетней девушкой, выехала с родителями во Францию. В Варшаве она встретила с бравым польским офицером Стефаном и осталась с ним. Вскоре Стефан вышел в отставку, и они переехали в его владения, в Пулавы. С приходом в Пулавы наших войск начались постоянные бомбежки, обстрелы, бои, поэтому семья купила для себя это временное неустроенное жилье. Как только фронт продвинется дальше, они вернутся в Пулавы. Елизавета сказала, что она очень хочет побывать в Петербурге, в Советском Союзе. Стефан больше молчал, только подкивал, видно было, что Лизу он очень любил. Яна не произнесла ни одного слова, хотя по-русски понимала и говорила неплохо. Так за разговорами просидели до сумерек. Я решил пройтись по батарее и посмотреть еще раз, как устроились мои бойцы, чем они занимаются. Все были в заботах: кто приводит в порядок амуницию, кто обмундирование, кто возится со своими лошадьми, а кто просто отдыхает. На постах, как и положено, поставлены часовые.

Возвращаясь, подхожу к дому. Мне навстречу идут двое: Яна и еще одна девушка, которая представилась Даной. Яна сказала, что Дана ее подруга, и она приглашает нас в гости. Я обращаюсь к Данае по-польски, спрашиваю: «Почему она сама не приглашает?» Дана обрадовалась и залопотала: «Барзо, барзо, проше пана офицера до мешкане». Предупредив Калачева и Василия, я в сопровождении двух красавиц отправился в гости. Хутор, где жила Дана, оказался далековато, с полкилометра от окраины Осин. Мать и отец Даны занимались хозяйством. Поздоровавшись, мы прошли в добротный дом, состоящий из двух просторных половин. Дана хлопотала у стола. Яна завела патефон и под зазвучавшую польскую песню пригласила меня к танцу. Я, извинившись за то, что являюсь плохим танцором, попросил поставить пластинку с музыкой танго. Прислонясь к Яне в танце, я почувствовал течение приятного тепла с головы до ног. Танцуя, спрашиваю у Яны,

сколько же ей лет, отвечает — девятнадцатый. Говорю ей, что я старше, мне уже в марте будет двадцать один. Она засмеялась. Сели к столу, полакомились фруктами и чайком с абрикосовым вареньем. Провожая нас, Дана просила приходить в гости с другом, они уже присмотрели В. Кедрова, симпатичного блондина. Кстати, он очень хорошо пел, в том числе и оперные арии, и танцевал превосходно, чему я всегда по-хорошему ему завидовал. Возвращались домой, взявшись за руки и прижавшись, мне казалось, мы пылали огнем и молчали, боясь нарушить такое состояние. Подойдя к дому, поцеловались. Так начался наш роман. Вошли, маленький стол накрыт в спальне, так как в гостиной на полу расположились для ночлега разведчики. Я поблагодарил хозяйку, но от ужина отказался и сказал, что с ее разрешения лягу спать. Василий сказал, что постель мне подготовлена не на полу, а на кровати, поскольку бабушка ушла ночевать к родственникам. Раздевшись и улегшись в постель, я долго не мог заснуть, чувствуя, что и Яна не спит, но молчу. Последующие дни и вечера проходили так же. Яна отказалась ходить в костел, из-за чего бабушка сильно рассердилась и поругала Яну. Вечером в гости мы пошли втроем, потом мы с Яной долго гуляли на окраине села, она предложила посмотреть и погладить мою Атаку. Войдя в клуню, я отправил Н. Котлярова в дом, сказав, что потом его позову. Яна погладила Атаку, сели на сено, — хорошо. От лошадей, жующих сено и похрапывающих, исходил родной для меня запах (два хозяйских бельгийских тяжеловоза были тут же). Сидели мы обнявшись, молча целовались. В четвертую ночь, закрыв двери, Яна подошла к моей кровати и полураздетая улеглась рядом. На мои возражения, что родители рядом, что я завтра не смогу им смотреть в глаза, она сказала, что я маме очень понравился, осуждать не будет, у поляков это не грешно. Крепко обняв, прижалась ко мне. Так началась наша любовь... Счастливо и радостно прошли и последующие три дня. Только бабушка возненавидела меня за то, что Яна перестала ходить с ней в костел.

КОМПОЛКА САЦЮК СНЯТ, ПОЛК ПРИНЯЛ ПОЛКОВНИК КОБЯКОВ

Утром 14 января вызов к командиру полка. Прибыв, докладываю. Сацюк пожал мне руку, сказал: «Извини, поговорим позже» и представил нового командира полка полковника Кобякова и комбата капитана Войтенко. Все комэски, комбаты, штабные работники, кроме Андриенко, мне посочувствовали в том, что я не уехал в Москву и что меня опять не утвердили комбатом. Я сожалел только о первом. Теперь я понял, что меня тревожило: на предыдущем совещании комполка Сацюк вел себя не как всегда, он уже знал о последствиях утраты помначштаба служебной карты. Закончилось совещание, посвященное подготовке к ночному маршу в другое место. Мы понимали, куда: за Вислу. Разрешив расходиться, Сацюк подозвал меня и сказал Кобякову обо мне много лестных слов. Одновременно попросил ходатайствовать о моем повышении, при этом сказал, что я этого заслужил и что Скворцов и Изумрудов меня знают. Потом отозвал меня в сторону и сказал, что очень сожалеет о том, что не сможет теперь выполнить того, что задумал, и извинился еще раз. На прощание сказал: «После победы приезжай ко мне в Москву». И, наконец, сказал, что его подвели помначштаба по разведке и Дануся. Потом подозвал меня к себе полковник Кобяков и сказал, что он постарается выполнить просьбу подполковника Сацюка, будет ходатайствовать о моем повышении, а пока надо сдать батарею Войтенко и помочь ему в первое время при знакомстве с батареей. Он также намекнул, что предстоят серьезные боевые дела. Кобяков не обманул, несколько позже мне предложили должность командира престижного взвода управления у генерала Изумрудова. Поблагодарив, я отказался: не хотелось мне быть штабным, тыловым воякой.

Возвращались в батарею после совещания молча. Василий уже знает, что Сацюк не комполка, а это зна-

чит, что Андриенко будет отыгрываться на мне и за Атаку, и за наши отношения с командиром полка, и с ним. Василий мне это высказал и добавил, что все ординарцы так думают. Я ему сказал: «Дорогой Вася, не горюй, мы еще повоюем». Прибыв, приказал старшине отправить Парфенова, коновода, за новым комбатом Войтенко. Я полагал, что это мое последнее распоряжение как комбата, а оказалось не так: комбат Войтенко занимался своими, личными делами... Боевыми делами батареи приходилось и дальше руководить мне, но об этом потом. А теперь я думал о Яне. Сказать, что ночью уходим, нельзя. Что же делать? Запала она мне в душу, а я ей еще больше. Она говорила, что очень любит и написала на своей памятной фотокарточке, по-польски: «На память для моего Николая». Подчиненные, по словам Василия (Султана), не осуждали, знали, что я не увлекался женщинами. Была любовь к Яне или просто увлечение с моей стороны, не знаю, но мне приятно было быть с ней рядом. Возможно, теплый прием и внимание родителей способствовали нашему сближению.

Прибыв, вызвал в клуню И. Калачева и Е. Ильиных, предупредил, что, возможно, ночью выйдем в поход, что готовиться следует тихо, не говорить об этом никому. Пришел посыльный от комбата, вызывающего меня в хозяйство старшины. Капитан А. Войтенко высокий, постоянно громко хохочущий и, как мне показалось, рубаха-мужик. Прибыл он из запасного полка из-под Ленинграда, в боях не участвовал. Старшина организовал обед с «наркомовскими». За столом — новый комбат, три комвзвода и старшина. Комбат предложил выпить за знакомство, начало совместной службы и залпом выпил. Далее каждый из нас доложил о состоянии своего подразделения, после этого все разошлись. Возвратясь, я еще раз вместе с Калачевым и Ильиных проверил готовность личного состава, коней, вооружения, снаряжения и амуниции. Все было готово, можно отдохнуть.

ОТДЫХ В ПОЛЬСКОЙ СЕМЬЕ

В гостях у Елизаветы, Янины и Стефана Сивак

Войдя в дом, я был приглашен в спальню, к столу, там сидела одна грустная Яна. Я поблагодарил и сказал, что только что пообедал. Хозяйка, Елизавета Валерьяновна настаивала, и я сел к столу рядом с Яной. Вскоре пришел и Стефан, разлил по рюмочкам вино и предложил тост за здоровье. Елизавета Валерьяновна, выпив, начала вспоминать и рассказывать о том, как жила с состоятельными родителями, об учебе в Петербургской гимназии, как в спешке уезжали (бежали), о поездке к родителям, которых уже нет в живых, в Париж и т. д. Сказала, что очень хотелось бы побывать в Советском Союзе. Я ей сказал, что есть и Российская республика, туда входит Ленинград (Петербург). Затем переключились на мою персону с вопросами: кто родители, есть ли сестры, братья, где и как я жил, учился и т. д. Их интересовало буквально все обо мне, о моей стране. Неожиданно Елизавета Валерьяновна сказала примерно следующее: «Война закончится, приезжайте к нам, в Пулавы. Мы обеспечены, у нас есть все, чтобы жить хорошо, или заберете Яну, она Вас очень любит. А мы будем приезжать к Вам в гости. Нам, Стефану и мне, Вы очень понравились». Стефан только кивал головой в знак согласия, а Яна сидела молча, выжидающе смотрела на меня. Что я мог сказать, кроме как: «Спасибо за все, но войне еще не конец, и чем она кончится, для меня неизвестно, Яну я люблю и постараюсь после Победы встретиться». Я чувствовал, что этих слов от меня ждала Яна. Она тяжело вздохнула и повеселела. Я также поблагодарил Елизавету и Стефана за прием, за отношение ко мне. Сказал, что они мне очень понравились. Затем Елизавета рассказала о Яне. Она для них — все. Яна окончила гимназию и поступила в Варшавский университет, но из-за приставаний немцев и угрозы увоза в Германию вернулась в Пулавы.

Так засиделись мы до вечера. Родители вышли, мы остались вдвоем. Яна спросила: «Мама сказала, ты скоро

уедешь?» Я ответил, что конечно уеду, но когда, я не знаю. Она сказала, что скоро, и, заплакав, бросилась ко мне, обнимая. Женские слезы для меня мука, а слезы Яны — вдвойне. Я не мог отказать ей в просьбе пойти к Дане, хотя этого не следовало бы делать. Выйдя на улицу и вызвав Василия, попросил оседлать лошадей и быть готовым при необходимости прискакать за мной на хутор. Но этого не потребовалось.

Около 22.00 прибежал связной от комбата и, вызвав меня на улицу, сказал, чтобы тихо, без шума вытягивались в колонну. Пройдя к Калачеву, я приказал: «Строить взвод в колонну и выводить в голову батареи, я задержусь, догоню». Войдя в гостиную, я увидел плачущую Яну и успокаивающую ее Елизавету Валерьяновну. Яна бросилась ко мне и обняла, рыдая. Стефан сказал: «Хватит! Присядем к столу на дорожку» и налил в рюмки вина. Выпили, я встал, сказал: «Пора». Обнялись с Елизаветой Валерьяновной, поцеловавшей меня в щеку и перекрестившей, обнялись со Стефаном, а Яна, обняв, плача, не отпускает. Клянусь, что буду помнить и писать, что после войны встретимся. Вышли на улицу. Атака прыгает, рвется за колонной. Елизавета Валерьяновна дает мне какой-то узелок. Я благодарю и отказываюсь принять, она отдает его Василию. Вскаживаю на Атаку, она на дыбы, отдаю честь провожающим и карьером вперед. Яна писала письма, я изредка отвечал, а потом мне «посоветовали» — переписка нежелательна.

Мою историю с Яной знали и уполномоченный СМЕРШ, и командир полка. Возвращаясь на Родину, прибыли к Висле и остановились на отдых. На совещании у командира полка с удовольствием вспоминали те месяцы и дни, которые мы проводили на Висле летом 44-го, держа оборону, и три недели перед форсированием Вислы, в районе Пулав. Уполномоченный шутя спросил: «Не забыл ли возлюбленную паненку?». Командир полка, смеясь: «А наверное, хочешь повидаться? Разрешаю. Четыре часа хватит? Бери мою машину, своих разведчиков и по-

езжай!». Присутствующие на совещании начали подшучивать... Кто как: «Вот повезло...» «Счастливчик...» «А как она встретит, может, там уже другой?» И т.д.

Я принял высказывание командира за шутку и молчал. Он спросил: «Что молчишь? А то передумаю. На четыре часа отсутствия разрешаю, поезжай». Впятером, я, водитель комполка и три разведчика, на «Виллисе», вооружившись автоматами, выехали... Проехав километров 20, въехали в лес, и тут нас обстреляли бандиты из Армии Крайова (АК). Мы были готовы к этому, так как знали о бандитских действиях АК. Отстреливаясь из четырех автоматов, мы охладили пыл бандитов... Я скомандовал водителю: «Разворот назад, выжимай из «Виллиса» все». Вот так, встреча не состоялась, жаль... После Победы, 10 июля 1945 г., и через 40 лет, во время командировки. Не судьба...

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

Пулавы, Радом, Томашув, Лодзь, Калиш, Познань, Яроцин, Косцын, Швенеберг

В ночь с 14 на 15 января 1945 г. форсировали Вислу, вошли в прорыв за танками 9-го и 11-го танковых корпусов и стремительно двигались на запад. За 14 дней и ночей прошли более 500 километров, 28 января пересекли польско-германскую границу и устремились к Одеру. 29 января с боем форсировали Одер в районе Грюнберга (Швенеберг). Продвигались настолько быстро, что немцы иногда оказывались позади нас или смешивались в ночное время с нами.

ЛОДЗЬ

23 января ночью с южного направления (я предполагаю, для немцев неожиданного) мы ворвались в Лодзь. Накануне танкисты без мотопехоты вошли в город, но немцы, поджигая танки фаустпатронами, заставили танкистов

оставить город. На улицах города завязались ожесточенные бои. Как командир взвода управления батареи я находился в боевом порядке эскадрона, успешно продвигавшегося и теснившего по улице противника, постоянно поддерживая связь с комбатом, обеспечивая его имеющимися у меня данными о ходе боя. Вскоре эскадрон был остановлен немцами, нужна артиллерийская поддержка, но батарея где-то сзади. Послал связного с донесением к комбату. Решил выбрать для НП повыше дом и подняться на чердак для наблюдения. Со мной два разведчика. Открыл входную дверь и остолбенел: на меня «смотрит» дуло автомата. Инстинкт самосохранения: бессознательно бросаюсь вниз под автомат, левой рукой за ствол автомата, автоматная очередь вверх, правой выхватил пистолет из-за пазухи и разрядил в живот фрица. Пришел от стресса в себя, весь мокрый. Оказалось, немец, пригревшись около полячки, проспал наше наступление. Наблюдательный пункт я занял в просторном помещении мансарды, из окна помещения хорошо просматривалась полоса наступления эскадрона (улицы, переулки и дома). Послал разведчика с донесением комбату. Через некоторое время прибыл мой помощник В. Калачев с телефонистами, разведчиками, телефонной связью, буссолью и стереотрубой. Он сказал, что скоро придет комбат А. Войтенко. Установив стереотрубу, я стал изучать впереди лежащую местность, положение эскадрона и противника. Наблюдая, слышу сзади голос Азизы, спрашивает: «Все здоровы? Кому требуется помощь? — и ко мне: — Не задело?». Оказалось, разведчик наговорил ей страсти обо мне. Я поблагодарил за заботу и попросил вернуться на ОП, предчувствуя, что может произойти непоправимое. Она сказала, что скоро уйдет, а пока, как всегда, начала развлекать нас танцами и песнями, а танцевала и пела она очень хорошо. Я продолжал наблюдать и докладывать комбату об обстановке, и вдруг в окно влетел 75-мм вражеский снаряд, пробив оконное стекло рядом со мной, он не разорвался, а разорвался в противоположной стене, там, где выступала Аза, так мы ее называли. Пела

она песню «Синий платочек», пение и жизнь ее оборвались одновременно с разрывом снаряда. **Осколок снаряда попал в правый висок Азы — смерть мгновенная.** До сих пор не простил себе за то, что не прогнал ее с НП. Все очень переживали, так как очень любили ее. Прибыл комбат и «наехал» на меня за то, что не уберег Азу. Ее тело перевезли в медсанвзвод полка. Где она похоронена, не знаю, так как стремительно двигались на запад. Мне кажется, что снаряд влетел не случайный, а прицельный, по солнечным отблескам от объективов стереотрубы.

ВАРТА

Бой, трофеи: танк «Пантера», десятки автомашин. Полубатарея (половина взвода управления и 1-й огневой взвод) дралась без поддержки пехоты (кавалеристов) и победила.

23 января взяли Калиш, затем Яроцин. От Яроцина в направлении Лодзи, Познани в авангарде дивизии мы продвигались в головном отряде от 56-го гвардейского кавалерийского полка во главе с заместителем комполка гвардии подполковником Журавлевым. Отряд включал в себя кавалерийский эскадрон, взвод 45-мм пушек, взвод 82-мм минометов, взвод 76-мм пушек. Я, как всегда, был назначен командиром группы от батареи. Со мной были три разведчика, два телефониста, три коновода и первый огневой взвод, командир В. Кедров. Наш сборный отряд совершал ночной марш. На ходу я лежа дремал на лафете пушки. Колонна остановилась. Я встал, решив пройти в голову колонны для выяснения обстановки. Люди отряда спали кто на повозках, кто сидя на лошадях или свалившись прямо на землю с остановкой отряда. Мое внимание привлекли шум моторов танков и мотоцикла с людьми в стороне от дороги. Приблизившись, я принял немецких мотоциклистов за своих и направился в их сторону, чтобы узнать обстановку. При приближении меня двое направились к дороге, я им наперерез. Один из них, шагая через

наших, спящих у дороги кавалеристов, перешел на другую сторону. Второй за ним, которого я догнал и ухватил сзади за шинель, немецкая! Он вырвался и бросился бежать. Выхватив пистолет, я выстрелил несколько раз, подумав, что в темноте промахнулся. Спящие повскакивали, некоторые начали стрелять в стороны от дороги. По колонне прошла команда: «Прекратить стрельбу». Около меня кружится скуля собака — овчарка с ошейником, за который я как-то бессознательно и ухватился. Взял у Василия ременной повод, привязал за ошейник и пошел вместе с овчаркой к Журавлеву. Подойдя к нему, доложил обо всем, как было. Он не верит, говорит, что мне спросонья показалось, и выговорил за то, что устроил шум, а надо держаться тихо. Сказал, что к Варте пошла разведка. Возвращаюсь, собака скуля тянет меня вслед за убежавшими немцами. Зову разведчика сержанта А. Сидоренко и иду в том направлении. Метрах в тридцати лежит труп, овчарка, завывая, тянет к трупу. Забрав и отдав документы Сидоренко для передачи Журавлеву, я направился к своей полубатарее для принятия охранных мер. Разбудил Кедрова и командиров орудий, предупредил об опасности сзади и готовности к бою.

Прошло часа два, было еще темно. Слева, мимо нас по той же лесной дороге, на которой мы остановились, быстро двигаясь, нашу колонну начала обходить колонна немцев. Кричу, команду: «Пушки вправо, к бою!» Поднялась беспорядочная стрельба, разрывы гранат. Кавалеристы уходят с лошадьми влево в лес, немцы движутся по дороге вперед, развернуться пушкам негде, так как дорога идет по лесу, в углублении, прорытом в возвышенности. Полубатарея (часть моего взвода и огневой взвод Кедрова) осталась одна, готовясь к бою и с тыла и с фронта. Второй боевой расчет гвардии сержанта Р. Сапарова подготовил огневую позицию справа от дороги с основным направлением стрельбы в тыл. Первый боевой расчет гвардии сержанта И. Борисова с помощью разведчиков и связистов перекатил пушку на полсотни метров вперед и оборудовал огневую позицию на пригорке слева от дороги в са-

рае, пробив амбразуру в стене, с основным направлением стрельбы — по фронту. Кедров остался у пушки Сапарова, а я ушел к И. Борису. Начало светать, с тыла послышался шум моторов, и из-за поворота начала выдвигаться колонна техники врага с включенными фарами. При приближении колонны на расстояние 100-150 метров Сапаров первым выстрелом подбил головную автомашину. Колонна остановилась, немцы, выскакивая из машин, бежали в лес. Я и Сидоренко с автоматами на изготовку бежим сбоку дороги вдоль немецкой колонны, осматривая содержимое автомашин. Внезапно из-за поворота вырвался танк «Пантера» и быстро устремился к нам. Сапаров начал стрелять, но снаряды, рикошетируя, не поражали танк. Танк выстрелил, повредил орудие и продолжал двигаться, обогнав нас, бегущих к пушке Борисова. Борисов, дождавшись, когда танк поравнялся с пушкой, выстрелил ему в бок и подбил. Танкисты выскочили из танка и побежали в лес. Там они столкнулись с кавалеристами и были перебиты. Я забрался в танк, покрутил башню — работает, а снарядов нет, жаль. Смотрю в прицел и вижу: из-за поворота показались всадники, разведчики полка. Вскоре подъехал и командир полка. После моего рапорта он поблагодарил и спросил о Журавлеве. Где он, я не знал. Подъехали начальник артиллерии Андриенко и комбат А. Войтенко, думаю, с неудовольствием присоединились к поздравлениям комполка. Наши трофеи: почти исправный танк и десятки разных крытых и некрытых автомашин. У нас потерь в личном составе нет, повреждена пушка. Везение? Да, везение иногда бывает и в бою.

ГРОДЗИСК

Беспечность и последствия. Значительные потери авангарда полка от удара немцев с тыла. Полный разгром пехотного батальона немцев. Войтенко наскочил на мину и вместе с коноводом Парфеновым находился в медсанэскадроне дивизии. Так я оказался опять ИО комбата.

Войтенко практически не бывал непосредственно в боях, чаще находился при штабе с Андриенко или в хозяйстве старшины и не вмешивался в действия мои, Кедрова и Мельникова. Это нас вполне устраивало. Не признал коллектив батареи его комбатом, а его это и не беспокоило. Он занимался другими делами: хозяйство, выпивки, женщины и др.

При приближении к границе Германии, ожидая усиления сопротивления немцев, авангард дивизии — эскадрон 56-го гв. кавполка — был усилен артиллерией. Кроме нашей батареи в полном составе (все четыре пушки), в группу усиления включили одну 76-мм дивизионную пушку ЗИС-3 146-го артминполка (командир лейтенант Федин, подчиненный мне). Стремительно двигаясь вперед, наш подвижный отряд уничтожал сопротивляющиеся мелкие группы противника и рано утром захватил большое селение Вольштынь вблизи Гродзиска. Подошел наш полк, значительно усиленный дивизионными артиллерийско-минометными средствами. Комполка приказал нашему головному отряду, авангарду полка и дивизии остановиться на отдых до подхода дивизии, потом догнать полк и дивизию. В селение с востока входила одна шоссейная дорога, пересекаемая поверху железной дорогой. При выходе она разветвлялась на две дороги. Проведя рекогносцировку западной окраины селения, я приказал: взводу В. Кедрова занять ОП на выходе из селения у правой дороги, по которой ушел наш полк (направление стрельбы на г. Збтошин), орудию Фебина — у левой дороги (направление стрельбы на Сулеху), взводу Н. Мельникова — у развилки дорог (направление стрельбы — круговое). На входе в селение прикрытие организовывал комэска, так мы с ним решили.

У командира эскадрона были значительные огневые средства: два станковых пулемета, два крупнокалиберных зенитных пулемета ДШК, две 45-мм пушки, четыре 82-мм миномета, четыре сабельных взвода с табельным вооружением, хотя и не полностью укомплектованных, которые бездействовали.

Приняв меры безопасности, я с моим взводом управления батареи расположился в ресторане вблизи огневой позиции взвода Мельникова. В ресторане была готовая горячая пища. Послав связных к Кедрову, Мельникову и Федину, я приказал прислать от них помкомвзводов, чтобы набрать в ресторане необходимое количество еды и накормить личный состав. Перекусив, я улегся на стол, укрылся шинелью и заснул.

Проснулся от крика: «Немцы!» Вскочив, вижу: на улице перед окном автомашина с немцами, в правом и левом окне тоже немцы. Мелькнула мысль: «Попали!» Командую Калачеву: «Задворками взвод к Кедрову, далее действуйте по обстановке!» На улице послышалась редкая, беспорядочная стрельба из стрелкового оружия. Как потом выяснилось, это немцы расстреливали выбегавших из домов кавалеристов. В голове вопросы: «Как могли немцы войти без боя? Почему молчат пушки Мельникова? Как у Фебина?» Мысли мыслями, а действовать надо. Даю команду: «Сидоренко, Котляров, за мной!» Василий с вопросом: «А я?» Бросив ему шинель, крикнул: «Ты и Коротенко ждите нас с лошадьми для нас троих на окраине, у Кедрова!» Выбегаю во двор, Сидоренко и Котляров за мной, бежим к взводу Мельникова. Подбегаем, там немцы, взвода нет. Теперь — путь к взводу-орудию Фебина на противоположную сторону улицы, а на улице немцы. Что делать? Взглянул назад вверх, там железнодорожная эстакада через улицу. Сидоренко и Котлярову показал и крикнул: «Бежим!» Пробрались по задворкам до железнодорожной насыпи, по железнодорожным путям ползком через улицу. Немцы внизу, нас не видят. Добравшись до задворок, спустились с насыпи и — к Федину. Он на месте, но стрелять невозможно, колонна на улице прикрыта домами. Решили перекатить пушку для стрельбы по колонне, но не успели. Немцы оказались впереди и слева, позади большое озеро. Положение — хуже некуда. Для отхода остался один путь, пока не занятый немцами: назад по садам, по берегу озера. Около меня собралось

более двух десятков вооруженных кавалеристов, среди них старший сержант эскадрона со станковым пулеметом. Можно драться, все смотрят на меня вопросительно. После мучительных раздумий об ответственности за жизни этих людей, не думая о последствиях для себя, приказал: «Андрей (Сидоренко), Николай (Котляров), пробирайтесь поскорее в полк, доложите обо всем». На вопрос Котлярова: «А как же Вы?» сказал: «Выполняйте, это зависит и от вас!» Федину скомандовал: «Вынимай и бери с собой затвор и прицел, а снаряды и пушку — под лед, быстро!» Я надеялся, вернемся, вытащим и пушку, и снаряды из воды. Озеро оказалось мелким, пушка погрузилась только по ствол. Затем Федину: «Веди всех по садам в лес, пулемет не бросай, я за вами следом!» Все делал как-то машинально и только теперь, приняв решение, опомнился: автомат и пистолет у Василия, у меня только маленький маузер «Вальтер» с одной обоймой, отданный мне пленным оберлейтенантом под Люблином. Идя за группой Фебина, задумавшись, отстал от них. Вернулся к реальности от стрельбы и гортанных криков немцев, оказавшихся между мной и группой Фебина. Меня им, вероятно, из-за садовых деревьев не было видно. Мысль подсказала залечь, спрятаться в саду. Присел, оглядываюсь, выбираю укрытие и вижу, что цепь немцев, прочесывающих сад, движется прямо на меня. Выход один: бежать по озеру и утонуть или застрелиться. Вынимаю из кобуры маузер и бегом к озеру. Бегу по льду, проваливаясь и застреваю в иле. Немцы кричат: «Halt, Halt! Hende nach oben! Рус капут!» и стреляют правее и левее меня. Думаю, хотят взять в плен. Бегу еще быстрее, один сапог застрял и остался в иле, бежать стало легче. Сбрасываю второй сапог и в носках ускоряю бег. Немцы бегут по озеру за мной. И вдруг я проваливаюсь и падаю в яму (канаву), по которой течет вода. От воды до льда пространство с полметра. Сунув «Вальтер» в кобуру изо всех сил гребя руками по воде и упираясь ногами по дну канавы, двигался по течению вниз. А сверху у меня ледяная крыша.

Слышу, немцы кричат, стреляют, а я думаю: хрен вам теперь. Так проплыв (проползя) минут двадцать, я решил отдышаться и передохнуть, сидя в воде по пояс, подо льдом. Еще не верю, что и на этот раз повезло. Отдохнув, продолжил «плавание». Канавка стала расширяться, и я понял, что впереди река. Пробиваю лед ногами, снимаю кубанку, просовываю голову и убеждаюсь: действительно река. Вылез на берег. Кругом тихо, вхожу в лес, вынимаю из планшетки размокшую карту и определяю путь моего следования.

Протер и продул «Вальтер», пощелкал спусковым крючком, зарядил его и отправился в путь. Выбрав направление, строго выдерживая его по стволам деревьев, иду быстро, чтобы разогреться. Пройдя с километр, встречаю лейтенанта Федина с конем. Спрашиваю его: «Где люди?» Отвечает: «Ушли под командой пулеметчика». «А ты?» — «Жду Вас». Увидев, что я весь мокрый, снял свою нательную рубашку и отдал мне. Сняв с себя гимнастерку, свитерок и нижнюю рубашку, отжав все, я переоделся и, устроившись к Федину на коня, мы вдвоем поехали. Стемнело, подъезжаем к реке и видим мост, за ним должны быть наши. Спешившись, идем по мосту, конь в поводу между нами. Договорились, если на той стороне окликнут по-русски, отвечаем и идем, если по-немецки, коня стегнуть, а сами назад. Подошли к берегу, справа станковый пулемет, пулеметчик спит. Бужу и спрашиваю, где командир. Пулеметчик указывает в темноту на дом. Подходим к дому, у дома часовой и несколько оседланных лошадей. Присоединяем к ним и нашего коня. Вошли в дом. В нем жарко натоплено, все спят. У печки несколько пар сапог. Из них выбираю себе сапоги по размеру, надеваю и показываю Федину, уходим. Вышли из дома, часовой на нас не обращает внимания. Подходим к привязанным лошадям. Федин берет своего коня, я другого и потихоньку удаляемся в сторону. Проскакав километров десять до первого попавшегося хутора, просушились, отогрелись и утром направились в полк.

Прибыв, докладываю командиру полка. Он на меня смотрит как на пришельца с того света. Ему доложили, что видели, как немцы гнались за мной, стреляли и убили в озере. Мои разведчики прошли по следу до канавы, не нашли ни живого, ни мертвого, решили, что раненого или убитого меня немцы увезли, или водой унесло. Последнее оказалось правдой. Выслушав мой рапорт, комполка сказал: «Рад за тебя, не думал увидеть, долго проживешь. Забери своего ординарца, вещи, лошадей и повозку, они у меня».

А начиналось и окончилось все так. Боевое охранение от эскадрона находилось на въезде в село, у спиртного завода. Приняв спирта, усталые, не спавшие сутками пулеметчики и сабельники уснули, и немцы свободно въехали в село. Личный состав, разместившись по домам у поляков, проявил беспечность, зная, что впереди полк, а позади дивизия. В проявленной беспечности мы понесли значительные потери в людях. Немцы расстреливали бойцов, выбегавших из домов, или захватывали в домах. В конском составе, находящемся во дворах, потерь практически не было. Кедров, развернув пушки в сторону села, организовал оборону с использованием людей своего и моего взвода и отправил связных в полк. Мельников, струсив, оставил ОП, что и стоило ему жизни. Его достала пуля гнавшихся за ним мотоциклистов. Получив донесение от Кедрова, комполка развернул полк и решительными действиями разгромил пехотный батальон противника. Помогали в этом и попрятавшиеся, пришедшие в себя сабельники, артиллеристы и минометчики. Мстили крепко, пленных не брали. Немцы вытащили из озера пушку и прицепили к бронетранспортеру, но увезти не успели, бросили всю технику, разбегаясь кто куда. Если бы боевое охранение не проспало, усиленный эскадрон (7 пушек, 4 миномета, 2 пулемета ДШК, 2 станковых пулемета «максим» и табельное вооружение) сам бы расправился с немцами, а получилось наоборот.

ГЕРМАНИЯ, ГРАНИЦА

Продолжая движение на запад, 28 января 1945 года пересекли границу Германии и вошли в первый населенный пункт. Батарея, как всегда, заняла ОП на западной окраине н.п. Мой взвод управления разместился в просторном дворе с согласия пожилого хозяина. Разговор проходил на русском языке. При разговоре по-русски он понимал и говорил неплохо. Далее он сказал, что в Германскую войну был в плену у русских. Хозяин мне отвел отдельную небольшую комнату, спальню внучки. Из военного имущества он, как положено, отдал мне, уже второй, 10-кратный бинокль и хорошую карту Германии. Стоим, разговариваем, вбегает Калочев и зовет меня на улицу, вышли, спрашиваю: «Что случилось?». Говорит: «А. Сердюков обидел... девушку на сеновале». Приказал построить взвод, Сердюкова перед строем отстегал стеклом и сказал, что обращаюсь к замкомполка по политчасти чтобы его судить. Иду к хозяину-старика и спрашиваю: «Где Ваша внучка?» Он сказал, что у него их две и обе на сеновале. Я сказал, чтобы он привел их в дом, и сам пошел с ним. Вошли в сарай, он позвал, они спустились вниз. Одна лет семнадцати, другая старше, ей 22 года. Когда вошли в дом, я через деда спросил: «Кого из Вас обидел солдат?» Молчат. Старик сказал, что мы поговорим и Вам расскажем, я вышел. Через полчаса вышел старик, сказал, что он видел и слышал о наказании солдата, что произошло это со старшей внучкой, она замужняя и сама согласилась, без насилий. Он также попросил меня не судить военным судом солдата.

Приехал посыльный от комбата с распоряжением мне быть на митинге у штаба полка. Первым выступил замкомполка по политчасти гв. подполковник Куркович и сказал: «Мы в логове фашистского зверя. Вы тут делаете все что хотите! Вы прокуроры! Вы судьи! Пришла смерть фашистским извергам!». Эту речь я хорошо запомнил, так как поступал иначе и в принципе

не согласен с его лозунгами. Хотя я его понимал, у него немцы в Белоруссии всю семью уничтожили. Вернувшись с митинга, я построил взвод и сказал только то, что мы в логове фашистского зверя, хотя об этом все и так знали. Дал команду взводу быть готовыми к выступлению: проверить и накормить конский состав, проверить вооружение и снаряжение. Принес извинения деду и внукам от имени командования, лег и заснул. Проснулся я от падения чего-то на меня; сразу за пистолет??? Оказалось, младшая из сестер убежала от А. Войтенко, пристающего к ней. Прячась, она бросилась ко мне на кровать. Вскоре и он, хмельной, пожаловал, увидев, что она лежит со мной, задумался. Я не выдержал и резко сказал ему: «Комбат, прекрати, какой ты подаешь пример подчиненным. Что будут говорить о нас подчиненные и немцы, мне небезразлично». Он расхохотался и сказал, что пошутил, а я нажил еще одного врага (первый начартполка Андриенко, о котором я писал раньше). А девушка прижалась ко мне, ухватила за руку и лопочет: «Nein, nein (Нет, нет)». Войтенко уехал, а дед пришел и бесконечно благодарил и по-русски, и по-немецки. К моему удовлетворению, вскоре был объявлен приказ командующего 1-м Белорусским (нашим) фронтом Маршала Советского Союза Г.К. Жукова о мародерстве и бесчинствах отдельных военных и строгом их наказании. Вероятно, такие, как А. Войтенко и А. Сердюков, были.

Двигаясь к Одеру, полк внезапно для местных жителей, немцев, без боя ворвался в небольшой городок. Продолжая движение, полк выдвинулся на западную окраину города, где слева с юга был атакован небольшой моторизованной колонной противника. Организованной контратакой и организованным огнем батарей 76-мм пушек, 82-мм минометов и 45-мм орудий колонна противника была рассеяна. Полк закрепился на юго-западной окраине города. Батарея заняла открытую огневую позицию, командовал ОП старший на

батареи гв. лейтенант В. Кедров. Я со своим взводом управления занял боевой порядок для обороны позади ОП. В. Карменов позвал меня в дом, где хозяйка, немка, неплохо говорила по-русски, поужинать. Только сели за стол, вбежал санинструктор батареи старшина Свинин и рассказал, что в одном из домов вся немецкая семья покончила самоубийством, одна молодая девушка, возможно, будет жить, он помог ей. Я сказал ему, чтобы он проводил меня туда. Вошли в дом, большой, просторный, обстановка богатая. В первой комнате, около окна, на полу, на чем-то подстеленном, лежит молодая белокурая девушка, глаза закрыты, дыхание слабое, обе руки у кистей перевязаны. Санинструктору я сказал, чтобы он занялся приведением девушки в чувства, а с Василием продолжил осмотр дома. В другой комнате, на подоконнике, с шнуром на шее, привязанным к оконной ручке, с порезанными руками сидит мертвая пожилая женщина, на полу лужа крови. В другой комнате видим на полу двух мертвых мужчин с огнестрельными ранами: у молодого в левом виске, у пожилого во рту с выходом в затылок, «Парабеллум» валяется рядом. Видел я немало ранений и крови, но это! Возвратился к санинструктору, который занимался девушкой, она еще без сознания, потеряла много крови. На носилках перенесли ее в дом, где собрались ужинать, пища в рот не лезла. Хлопотами опытного санинструктора девушка пришла в сознание, открыв глаза и увидев нас, снова потеряла сознание. Я попросил хозяйку, чтобы она занялась девушкой и рассказала бы ей, что мы ничего плохого ей не сделаем. Позже, через переводчицу-хозяйку, девушка рассказала: отцом-нацистом было принято решение всем покончить с жизнью. Мать перерезала ей вены и должна была порезать себе, а отец должен был застрелить сына и застрелиться сам. Как все происходило потом, она не помнит. Немцев обрабатывал пропагандист Геббельс, а помогали ему такие типы, как А. Сердюков и А. Войтенко.

ОДЕР

Ночью 29 января подошли и с боем форсировали реку Одер, протекающую на этом участке (в районе Грюнберга) с востока на запад. Мы пересекали Одер с севера на юг.

Определив место ОП батареи на северном берегу, мы с сержантом Ильиных, разведчиками и телефонистами (с буссолью, полевым телефонным аппаратом, катушками телефонного провода), таща за собой телефонную связь, переправились с первым эскадром (по настилу на льду из досок) на противоположный берег реки и оборудовали НП на чердаке дома. Рассвело. Эскадрон двинулся вперед, с ним и два моих разведчика с ракетницей для указания направления стрельбы и целей. Внезапно справа впереди, отрезая эскадрон, появились цепи немцев, стреляющих из автоматов и сопровождаемых минометным огневым валом. Открываю по ним беглый огонь батареей из-за Одера. Развернулся и эскадрон с минометным взводом и пулеметами. Завязался ожесточенный бой. Немцы яростно атакуют, эскадрон отбивается. Ведут огонь из-за Одера несколько наших батарей (пушек ЗИС-3 и 120-мм минометов). Появились наступающие немцы вдоль берега справа и устремились прямо на нас. Переносу огонь батареи туда. Одновременно шестиствольные 120-мм минометы, «скрипухи», противника открыли шквальный огонь по эскадрону и по переправе из досок, проложенной нашими саперами по льду. Внезапно все наши батареи замолчали, прервалась связь, нарушенная разрывами мин «скрипух». На восстановление связи я отправил телефониста А. Сысоева. Телефонист докладывает: «Связь восстановлена! На линии не наша батарея!» Беру трубку и спрашиваю: «Чья? Кто комбат?» Отвечают: «Сердюк». Вызываю к телефону старшего командира на батарее и требую произвести один выстрел, потом второй. Скорректировав по разрывам направление и дальность, подал команду для стрельбы по наступающим вдоль берега немцам. Одновременно потребовал от Е. Ильиных восстановить связь с нашей батареей. Он ска-

зал, что пойдет сам. Узнаю, что комбат Сердюк ранен и отправлен в тыл. Посылаю связиста Л. Котенка отыскать НП батареи Сердюка и позвать командира взвода управления или того, кто старший, и продолжаю управлять огнем батареи Сердюка. Комбат 146-го артминполка Сердюк стал Героем Советского Союза, и помог ему в этом я стрельбой из его орудий. Его имя – на доске Героев в академии им. Ф.Э. Дзержинского.

Эскадрон не выдержал и начал отходить из полуокружения не к берегу, а влево, вглубь от Одера. Немцы, преследуя эскадрон, частью сил развернулись на нас. Обстановка критическая... справа и слева наступающий противник, а нас всего человек пятнадцать. Старшим по должности и званию среди собравшихся командиров и рядовых оказался я. Приказываю: «Всем в цепь для отражения атак противника вдоль берега справа!» И сам туда же. Выручил Кедров, он выкатил все четыре пушки для стрельбы прямой наводкой и беглым огнем через Одер заставил залечь наступающих. Приказываю: «В цепь, перебежками, стреляя на ходу, отходить!» Бежим по льду, падая, стреляем из автоматов, встаем, бежим и снова, падая, стреляем. Немцы поливают нас из автоматов, но им мешает Кедров огнем батареи. По пути помогли Е. Ильиных, ушедшему раньше, вынести тяжелораненого А. Сысоева, который, связав мой НП с батареей Сердюка, лежал с проводами в руке. При этом был ранен мой разведчик Н. Котляров. Перебравшись за Одер, попали под атаки десятков «мессеров», которые, как осы, набросились на нас, лежащих на открытой местности. Злимся, стреляя из автоматов. Вижу бесхозный, установленный на треноге наш ДШК, подбежал к нему, стреляю по ближайшему «мессеру». Он развернулся и устремился на меня, бьет из пулеметов. Вот вижу его фашистскую рожу в очках, жму на гашетку, стреляю, а ему хоть бы что. Спикировал почти до пулемета, я присел, но продолжаю стрелять. Пролетев, он снова разворачивается для атаки. Подбежал Г. Коротенко, оттащил меня от ДШК и повалил на землю.

Батарея сосредоточилась (укрылась в небольшом парке в ожидании приказа на дальнейшие действия). Через некоторое время прибыл батарейный связной от командира полка с распоряжением явиться мне на совещание. Комполка и штаб расположились в лесном массиве, проезд до него – большое открытое поле. С коноводом Н. Савченко мы едем шагом. Тихо, спокойно, и вдруг атака желтого «мессера». Коням шпоры в бока, и в карьер. Скачем, меняем направление (вправо, влево), а он все атакует. Доскакали до леса нормально. После совещания выхожу, Н. Савченко просит подойти к АТАКЕ (моей подседельной кобылке). Указывает пальцем на металлический предмет, торчащий сзади моего седла в 10-12 см. Тихонько вытаскиваю его из подседельной кожи и войлока, оказалось 20-мм снаряд пушки «мессера». Все-таки попал гад. Снаряд, потерявший скорость и убийную силу, пробив кожу, застрял в войлоке. Почему не разорвался? Брак изготовителя или что-то другое. Вооруженцы подтвердили брак. Судьба? Есть какая-то сила, ведущая и охраняющая меня по жизни. А «мессеры» все-таки метко, атакуя, стреляли...

ОДЕР (ГРЮНБЕРГ) – БАЛТИКА (ТРЕПТОВ)

Орден Отечественной войны II степени

Одер, Швибус, Ландсберг, Арнсвальде, Плате, Грайфенберг, Трептов, Раддак (Балтика).

От Одера ускоренным маршем наша дивизия двигалась на север, в Прибалтику. В Арнсвальде ворвались вечером. Город был освещен, работали транспорт, рестораны, кафе, по улицам гуляли военные и гражданские лица. В общем, мирная жизнь у горожан, а тут мы... Какой был переполох – храню в своей памяти эту картину живо и сейчас. Потом двигались к Балтике стремительно, но с тяжелыми, непрерывными боями. Особенно запомнились Шенеберг, Гросс-Зильберг, Цедлов, Зделов и Грайфенберг, в который наш полк ворвался 5 марта, а 6 марта город был очищен от противника.

7 марта полк подошел к Цедлину и завязал бой. Вскоре мы были контратакованы крупными моторизованными силами противника ударами во фронт, с правого фланга и с тыла. От контратакующих ударов врага полк оказался разрезанным на две части и отрезанным от главных сил дивизии. Штаб был отрезан от передовых боевых подразделений и полностью окружен. Связь с дивизией отсутствует, кольцо окружения сжималось. Все, кроме комполка, залегли в цепь круговой обороны. Я находился у комполка как порученец и как связной с соседом – 171-й стрелковой дивизией. Мои разведчики Н. Котляров и Г. Коротенко попеременно вели наблюдение за противником с чердака большого богатого дома, в котором находился комполка. Я периодически поднимался на чердак, осматривал окружающую местность, накапливающихся немцев и докладывал комполка. Во время одного из докладов Г. Коротенко вводит гражданского, с поднятыми руками, с синяками под глазами немца и докладывает следующее: после того, как я ушел от него, на него сзади напал этот немец и начал душить. Н. Котляров поднялся для смены, прикладом автомата оглушил напавшего фрица, а потом и поддал ему. Оказалось, хозяином дома, в котором мы находились, являлся генерал-фронтвик, а этот немец его фронтвой денщик, а теперь управляющий владениями генерала. Комполка приказал Коротенко за нападение расстрелять мерзавца. Ординарец, одновременно и повар, комполка Николай попросился выполнить миссию расстрела и попросил меня пойти с ним. Во дворе был большой курятник, в котором и решили расстрелять гада. Вошли в курятник, впереди немец, за ним Николай с револьвером системы наган, я остался на улице, выстрел, Николай вышел из сарая, и мы пошли в дом. Пройдя несколько шагов, Николай остановился и говорит, что он не обыскал расстрелянного, обыщет. При входе в сарай, в воротах на него нападает расстрелянный немец, Николай опешил, а немец стремительно побежал к ограде, я за ним и несколькими выстрелами из писто-

лета добил. Подумали, что Николай промахнулся, при осмотре трупа оказалось, пуля вошла в затылок, вышла на лбу, не задев мозга, так бывает, объяснил мне потом врач полка. Произошло еще одно событие. Разведчики привели шестерых каким-то образом оказавшихся на нашей обороняемой территории пленных немцев. Комполка сказал, чтобы я сам разобрался с ними. Расстреливать их я не хотел, поэтому запер в уборной, предупредив, что за побег расстрел. Сажу у комполка, на улице слышны крики и стрельба, выбегаю и вижу задержанных у ограды пятерых из шести сбежавших из уборной пленных. Уборная высокая, с маленьким окном, через которое и вылезли пятеро, шестой, последний, не смог или не захотел и остался жив. Пятерых я лично расстрелял, другого выхода не было, некому было их охранять.

Запомнился еще один эпизод. Комполка сидел у горевшего камина и обнаружил в стене замурованное отверстие для ключа. Позвал ординарца Николая и сказал, чтобы он разобрался. Николай расковырял штукатурку, под которой оказался сейф, все попытки вскрыть сейф оказались безрезультатными. Николай принес лом, какие-то еще железные предметы и, развалив часть стены, вытащил сейф с длинными железными арматурными усами и все-таки взломал его. В сейфе оказался золотой (какой пробы, не знаю) столовый сервиз на 12 персон, несколько разных золотых часов и генеральский кортик. Комполка дал мне кортик и массивные карманные золотые часы. Выполняя приказ по связи с соседней 171-й СД, я переезжал от штаба полка к штабу стрелковой дивизии на Атаке с разведчиком и коноводом. К вечеру комполка сказал, что надо прорваться в штаб нашей дивизии и доложить обстановку. До наступления темноты я изучал местность и определял, где и как лучше прорваться из окружения. Стемнело, вскочив на коней, мы вдвоем с коноводом галопом бросились вперед на прорыв, но налетели на огонь пулемета. Атака была ранена в шею, взяла круто вправо и понеслась. Мы прорвались,

а пулю, застрявшую в шее, Атака так и носила до конца войны. Прибыв в штаб, доложил комдиву об обстановке. Комдив, выслушав доклад, поблагодарил и дал указание начштаба о представлении меня к награде. На выручку штаба 56-го гвардейского кавполка был брошен 52-й гв. кавполк. Я награжден орденом Отечественной войны II степени.

13 марта, в день моего рождения, вышли на берег Балтики, отрезая Восточно-Померанскую группировку немцев. За боевые действия на территории Германии, за овладение многими городами всему личному составу корпуса, в том числе и мне, **объявлены Благодарности Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса И.В. Сталина** (Приказы: № 266 от 26.01.1945 г., № 288 от 04.03.1945 г., № 290 от 05.03.1945 г., 3292 от 06.03.1945 г.).

БАЛТИКА (РАДДАК, ТРЕПТОВ) – ОДЕР (КЮСТРИН)

*Раддак, Трептов, Фраевальде, Пиритц, Бервальде.
От Балтики до Бервальде двигались походными конными
колоннами*

Первый военный комендант г. Цеден. В Цеден полк прибыл 20 марта. На второй день меня вызвал командир полка, где присутствовал и уполномоченный СМЕРШ, (пожилой майор) бывший пограничник, приказал вступить в должность военного коменданта г. Цеден. В ходе продолжительного разговора я отказывался, не хотел быть вне батареи, да и не был знаком с обязанностями военного коменданта. Мне сказали: надо, по моральным качествам ты подходишь, по-немецки понимаешь, выполняй приказ, приступай к временному исполнению обязанностей военного коменданта города, а мы поможем. Так я стал первым военным комендантом г. Цеден с задачей обеспечить порядок в городе до прибытия настоящей военной комендатуры. Мне изготовили красную нарукавную повязку и удостоверение коменданта.

Об этом периоде, о комендантстве, можно написать отдельную книгу, так много было разных событий во взаимоотношениях с гражданскими немцами, нашими возвращающимися репатриантами, нашими военными и др. Отмечу лишь несколько эпизодов. Все эскадроны и батареи полка были направлены в сторону р. Одер для очистки 50-километровой приречной полосы от населения, там сосредоточивались войска для наступления на Берлин. В г. Цеден остались командование, штаб и хозяйственные подразделения полка. Моему взводу управления полковой батареи 76-мм пушек было приказано выполнять комендантскую службу города и охранять командование и штаб полка, расположившиеся в городской ратуше. Мне подчинили и комендантский взвод полка.

Комендантская служба разместилась в большом 2-этажном доме какого-то богатого фрица, расположенном на главной улице города. Перед особняком небольшое озеро, за ним главная дорога. Между особняком и озером проходила обсаженная деревьями узкая дорога (аллея). Мне было приказано всех мужчин (независимо от национальности) в возрасте от 16 до 50 лет собирать и отправлять в тыл в военную комендатуру г. Бервальде. Весь транспорт (механический и конный) местного населения конфисковать, выдавая соответствующую справку. Для упрощения отбора мужчин указанного контингента и конфискации транспорта командир полка (по моему предложению) приказал всем командирам эскадронов и батарей направлять движущийся поток людей от Одера и окрестностей в г. Цедин. Комендантские посты на всех въездных дорогах в город направляли людские потоки к комендантскому дому. Весь людской поток (дети, женщины и старики), движущийся между особняком и озером, контролировался нами. Те, кто прибыл к вечеру, устраивались в комендантском особняке на ночь. С утра они продолжали движение на восток, по указанным нами направлениям. В течение трех недель было отобрано и помещено в огромное подвальное помещение особняка около 500 мужчин, конфисковано

шесть автомобилей и больше десятка конных упряжек и фаэтонов.

Отобранных мужчин мне было приказано сопровождать лично в военную комендатуру г. Бервальде, расстояние примерно 20 км, для этого я отобрал десять артрязведчиков и связистов своего взвода. Сам устроился в конном крытом фаэтоне с упряжкой двух рыжих белолобых красивых лошадок. Со мной в фаэтоне находилась и задержанная немка, у которой конфисковали этот фаэтон. Накануне ко мне в комендатуру заходит помдежурного КПП и докладывает, что остановили конный фаэтон, в котором немка, и выходить не хочет. Посылаю переводчицу, полячку, с указанием привести немку. Переводчица пришла и сказала, что немка подчинится только коменданту. Иду с переводчицей, представляюсь и объясняю, что по военным законам лошади и фаэтон конфискуются с выдачей ей соответствующего документа. Предлагаю и хозяйке-немке и кучеру старику-немцу взять все, что хотят из фаэтона, погрузить в тележку и двигаться дальше на Нойдмэйн. Она попросила документ, подтверждающий то, что я комендант. После этого встала, откинула крышу фаэтона и с силой бросила в озеро находившуюся в руках шкатулку. Я спросил ее: «Что было в шкатулке? Почему выбросила?» Ответать отказалась. Я доложил уполномоченному СМЕРШ, который немедленно прискакал. Ответать на его вопросы она также отказалась. Он созвонился с вышестоящими руководителями, которые приняли решение задержать ее и препроводить к ним. Так, одновременно сопровождая задержанных пеших мужчин, я вез и ее в фаэтоне. Комендантом оказался мой коллега, боевой заслуженный капитан-артиллерист, бывший комбат батареи 76-мм пушек, потерявший правый глаз в бою. Ему я и передал задержанных мужчин, а задержанную немку забрал уже ожидавший меня уполномоченный СМЕРШ корпуса.

Комендант, узнав, что я действующий артиллерист, устроил мне и моим подчиненным такой прием, какой нам и не снился. Отдельный особняк с прислужницами

на выбор: славянки, немки и др. Меня он пригласил к себе в особняк, там у него, как у шаха персидского: прислужницы, танцовщицы, певицы и другие особы... Жаль, что только одна ночь, задерживаться не имел права, хотя он и предлагал остаться на несколько дней, причина – передача задержанных. Так я познакомился со службой и жизнью военных комендантов! Я им не завидовал, а сочувствовал. Комендант не раз просился на фронт – непустили.

По просьбе уполномоченного СМЕРШ полка был построен из досок плот, с которого разведчики, тыкая шашками, искали брошенную немкой шкатулку, не нашли. Шкатулка наверное глубоко утонула в илистом дне озера.

Однажды поздним темным вечером я с коноводом верхом объезжал все комендантские посты. Не доезжая ратуши, коновода отпустил, решив тихо, незаметно проверить, как охраняется штаб. Все посты на местах. В ратуше пировали командование и штабные. От ратуши я направился на вечеринку эскадронных и батарейных офицеров по поводу дня рождения командира минометной батареи И. Степанникова. Отойдя метров 25-30, я услышал стук каблучков бегущего, приближающегося ко мне человека. Поворачиваюсь, выхватываю из-за пазухи пистолет, включаю нагрудный электрический фонарь и направляю луч фонаря и дуло пистолета на подбегающего ко мне человека. Вижу остановившуюся, остолбеневшую молодую девушку. Перевожу фонарь на повязку, говорю на немецком языке то, что я комендант и спрашиваю: «Кто ты?» Она быстро говорит, жестикулируя, из чего я понял только то, что имя ее Герта и что она убежала от офицера. Позже в беседе с ней через переводчика штаба ст. сержанта я узнал подробности. Герта с матерью устроилась на ночь в комендатуре. Пришел кавалерист-ординарец штабного офицера, выбрал ее и предложил пойти с ним для прислуживания офицеру. Она как дисциплинированная немка согласилась. Надо отметить, что пропаганда Геббельса «Все для победителя» оказалась в нашу пользу. Любые просьбы (требования) победителя – нашего вояки выполнялись беспрекословно.

Солдат привел Герту к застолью офицеров в ратуше. Вначале угощение закусками и выпивкой — она отказалась, а потом и домогательство одного из офицеров. Отказавшись, она убежала. Об этом я узнал потом, а пока сказал ей, чтобы она шла к матери. Она начала упрашивать меня, чтобы я проводил ее к матери, так как боится солдат. Надо отметить, вообще немки и полячки охотно шли на услужение к русским, особенно офицерам, и на любовные связи тоже. Подумав, я решил вначале поздравить именинника, а потом по пути в свою квартиру (дом) зайти в комендатуру и свести ее с матерью. Вошли в зал, веселье у именинника в разгаре: длинный стол заставлен посудой с выпивкой и закусками, за столом парами офицеры с женщинами, песни, пляски, и вдруг все стихло, я это отнес на наше появление. Оказалось, на высказывание Герты, на которое я не обратил внимания. Переводчик встал из-за стола, подошел к Герте и нанес ей пощечину. Я оттолкнул его и спросил, в чем дело? Он попросил меня с ней выйти в соседнее помещение. В беседе выяснилось: войдя в зал, она одним словом осудила поведение веселившихся женщин, ее узнала одна из сидящих за столом женщина как городского руководителя гитлерюгенд, воспитывавшую молодежь в геббельсовском духе. А это прерогатива уполномоченного СМЕРШ. Попросив переводчика побыть с ней, я зашел в зал, поздравил именинника, вручив губную гармонь, ему понравившуюся. Придя в комендатуру, я позвонил уполномоченному СМЕРШ, он приказал мне ее изолировать и охранять до утра.

Полночь, как изолировать, кем охранять? Забрал ее с матерью к себе как прислуг, там есть помещения и охрана. Утром подъехал уполномоченный с переводчиком. После разговора с Гертой уполномоченный позвал меня, смеясь сказал: «Нашел шпионку-врага? Затуманенная немочка, красивая, как славянка, займись ее перевоспитанием, я бы и сам, да староват», — засмеялся и уехал. Только теперь я обратил на нее внимание, стоит стройная, моего роста, темноволосая, светло-карие глаза, хорошо одета (светло-серые

брючки и свитерок, лайковая кожаная черная куртка и не на высоком каблучке туфли). А мать ее в это время нашла взаимопонимание с Василием, приготовила хороший завтрак, который и повлиял на мое решение. По просьбе Василия и их согласия я оставил их у себя для поддержания порядка в доме и организации кухни на троих (ординарца Василия, коновода Николая и меня), освободив от этого Василия, дав ему возможность вместе с коноводом больше заниматься лошадьми, охраной и собой.

Пришел на обед, в доме все блестит, уют, хороший обед, отдых на свежей, отстиранной постели, благодать — это то, что требуется после долгих боевых дней и ночей. Вечером общий ужин. Мать (Марта) и дочь отказывались с нами питаться, но мы втроем уговорили, а потом они привыкли, и отказов не возникало. К тому же у них продуктов практически не было. В течение нескольких дней мы стали хорошо понимать друг друга, у них пропала и настороженность по отношению к нам.

Как-то вечером Герта, постучав, вошла ко мне в комнату.

Я лежал на кровати на не разобранный постели, одетым. Герта попросила меня встать, разобрала постель и начала разговор о том, почему наши военные плохо относятся к женщинам, и повторила свой прежний рассказ. Я ей рассказывал о том, что творили немецкие военные в России, и если бы то, что произошло тогда с ней, произошло бы с русской девушкой, ее бы немец, офицер (солдат), застрелил бы. Она не могла тому поверить, но всё-таки начала сомневаться. Не раз она заводила разговор о том, почему я не такой, как другие русские, военные? Потому что комендант? Я ей, как мог, внушал то, что русские хорошие, добрые, что есть и недобрые, они исключение. Общаясь с немцами каждый день через переводчика, я начал понимать немецкий язык, который я изучал и в школе, и в техникуме, база была. Иногда вечером я приглашал переводчицу-полячку, и разговоры оживлялись. Я узнал многое о жизни в Германии до войны и во время войны, а

также то, что отец ее, хороший инженер, работал (работает) на Западе, на заводах Круппа, она его давно не видела, хотя до последнего времени деньги и вещи получала от него регулярно.

Пошла вторая неделя, наши отношения улучшались, особенно у Николая с Мартой, хотя он был моложе ее почти в два раза. Ближе становились и мои отношения с Гертой. Вечером, как обычно, придя из комендатуры, я осмотрел лошадей, пообщался с Василием и Николаем, после ужина ушел в свою комнату. Раздеваясь, я обычно в пистолет вставлял обойму без патронов, а обойму с патронами – в карманчик кобуры, и клал пистолет в кобуре, на ремне под подушку. Так поступил и на этот раз. Стук в дверь, и вошла Герта. Пожелала доброй ночи и попросила разрешения посидеть, а потом и лечь, я не понял, она повторила и присела на кровать, быстро разделась и улеглась рядом. Произошло все неожиданно, то... о чем я не думал, не планировал и не желал. Я очень сожалел, переживал о случившемся, все оценил и корил себя после... Тем не менее продолжение случившегося следовало... Я нарушил свои моральные устои, внушаемые мне в школе, техникуме и авиаучилище замполитом эскадрильи майором Пуданом.

В середине апреля меня вызвал командир полка и сказал: «Тебе присвоено звание гвардии старший лейтенант. Поздравляю! Ты назначен командиром батареи 76-мм пушек 52-го гв. Хорезмского Краснознаменного ордена Суворова II ст. кавалерийского полка. Убыть в полк немедленно». Далее он добавил, что я могу взять ординарца В. Карменова, пару своих верховых лошадей, ездового с пароконной повозкой и лошадьми. Назначение было неожиданным, я опешил, а комполка сообщил, что он помнит данное им обещание Сацюку о моем повышении и что я этого вполне заслужил. Он сказал также, что предлагал меня оставить в полку, а к Максиму направить А. Войтенко, прибывшего из госпиталя, но в штабе дивизии решили: там я нужнее. Комполка встал, еще раз поздравил, обнял и сказал:

«Уезжай утром, комполка Максимов ждет. Комендантство передай А. Войтенко».

Возвратившись в батарею, вижу, что личный состав батареи в строю, комбат Войтенко командует: «Для проводов Николая Козлова смирно! Для прощания разойдись!» Войтенко подошел, пожал мне руку, пожелал успеха. Все бросились жать руки, обнимать, желали мне много хорошего, особенно разведчики и связисты моего взвода, сколько испытаний перенесли мы вместе?! Жаль было расставаться, с взводом, батареей и полком. В полку меня знали все, не только офицеры, сержанты, но и солдаты, так как в наступлении и в обороне я был всегда с ними, представляя огневую защитницу-батарею 76-мм пушек. Я сказал, что уезжаю завтра и завтра будем прощаться. Комбат сказал старшине Руцкому, чтобы он организовал прощальный ужин.

Вызвав ездового повозки Г. Костылева, коновода Н. Савченко и ординарца В. Карменова я распорядился: Василию и Николаю найти еще одну ручную тележку, выпросить у старшины батареи продуктов, лучше сухим пайком, и загрузить ими тележку. Григорию готовиться отвезти Марту и Герту с двумя тележками в фаэтоне в Бервальде к коменданту, к вечеру вернуться. Сопроводить будет Николай, верхом. Попросил своего помкомвзвода В. Калачева, чтобы он попросил у уполномоченного СМЕРШ разрешающий Костылеву и Савченко на поездку документ. Подготовил для Марты и Герты письмо знакомому коменданту с просьбой устроить их нормально. Теперь надо сказать Герте. Вошел и просто сказал: «Я уезжаю, приказ, и Вам надо уезжать, готовьтесь! Вас повезут в фаэтоне с двумя тележками, одна будет с продуктами, коменданту г. Бервальде, вот записка к нему. Берите все необходимое из дома». Реакция спокойная, только: «Я, я» (да, да). Начались сборы, в течение часа все было готово к отъезду Марты и Герты, перекусили, и в путь.

Вечером прощальный ужин у комбата. Утром доклад комполка и отъезд. Еду, думаю: как-то примут меня в но-

вом полку? Прибыв, доложил командиру полка Максиму. Он сказал: «Едем, батарея построена и готова к маршу, с наступлением темноты двинемся». И спрашивает: «Помнишь Речицу?» Я ответил, что помню и Речицу, и как его, раненого, выносил с передовой. За разговорами незаметно подъехали, спешили. Батарея построена в колонну, готова к маршу. Старший лейтенант командует: «Смирно!» и подходит для доклада к командиру полка, который, указывая на меня, говорит: «Докладывайте командиру вашей батареи гвардии старшему лейтенанту Козлову Николаю Петровичу». Докладывающий поворачивается ко мне, я узнаю бывшего командира батареи Михаила Буракова. Думаю, что его переводят в другое место, а он докладывает: «Товарищ гвардии старший лейтенант, батарея готова к маршу, докладывает командир взвода управления гвардии старший лейтенант Бураков!» Понятно, понижен в должности, а это для меня совсем плохо. Подозвав командиров взводов, попросил доложить о готовности личного и конского состава, вооружения, боезапаса и транспортных средств. Ожидая команды к движению, быстро прошел вдоль колонны, бегло ознакомился с личным составом, осмотрел пушки, конский состав и повозки. Иду в голову колонны, подъезжает связной с распоряжением: вытягивать батарею в колонну полка.

В ночь с 16 на 17 апреля совершили марш от Цедина к Одери и переправились на Кюстринский плацдарм. 21 апреля, войдя в прорыв, двинулись в направлении Врицена. В пути, выехав из головы колонны, остановился, чтобы осмотреть колонну в движении. Рядом ординарец Василий говорит: «Люди сомневаются во мне, очень молодой, а рейд предстоит по тылам врага». Отвечаю Василию, что я этого вопроса ожидал, люди привыкли к Буракову. Все спокойно, ночь, решил прилечь на повозку взвода управления, передохнуть, слишком много было накануне переживаний. Управлять движением батареи в колонне полка приказал командиру взвода управления гв. ст. л-нту М. Буракову. Я задремал, но что-то толкнуло меня, колон-

на не движется, я соскочил с повозки и прошел в голову колонны батареи. **«О ужас!» Впереди батареи никого нет.** Бураков, сидя в седле, спит. Командой **«К бою!»** всех поднял, вскакиваю на Атаку, беру с собой двух разведчиков и скачу вперед. Кругом дремучий лес. Проскакали километра два, никого нет. Соскочив на землю, осматриваю подсвеченную фонарем песчаную дорогу, следов колонны вроде нет. Всканиваю в седло, скачу назад вдоль колонны, отыскиваю возможные повороты и ухода полка по другой дороге. Наконец-то другая песчаная дорога идет вправо, и на ней видны подсвеченные фонарем следы прошедшей колонны. Скачу в голову колонны и разворачиваю ее в обратную сторону (лес, дорога узкая – просека). Вывел колонну на нужную дорогу и гоню ее рысью. Примерно через полчаса догнали колонну. Что я пережил за это время, словами не объяснить. За моей батареей следовали тылы полка и дивизии. Все это происходило в тылу врага. Трудно представить, что произошло бы при нападении противника на нашу спящую колонну. Другие подразделения, кроме батареи, не знали о происшедшем. Утром я доложил командиру полка, он вызвал М. Буракова и спросил его: «Отдать тебя под трибунал или разжаловать без суда? – выбирай сам». Бураков просил пощадить и обещал искупить свою вину в бою, если потребуется, кровью и жизнью, а также просил оставить его в батарее. В бою за Берлин он потерял ногу. После того случая я все-таки к нему испытывал недоверие.

Движение полка по пригороду Берлина продолжалось. К вечеру слышу: впереди стрельба из танка (или танков), и передают команду по колонне: «Батарее 76 в голову колонны!» Командую: «Батарея, за мной!» Скачу галопом и вижу: эскадроны спешили, залегли, коноводы с конями в стороне от дороги, впереди железная дорога, за ней, за насыпью, танки, точнее, видны башни танков. Не доехав до залегших эскадронов, спрыгнул с Атаки, поводья отдал Василию и команду подъезжающим взводам: «Батарея, к бою! Первый взвод впра-

во! Второй взвод влево! Пушки перекатами вперед для стрельбы по танкам!» Пушки перекачивают справа и слева от дороги, я иду параллельно им по дороге. Танки, вероятно, увлекшись кавалеристами, стреляя по ним, не заметили выдвижение пушек. Ну, теперь пора, команду: «Стой! Батарее (всем четырем пушкам) по танку у дороги! Прямой наводкой! Осколочно-фугасными! Залпом! Огонь!» Я был уверен, за насыпью танк не поразить, а наши пушки огнем из танков могут быть разбиты. Надо заставить танки отойти, освободить полку дорогу. А этого можно достичь массированным огнем. Я, идя по дороге в полный рост, командовал: «Огонь! Огонь!»... Танки перенесли огонь на батарею, началась дуэль, огневое испытание — кто выдержит? Наши снаряды рвались перед насыпью, на насыпи, на рельсах и за насыпью. Снаряды танковых орудий рвались у наших пушек, но нервы у немецких танкистов не выдержали, и они отступили, освободив путь полку.

Экзамен, по рассказу Василия и ездового повозки Костылева, я выдержал. Теперь заговорили: «Молодой дарный, только зря рискует, наверно, нарочито». В этом они в какой-то мере были правы. Зато авторитет мой стал непререкаемым. Комполка пожурил, сказав: «Чтобы погибнуть, ума много не надо, а вообще — молодец». Я ему: «А Вы?» Отвечает: «Я командир полка». И в дальнейшем у нас сложились очень хорошие отношения.

БЕРЛИН, СЕВЕРНАЯ ОКРАИНА

Форсирование водоканала с боями в Легерсбурге

Боевые действия нашей батареи развивались следующим образом: спешенный первый эскадрон, усиленный взводом крупнокалиберных пулеметов ДШК, взводом 82-мм минометов и двумя 45-мм орудиями, сходу форсировал канал и вступил в Легерсбург, но был остановлен минометно-пулеметным огнем и контратаками противника и залег. Одновременно противник пытался

обойти эскадрон, атакуя вдоль канала, справа и слева, из Берлина. Особенно мешала переправе самоходка «Фердинанд», укрывшаяся за домом. Она простреливала и переправу, и подъезд к переправе на нашем восточном берегу. Выкатив все четыре орудия на открытые огневые позиции, батарея огнем прямой наводки заставила «Фердинанд» прекратить стрельбу и отойти. Подавляя огонь пулеметов и наступающие цепи противника, справа и слева, батарея обеспечивала переправу и наступление третьего и четвертого эскадронов с задачей сломить сопротивление обороняющегося противника и стремительно наступать в направлении Науэна. Переправившись на западный берег канала (в район наступления третьего эскадрона, теснившего противника), батарея подавляла огонь минометной батареи, пулеметов и узлов сопротивления пехоты.

Первый эскадрон вел бой с отступившим влево противником. Третий эскадрон в развернутом пешем боевом порядке и следовавший за ним на расстоянии четвертый в походном конном строю продолжали продвижение вперед в направлении Науэна. Следом за ними двигалась и готовая к бою батарея. Внезапно появившаяся (слева из лесного массива) пехота противника, поддерживаемая шестью самоходными орудиями, атаковала и остановила наступление третьего эскадрона. Тут же, придя на помощь, батарея, обогнав четвертый эскадрон, заняла открытые огневые позиции и всеми четырьмя орудиями открыла беглый огонь по самоходкам, увлеченным своей атакой и подставившим батарее бортовую броню. Результат не заставил себя ждать: три самоходных орудия были подбиты; остальные отстреливаясь пятились к лесу. Контратака немцев захлебнулась. Четвертый эскадрон в конном строю ускоренным маршем рысью двинулся в направлении Науэна—Ратенова, за ним третий и батарея.

Итог прошедших боев: **«22-23 апреля 1945 г. батарея обеспечила переправу 1-го эскадрона через ка-**

нал и прорыв обороны противника 3-м и 4-м эскадронами. При этом было подбито три самоходки, подавлена 81-мм минометная батарея и несколько пулеметных точек противника». (Выписка из журнала боевых действий батареи.)

Полк двигался конным походным строем в арьергарде дивизии, батарея замыкала полк. За батареей двигались тылы полка и дивизии. Рано утром колонна полка с северо-восточного направления из Науэна вышла на автостраду Берлин—Ратенов, повернув на Ратенов, остановилась в Бамме. Батарея в походном конном строю оказалась в центре Бамме на перекрестке дорог Науэн—Бамме — Ратенов и Берлин—Ратенов. Впереди на выезде из Бамме — основные силы дивизии, позади на въезде в Бамме — тылы полка и дивизии. Старшина батареи гвардии старшина Янин кормил личный состав завтраком, а конский состав овсом из торб. В это время со стороны Берлина слышался и быстро нарастал шум моторов и крики «Танки!» Чьи они? Выбегав к перекрестку, я увидел быстро движущуюся колонну танков «Пантера» с автоматчиками на броне. Быстро развернув батарею и заняв ОП на окраине кладбища, подал команду: «По головному! Фугасными! Батареею беглый огонь!» Бронебойных снарядов не было, и расстояние до цели более 400 метров. Началась паника, надо было остановить панику, поддержать боеспособность батареи, заставить всех действовать и осадить врага. В такой обстановке **главное** — это заставить людей **действовать!**

Головная «Пантера» с разбитой нашими снарядами гусеницей развернулась по ходу вправо и сползла в кювет, остальные начали разворачиваться в боевой порядок с охватом Бамме в клещи. Четыре танка по ходу вправо на тылы, шесть — влево. Автоматчики, соскочив с брони, рассыпались в цепь. Танки и автоматчики вели огонь по батарее, но он был неэффективным, так как орудия прикрывались домами, деревьями, оградами и памятниками кладбища. Командирам взводов, орудий и мне с пригорка действия танков и автоматчиков просматривались

хорошо. Хотя и малый успех батареи — один подбитый танк, но это подействовало ободряюще на личный состав. К нам начали присоединяться из разных частей и подразделений сержанты и солдаты, которые направлялись в организованную оборонительную цепь, прикрывающую батарею слева. Теперь основной наш противник (основная опасность) движущиеся с правого фланга на батарею (и тылы) танки и автоматчики, поэтому весь огонь был сосредоточен на этой группе, благо, что 75-мм немецких снарядов у нас было много. Сплошные разрывы фугасных и осколочных снарядов остановили автоматчиков и «Пантеры». Развернувшись влево, танки отстреливаясь начали отходить, за ними побежали и автоматчики. Однако другая группа немецких танков, в это время не встречая сопротивления, громила находящуюся впереди нашу колонну. Из-за паники, 146-й артминполк дивизии не успел развернуться и понес значительные потери, не сделав ни одного выстрела. Понес потери и дивизион «Катюш». Не буду называть всех командиров, отмечу только то, что командир 146-го артминполка полковник Володарский, имея три батареи 76-мм дивизионных пушек и батарею 120-мм минометов, не организовал ни одного выстрела. Полковник, бегая с пистолетом в руке, кроме попытки командовать мною, ничего не сделал, но надо было показать свое причастие, опасаясь, вероятно, за последствия. На мой вопрос: где ваш полк? Покажите? Командуй полком и не мешай мне! — ему нечего было сказать, так как находившийся под его командованием полк не развернувшись разбежался, побросав орудия и минометы на улице. Ни одного выстрела! Вот к чему приводила паника.

Подбитый батареей танк «Пантера» стал трофеем дивизии и использовался нашими танкистами при прорыве в г. Ратенов. Танк немцы в город пропустили, приняв за свой, а потом подбили фаустпатронами. Три героя-танкиста были спрятаны немецким гражданским врачом, но затем кем-то выданы врагу и расстреляны.

РАТЕНОВ. ВТОРАЯ КОНТУЗИЯ

Орден «Красное Знамя»

После Науэна полк из авангарда дивизии перешел в арьергард, двигаясь походными колоннами на Ратенов к мосту через реку Хафель (приток Эльбы) и не встречая сопротивления врага. Однако выйдя на окраину Ратенова, мы встретили яростное сопротивление немцев. Уличные бои в городе были для батареи самыми тяжелыми на территории Германии. Обороняли город солдаты и жители, возглавляемые генералом, находящимся в этот период в отпуске. Оборона была организована грамотно: в окна полуподвалов домов устроены пулеметные огневые точки, в окна этажей — автоматчики и фаустники (фаустпатронов было запасено очень много, их выпускали на заводе в городе). Батарее поставлена задача: «Обеспечить наступление первого эскадрона по улице, примыкающей к реке Хафель, с целью захвата важной переправы (моста)». По мосту спешно бежали на запад, как потом выяснилось, части пехотного корпуса противника. В целях уменьшения риска, потери орудий в уличных боях мною было принято решение выполнять поставленную задачу полубатареей в составе одного огневого взвода (два орудия), разведчиков и телефонистов взвода управления. Какими последствиями чревата потеря орудий, я испытал на себе в апреле 1944 года в боях за село Овлочим под Ковелем. Однако вернемся к боям за Ратенов, расположенный в 40 километрах западнее Берлина. Под плотным пулеметным и автоматным огнем, в густых разрывах фаустпатронов кавалеристы перебежками продвигались от дома к дому, от подъезда к подъезду, вытесняя противника. Орудия перекачивались боевыми орудийными расчетами, разведчиками и телефонистами по открытой брусчатой улице поочередно, представляя собой заманчивые мишени. Первое орудие, которым непосредственно командовал я, перекачивали по левой стороне улицы, подавляя огневые точки на правой стороне. Второе, которым командовал командир

взвода гв. лейтенант Воробьев, перекачивалось по правой стороне улицы, подавляя огневые точки на левой стороне. Передвигаясь перекатами, под непрерывным огнем противника, полубатарея расчищала путь кавалеристам. Одно орудие ведет огонь, другое перекачивается. Боевые орудийные расчеты, выковыривая брусчатку, закрепляли орудия и вели огонь. В ходе боевых действий полубатареи был подавлен огонь двух крупнокалиберных пулеметов, уничтожены десятки фаустников и автоматчиков. Кавалеристы и орудия выдвинулись к центральной площади, близка конечная цель — мост. Эскадрон повернул налево и двинулся в сторону моста, но был остановлен огнем автоматчиков противника.

Я в это время стоял у орудия под деревом, ведя наблюдение, оценивая обстановку и командуя стрельбой боевого расчета. Вдруг по орудию ударил пулемет. Свист и искры от ricoшетирующих от брусчатки и щита орудия пуль заставили обратить внимание вправо вперед. Оттуда перебежками вдоль домов и по задворкам продвигались автоматчики, вероятно, с целью отрезать полубатарею от эскадрона, расправиться с эскадроном с тыла, а заодно и с нами. Пулемет вел плотный огонь, автоматчики тоже. Положение грозило опасными последствиями. Но теперь нам помогли стены немецких домов. Приказав командиру орудия гвардии старшине Викулову занять полукруговую оборону спереди справа, я подавал наводчику команды стрельбы по пулемету, но свистящие и искрящиеся пули на него действовали отрицательно, снаряды шли мимо. Отстранив наводчика, я сам прильнул к панораме и навел орудие на цель. Первым же снарядом удалось заставить замолчать пулемет. Это как раз тот исключительный случай, когда командир должен сам уметь стрелять, показывая личный пример смелости и не поддаваясь безысходности ситуации. Через мгновение после выстрела орудия надо мной раздался оглушительный взрыв фаустпатрона, вероятно, нацеленного в орудие, а попавшего в дерево. Оглушенный и сбитый с ног волной разрыва, я упал, к сча-

стью, сознания не потерял и продолжал управлять боем. Фаустника поймали и... наказали стеклом. Им оказался тринадцатилетний парнишка из гитлерюгенд.

Огнем из ручного пулемета, автоматов, карабинов мы пресекали попытки автоматчиков обойти нас с тыла (с фронта мы не боялись: с нами орудия, картечь). Но долго ли мы продержимся? Автоматчиков было во много раз больше, и это меня очень беспокоило, особенно за орудия. Автоматчики наседали, у нас появились раненые, дошло дело до ручных гранат, а применить огонь орудий было невозможно, мешали дома. Обстановка была тревожной и напомнила мне события апреля 1944 года под Ковелем и их последствия. Я был готов к самому худшему, но и на этот раз повезло. Непрерывная стрельба с обеих сторон была услышана командованием полка. Полковой резерв под командованием замкомполка Героя Советского Союза гвардии подполковника Пахомова был брошен на выручку батареи. Атакой в тыл автоматчиков он спас нас и орудия.

Мы продолжали выполнять поставленную батарее задачу обеспечить захват переправы. Перетащив первое орудие через кладбищенские ограды и памятники практически на руках на берег реки, мы начали в упор расстреливать перебежавших по мосту немцев. Некоторые бежавшие падали в воду, другие под ноги бежавшим. Мы торжествовали, мстили за четверых раненых, за мою контузию. Батарея была на высоте. Перебито десятки немцев. Боевая задача выполнена без потерь в личном составе и вооружении.

«...В бою за город Ратенов 27.04.45 г., в уличных боях батарея под личным командованием тов. Козлова уничтожила десятки фаустников и автоматчиков, подавила несколько пулеметных огневых точек, что обеспечило занятие нескольких кварталов...»

«...26-27 апреля 45 г. батарея вела уличные бои в г. Ратенов, первый огневой взвод с частью взвода управления под командованием командира батареи обеспечивал огнем

и колесами наступление 1-го эскадрона. Взводы попали в окружение, командир батареи контужен (продолжая командовать), четверо ранено. Из окружения полубатареей выручил полковой резерв под командованием замкомполка Героя Советского Союза гвардии подполковника Похомова. Батарея поставленную задачу выполнила, уничтожив при этом фаустников и автоматчиков...» (Из журнала боевых действий.)

Так закончились бои батареи за Ратенов, а начались они ранее, 25 апреля, в районе населенных пунктов Бамме, Гренинген, что западнее Берлина в 20-25 километрах, с отражения атаки танковой группы из одиннадцати «Пантер» с автоматчиками на броню, прорвавшейся из Берлина и направлявшейся на Запад к «союзникам» по автострате Берлин—Ратенов.

«...В период проводимых боевых действий полка с 17.04 по 29.04.45 г. тов. КОЗЛОВ показал себя смелым, решительным, тактически грамотным, умеющим мобилизовать личный состав на выполнение поставленных боевых задач командования. В бою за переправу 23.4.45 г. противник пытался несколько раз переходить в контратаку, тов. КОЗЛОВ выкатил орудия своей батареей на открытую огневую позицию, командуя, принял неравный бой с танками противника. В этом бою было подбито три самоходных орудия и подавлен огонь двух пулеметных огневых точек, что дало возможность подразделениям полка форсировать канал... За проявленное мужество и отвагу достоин правительственной награды, ордена «Красное Знамя».

Командир 52 гв. кав. Х.К. орд. Суворова полка
30 апреля 1945 г. гв. майор Максимов
(Представление к награждению.)

В последние дни боев, даже опытные, награжденные орденами и медалями солдаты, сержанты и офицеры осторожничают... Такое произошло и с боевым гв. старшиной, командиром 4-го орудия Викуловым. Боевые позиции немцев и нашего эскадрона и боевого расчета 4-го орудия разделяла обычная брусчатая городская улица. Кавалеристы и немцы вели друг в друга огонь из

стрелкового оружия и ручными гранатами. Орудие занимало боевую позицию примерно в 20 м позади цепи кавалеристов и должно было отражать атаку немцев картечью. Ночью немцы, что редко бывало, атаковали эскадрон, от неожиданности кавалеристы начали пятиться и приблизились к орудью. Завязался ожесточенный бой, дошло до рукопашной. Викулов, вместо того чтобы драться вместе с сабельниками, снял оружейный прицел и вместе с расчетом спрятался за домом, оставив орудие. Прибежал от него наводчик и доложил: «Орудие у немцев!» Приказываю двум разведчикам и четверым из боевого расчета 1-го орудия, у которого я находился: «За мной!» Прибегаем, Викулов стоит с оружейным прицелом в руках, а впереди идет бой. Произошел примерно следующий диалог: «Где орудие?» — «У немцев» — «А ты почему тут? А не там, у орудия, у немцев?» Командую: «Всем к бою! Викулов вперед!» Выдвинулись к улице, орудие одиноко стоит. Кавалеристы в обороне, немцы ушли на свои прежние боевые позиции, по другую сторону улицы. Спрашиваю Викулова: «Где же немцы? Трус!» Молчит. Спрашиваю: «Ты знаешь, что тебя ждет?» — «Знаю» — «Так почему?» — «Стреляют, гранаты бросают» — «Такое впервые что ли? Стреляйте, бросайте гранаты и вы! Бейте фаустпатронами, их полно». Потом заговорил: «Струсил, не наказывайте, такого не было и не будет, докажу в бою». И действительно, до конца боев в Ратенове он дрался с врагом, как и прежде, геройски.

В такой обстановке личный пример командира орудия, взвода, батареи (его мужество, стойкость, умение рисковать, пренебрежение к огню противника) поднимает боевой дух подчиненных и решает исход огневых поединков с врагом, танками, самоходными орудиями, бронетранспортерами, пулеметными точками и прочими огневыми средствами врага. Я старался быть таким; по мнению подчиненных, командиров эскадронов, батарей, командования полка и дивизии, у меня это получалось.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Торжества, пожар (месть немецких солдат)

После взятия г. Ратенов война для меня не закончилась. Полк и батарея расположились в 7 км юго-восточнее города, в лесу. Еще в начале боев за город Ратенов я на окраине облюбывал и занял 2-этажный особняк немецкого летчика, погибшего под Сталинградом. Красивый светлый особняк чуть не стал для меня роковым. Там я и обосновался вместе с ординарцем В. Карменовым. У дома всегда в готовности пара лошадей. Надо отдать должное и выразить глубокую признательность моему ординарцу Василию (Султану) за то, что он многое делал для создания мне максимально возможных бытовых удобств во фронтовых условиях. Например, где бы я ни находился, вблизи всегда была наготове пара лошадей, в любое время дня и ночи. В любой боевой обстановке я был обеспечен горячей пищей. Он мог сидеть всю ночь у костра или печки, подогревая еду для ужина. Прошли мы вместе с ним от Дона до Эльбы.

В лесу старшина батареи П. Янин и Василий оборудовали для меня небольшой охотничий домик, создав комфорт и уют (внутри мебель, ковры, картины и др.).

Ночью с 6 на 7 мая батарея была поднята по тревоге. Задача: «Преградить путь моторизованной колонне немцев, движущейся из Берлина на запад, перекрыть дорогу Берлин—Ратенов, заняв огневую позицию на опушке леса». Вскочив на Атаку, скомандовал: «За мной!» и на галопе вперед. За мной взвод управления и огневые взводы. Проскакали 2,5 км по лесной песчаной дороге, выскочили на автостраду Берлин—Ратенов, повернув направо. Я подал команду: «К бою! 1-й взвод справа! 2-й слева! Взвод управления в цепь!» Хорошо, что не продолжали движение до опушки леса, плохо кончилось бы, так как вскоре замелькали огни фар, затем послышался и шум моторов. Когда расстояние до приближающихся немцев уменьшилось примерно до 400 метров, дал команду: «Батареею по

огням! Осколочным! Четыре снаряда! Беглый! Огонь!» Не ожидавшая, наверное, такой встречи, колонна расстроилась, огни начали поворачивать и вправо, и влево. Я скомандовал: **«Стой! Записать цель вражеская колонна!»**. Это была моя последняя боевая команда в Великой Отечественной войне. Следующая команда уже мирная: **«Отбой! По коням! В колонну, повзводно! За мной рысью марш!»**

Девятого Мая 1945 г. в 6 утра горнист протрубил сигнал: «Тревога!» Я вскочил, крикнул ординарцу: «Батарея тревога, готовность к бою!» Быстро одеваясь, поругал овчарку за то, что ласкаясь мешала одеваться. Вошел старшина батареи П. Янин и сказал: «Комбат, не торопитесь. Приказ: батарею в пешем строю — к штабу полка». Это означало конец войны. Приведя батарею, построил, как всегда, за четвертым эскадронам. В 7 утра к строю вышли комполка гвардии подполковник Максимов, замполит гвардии подполковник Куркович и другие офицеры штаба полка. Комполка открыл митинг и предоставил слово замполиту. Он крикнул: «Война закончилась полным разгромом фашистской Германии! Нашей Великой Победе Ура!» А далее описать все, что происходило, практически невозможно... Бросали фуражки и пилотки вверх, стреляли все из автоматов, карабинов и пистолетов, кричали многократно УРА!

Итак, самая кровопролитная война в истории человечества и нашего ОТЕЧЕСТВА закончилась триумфальной **Победой советского народа**, и прежде всего **русского народа**. Решили Победу отметить по-настоящему торжественно. Я, позвав старшину, приказал: «Накрыть к обеду стол на всю батарею, плюс 10-12 человек от командования полка и столько же от батарей и эскадронов». Выпивки (водки, спирта, рома, коньяка и каких-то вин) у нас хватило бы на весь полк. Батарея считалась непьющей, а старшина был прижимистый. К нам при необходимости (день рождения или другие отмечаемые мероприятия) обращались за спиртным комэски, комбаты и др. Много у нас было должников. Старшина батареи занялся столом, а я при-

глашенными. За определенную плату спиртным уговорил руководителя отличного полкового оркестра участвовать в нашем праздничном обеде.

В 13.00 обед начался. Первый тост произнес комполка. Я выпил полрюмки. Заметив это, он сказал: «Ты что, не рад Победе? Пей до дна! Теперь можно». Я выпил свою рюмку до дна. Следующие тосты произнесли замполит и начштаба, повторились просьбы, чтобы я выпил до дна. Затем комполка предоставил слово мне. Я предложил тост за наш 52-й гвардейский Хорезмский Краснознаменный ордена Суворова II ст. кавалерийский полк и за нашу батарею 76-мм полковых пушек. Ответ сидящих за столом гостей многократное «Ура!» После каждого выступления оркестр исполнял туш. А далее для меня все было как в тумане. В полусознании распорядился организовать в особняке торжественный ужин для комбатов, комэсков и друзей. После этого я сел на мотоцикл, с овчаркой на заднем сидении, и отправился в Ратенов. Как ехал, как протекал ужин, что было дальше, не помню. Просыпаюсь к утру. Голова трещит, внутри мутит, овчарка возле меня кружится и скулит. Проснулась Мари, хозяйка дома, что-то говорит о пожаре, я никак не пойму, о чем речь. Подхожу к двери, овчарка за брюки тянет назад. Открываю дверь и, о черт! Лестницы нет, только обугленные остатки, внизу обгорелый мой мотоцикл. На противоположной стороне (через коридор) в дверях стоит В. Карменов. Он и объяснил, что случилось, и сказал, что утром все будет восстановлено.

А происходило все так. После вечеринки комбаты и комэски с коноводами разъехались, а я завалился на диван и заснул беспробудным сном. Два вооруженных немецких солдата, пробираясь на запад, проходя мимо особняка, заметили, что тут отмечали победу русские офицеры, давай и мы им устроим победу. Выбили нижнюю фанерную часть двери, облили соляркой (из мотоцикла) мотоцикл и лестницу с перилами, соединяющую оба этажа, подожгли и выскочили. Поляк-вахтер, живший в левой половине первого

этажа, все это слышал. Слышал и свекор Мари, живший в правой половине дома. Они-то, выскочив через окна, подняли тревогу. Прибежавшие из соседних особняков жители помогли погасить пожар. А со мной, по рассказу Мари, происходило следующее: овчарка и Мари пытались меня разбудить, но тщетно, ординарец оказался отрезан огнем, и только чудо-везение спасло. В первый и последний раз в жизни я был в таком состоянии, никогда до этого более 100 г спиртного не выпивал. Приехал верхом с заводной Атакой коновод Н. Савченко и сообщил, что вызывает комполка. Он нашел у немцев лестницу, по которой я через окно спустился вниз. Прискакав в штаб, доложил о прибытии. Комполка посмотрел на меня и сказал примерно следующее: «Обед ты организовал хорошо, молодец, благодарю, обед получился не только батарейным, но и полковым. Болезнь твою сейчас вылечим». Вызвав ординарца, сказал ему: «Принеси». Увидев в руках ординарца стакан с водкой, я замахал руками, говоря: «Меня сейчас вырвет». И все-таки меня заставили выпить 70-80 граммов водки с солью, угрожая в противном случае не брать на экскурсию в Берлин. От питья стало легче. Вечером состоялся полковой офицерский праздничный ужин для боевых друзей у комполка.

Духовой оркестр, гости из медэскадрона (врачи, медсестры). Песни, пляски, поздравления (обнимания, поцелуи и т.д.). В общем, пир во имя **эпохальной победы...** В июне (03.06.1945 г.) корпус конными походными колоннами двинулся из поверженной Германии в родные просторы России. 15 июля пересекли р. Буг (граница Польша—СССР) и сосредоточились в районе г. Брест (Брестская крепость).

11 мая мы проехали по поверженному Берлину через Бранденбургские ворота и расписались на стенах рейхстага. Все из состава батарейцы сфотографировались.

ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННЫЕ

В контактах с молодежью, с коллегами по работе, в корпоративных компаниях и просто в застольях ча-

сто спрашивают о том, как сложилась моя жизнь после войны. После Победы над Германией многие офицеры писали рапорты с просьбой отправить на Восток, писал и я, знали, готовится удар по Японии. Всем отказывали, в том числе и мне. Жизнь **вояк** после Победы складывалась по-разному: некоторые запили, другие просто опустили, третьи боролись за жизнь и добивались желаемого, к этим отношу я и себя. Попытаюсь короткими заметками (мазками) описать, на своем и других офицеров послевоенную военную и гражданскую службу бывших **вояк**.

БРЕСТ

Прибыв в июле 1945 г. в Советский Союз (в район Брестской крепости), части и подразделения корпуса расположились летним лагерем в палатках. По приказу выше приступили к очистке Белорусской земли от бандитов-бульбовцев, которые терроризировали местное население, особенно советских и партийных работников. Взводы батареи без пушек также получали приказы на прочесывание заданных лесных массивов и хуторов. От боев бандиты уклонялись, прячась под землей, но на отдельных военных нападали, забирая оружие и одежду. Вот один из случаев: было принято решение организовать пастбище на болотистых лугах, на удалении около 20 км. Перегнать туда конский состав, не задействованный в указанных выше операциях. Организовать пастбище я приказал командиру 2-го огневого взвода, а сам решил поехать вместе с ним посмотреть на пастбище. Следовали по полевой, лесной дороге. Впереди колонны следовал командир взвода, вооруженный револьвером, за ним растянулась колонна из 60 лошадей, связанных по паре. Верховых было только пятеро вооруженных карабинами, остальные пары лошадей, связанные попарно, шли без седоков. Колонну замыкала повозка с палаткой, продовольствием и зерновым фуражом. Я с коноводом следовал за повозкой. Было тихо, спокойно, и вдруг впереди стрельба. Пистолет из кобуры и

скачу вперед, за мной ординарец с автоматом. Командир взвода и один солдат стреляют в сторону хутора, расположенного недалеко на поляне, к которой подошла колонна. Подскакал командир взвода, докладывает о том, что у одного верхового (дремавшего в середине колонны) бандиты отобрали карабин и сняли сапоги. Бандиты скрылись на хуторе. Скачу с ординарцем и одним солдатом к хутору, на пороге женщина. Спрашиваю ее: «Где бандиты?» Отвечает, что никого не видела, ничего не знает. Перевернули все, бандиты как сквозь землю провалились, пропали и карабин, и сапоги. Так бывало нередко, жители их боялись и молчали. Прибыли на пастбище, ординарец устроил в одном из домов мое временное жилье. В первой прихожей комнате муж с женой, во второй — 18-летняя дочь Неля. Мне предложили кровать дочери, я поблагодарил, устроившись на полу, лег одетым и заснул. Просыпаюсь от тихого разговора хозяина с кем-то через входную, наружную дверь. Встаю, шашку из ножен, пистолет к бою и к промежуточной двери. Хозяин не открыл бандитам дверь, а наутро рассказал мне о том, что они хотели завладеть моим пистолетом. Он им сказал, что я его зять и что на время мне придется им быть. Я не возражал, считая это условностью. Приехав следующим вечером, я увидел хорошо накрытый стол с мясными продуктами и самогонкой. Я был не голоден и больной, поэтому хотел отдохнуть. Хозяин упросил меня сесть за стол и выпить рюмку крепкого спиртного, потом повел речь о том, что дочери нужен ребенок, и в этом просил моего участия. После этого разговора я прекратил туда свои поездки. Болезнь свалила меня, при докладе посетившему батарею комдиву я упал и потерял сознание, очнулся в полевом лазарете. Что было со мной, ни врач полка ни другие медики не могли объяснить. Однажды входит в лазарет Неля с узелком, в котором отваренная курица, пирожки с картофелем, сметана и молоко. Она приехала на повозке и от имени отца просила поехать с ней. Отец сказал ей, что там меня скоро вылечат. Полковой врач уговорил

меня поехать на хутор с Нелей, заметив, что с такой хорошенькой медсестрой и калорийными продуктами я быстро поправлюсь. И действительно, внимание семьи, хорошее питание, банные и другие процедуры... скоро вылечили меня. Полвека спустя обморок повторился в Москве, по заключению медицинской комиссии военного госпиталя им. Мандрюка, это результат контузии головы на фронте (блокада какого-то элемента мозга).

ЗАКАВКАЗЬЕ

Зимой 1946 г. 7-й гв. Бранденбургский орден Ленина, «Красное Знамя» и Суворова II ст. кавалерийский корпус был переформирован в 31-ю гв. Бранденбургскую орден Ленина, «Красное Знамя» и Суворова II ст. механизированную дивизию, вошедшую в состав 4-й армии Закавказского военного округа. В составе дивизии было: 3 механизированных, 2 танковых (тяжелых и средних) полка, артминполк, дивизион «Катюш», разведбатальон, батальон связи и др. Это было самое мощное соединение в Закавказье.

14-я гв. Мозырская Краснознаменная ордена Суворова II ст. кав. дивизия была переформирована в 98-й гв. Мозырский с теми же орденами механизированный полк. Командиром полка стал бывший замкомдива гв. полковник П. Равский. 52-й гв. Хорезмский орден Ленина и Суворова II ст. кавполк перестал существовать.

98-й ГВ. МОЗЫРСКИЙ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ОРДЕНА СУВОРОВА II СТ. МЕХПОЛК

При формировании полка (г. Ордубад на Араксе, Нахичеванская АССР) в январе 1946 г. меня назначили командиром 2-й батареи артиллерийского дивизиона

полка, командиром 1-й батареи назначили гв. капитана И. Шахматова, командиром 3-й батареи гв. ст. л-нта И. Иваченко. Все трое участники ВОВ, вместе мы не воевали. Мы были холостыми, разными, но скоро подружились.

ОРДУБАД НА Р. АРАКС

Город Ордубад — это глинобитные халупы, огороженные глинобитными заборами, что во дворах, не видно, узкие глинобитные улочки, не для проезда автомобиля. От батареи остался я и ординарец Николай Клокатов, который отыскал для нас сносное жилье в глинобитной двухэтажной халупе с четырьмя помещениями. На первом этаже были: помещение слева для семьи хозяина из четырех человек, в помещении справа разместились я с ординарцем. На втором этаже: над моим помещением — склад-магазин с чаечей и вином, слева — старый артист драмтеатра с юной женой.

Я принял батарею с незнакомыми мне людьми из 146-го артминполка с дивизионными орудиями 76-мм (ЗИС-3). В батарее был только один офицер, командир огневого взвода Николин, ютившийся в маленькой глинобитной каморке с женой и сыном. Большинство личного состава батареи (из старослужащих, обстрелянных) разместилось в большом глинобитном сарае, рядом с моим жильем, орудия и автотягачи («Студебеккеры») стояли тут же, во дворе. Для занятия людей мною и Николиным проводилась учеба. Я жил одиноко, карты и спиртное меня не привлекали.

Город жил только духанами, торгующими дешевым спиртным (чаечей и вином). На город была одна молодая женщина Фатма, обслуживавшая любого за 3 руб. Немало офицеров, сержантов и солдат увлеклись картежной игрой и пьянством. Командир полка гв. полковник Раровский вечерами ходил по духанам, гонял пьянствующих полковых вояк, бил бутылки со спиртным, а утром расплачивался с хозяевами за разбитые бутылки.

Весной полк был переброшен в г. Ханлар (Азербайджанской ССР), красивое старинное типично немецкое поселение. Я въезжал в город во главе батареи ночью, передо мной как будто Германия: типичные немецкие дома, арыки и фруктовые деревья вдоль улиц, но эта красота не для нас. Полк расположился у города на меловых сопках, предгорье Кавказского хребта, в палатках, техника на открытых стоянках.

Мы, три комбата, сняли небольшой флигелек во дворе хорошего дома, ранее принадлежавшего немцам, эвакуированным в Саратовскую область, а теперь занимаемого ассирийцами, очень хорошо относившимися к нам. Жизнь проходила однообразно: днем служба (занятия в батареях), вечером — ужин с чаечей в местном ресторане. Иван Ш. пил умеренно, я мало, а Иван И. пил много, мог, перевернув бутылку, не глотая вылить всю в горло. В субботние и воскресные дни танцы в городском парке под полковой духовой оркестр. Иногда кино и заезжие артистические концерты. Я стал задумываться, как дальше? Весной 1947 г. артиллерию дивизии проверяла московская комиссия. Боевые стрельбы отобранных комиссией батарей, не тянули на оценку **удовлетворительно**. Комиссия разрешила командованию артиллерии дивизии выбрать по своему усмотрению еще две батареи (пушечную и минометную), которые должны выполнить по две стрельбы (батарею и взводную) с оценками не ниже «Хорошо». Начартдивизии гв. полковник Скворцов предложил мою батарею и минометную батарею из артминполка. Командир дивизиона майор Сизов (не участник ВОВ) был против моей батареи, я у него был непослушным (разгильдяем), нередко поступавшим по-своему, а не по-Сизовски. Скворцов настоял на своем, ночью (представители комиссии) батарею подняли по тревоге. Боевой приказ: «Выйти в указанный район, занять боевой порядок и поддержать наступающий мотострелковый батальон на окопавшегося противника». До восхода солнца батарея заняла и оборудовала НП и ОП. С восходом солнца к НП на «Виллисе»

подъехал председатель московский комиссии генерал-артиллерист. За ним десяток автомашин с офицерами комиссии и артиллерийским начальством дивизии. Я доложил ему о готовности батареи к бою. Тут же ему подвезли стол, стулья и всевозможные прохладительные напитки. Он сел на стул рядом с моим окопом (НП), указал цель для стрельбы «Пехота противника в траншее, подавить! Ориентир мелкий кустарник». Я, наведя буссоль на указанный кустарник, ответил: «Цель понял!» И начал готовить данные для стрельбы. Генерал включил секундомер, время пошло. Подаю команду: «Батарея к бою! По пехоте в траншее прицел XX, угломер X.XX первому (орудию) один снаряд огонь!», перелет. Телефонист (заряжающий) мямлит, медлит. Прошла демобилизация и телефонистов не осталось, пришлось использовать вместо связиста заряжающего. Отобрав у телефониста телефонную трубку, я сам стал передавать команды на огневую позицию для стрельбы: «Прицел XX-2, огонь!», недолет (вилка узкая). Даю команду на поражение «Прицел (XX-2)-1, батарее, веер параллельный четыре снаряда беглый огонь». Генерал приказал: «Стой!» Даю команду: «Батарея, стой! Записать цель № 1, пехота в траншее!». Генерал начал разбор, обращаясь ко мне, указал на то, что телефонист не подготовлен, что я во время управления стрельбой батареи учил, ругал телефониста и выполнял его обязанности. Я стоял перед генералом и видел, как бледнел и грозно смотрел на меня майор Сизов. Наконец, генерал повернулся ко всем сзади него стоящим и сказал: **«Несмотря на недостатки, стрельба оценивается отлично! Поздравляю тебя и батарею! Тебе надо поступать в артакадемию».** Лицо Сизова просияло. Полковник Скворцов подошел ко мне, поздравил и сказал, что я оправдал его надежды, не подвел. Генерал обратился ко мне: «Какой взвод будет стрелять по цели прямой наводкой?» — «Первый, командир ст. л-нт Черный» — «Вызывайте взвод сюда». Я по телефону, скомандовал: «Батарея отбой, первому взводу на галопе следовать к НП и быть готовым к бою!» Взводная стрельба ст. л-нта Черного

прямой наводкой по пулемету получила оценку «Хорошо». Командир минометной батареи отстрелялся на «Хорошо» и **общая оценка артиллерии дивизии «Удовлетворительно».** Так мы защитили честь артиллерии дивизии. Меня и комбата минбатареи наградили часами, за которые мы получили деньги, которые сразу же в духане с артиллеристами полка и израсходовали.

Совет генерала подтолкнул меня готовиться для поступления в артакадемию, я подал рапорт, купил книги, посещал вечерние занятия в школе, готовился к сдаче экзаменов. Однако летом меня назначают начальником автоколонны (250 самых разных отечественных и иностранных автомашин, более 500 человек руководящего и водительского состава), замначколонны по техничасти отличный специалист л-нт Кирин, два автотехника, медсестра, старшина и повар. Командировка в Краснодарский край для вывоза зерна планировалась на месяц, а продлилась полгода (с июля по ноябрь). Возили на заготовительные пункты зерно, свеклу, морковь и др. По возвращении узнаю, на мою должность назначили другого к-на Цикорадзе и только через два месяца меня восстановили в прежней должности. Я продолжал готовиться и добивался продвижения моего рапорта о поступлении в академию.

Двадцать девятого января 1949 г. я женился на Корниловой Александре Семеновне, свадьба по-кавказски: зарезанный бык, двухсотлитровая бочка вина, десятки литров чаи и коньяка. Полк передислоцировался из Ханлара в Шамхор, но день и ночь весь офицерский состав полка гулял у меня на свадьбе. Александра Семеновна (жена, подруга) моталась со мной по стране 67 лет. Из них, скитаясь по съемным квартирам, 12 лет: Север (Туруханск—Красноярск), Запад, Восток и Юг (Закавказье, сакля с камышовой крышей, с которой падали на пол, кровать и «мебель» клопы, скорпионы, фаланги и змеи). Испытала все тяготы жены офицера Советской армии. 13 мая 2016 г. Александра Семеновна отправилась в иной мир... Наши дети: Лидия,

дочь, 1949 г.р., Сергей, сын, 1959 г.р. Наши внуки: Оля и Лена Бураковы. Наши правнуки: Катя, Даша и Дениска.

Летом 1949 г. сдаю успешно экзамены окружной приемной комиссии (г. Тбилиси) для поступления в артакадемию им. Дзержинского. Я сдал вступительные экзамены в академию и в Москве, на 1-й командный факультет. Однако мне предложили перейти на факультет по вооружению, я отказался и возвратился в полк. На командный факультет принимали от командира дивизиона и выше, комбатов не пропускали. По прибытии в полк узнаю, моя должность занята. Поэтому меня назначили командиром батареи, истребительно-противотанковых 57-мм орудий (ЗИС-2), 135-го отдельного разведывательного мотоциклетного батальона (командир подп. Шамин). Для тренировки орудийных расчетов в стрельбе по целям прямой наводкой я решил закреплять карабины на стволах орудий со шнурами от спускового крючка карабина к наводчику орудия. Командиры взводов давали целеуказание, командиры орудий подавали команды ведения и корректировки выстрелов, подносчики подносили снаряды (патроны), заряжающие заряжали снарядами (патронами) карабины, наводчики устанавливали угломер, прицел для стрельбы и производили выстрел. Получалась имитация стрельбы, хорошая тренировка орудийных расчетов. Это в последующем положительно сказалось на выполнении боевых стрельб. Осенью 1951 г. батарею проверяла окружная комиссия по боевой подготовке. Батарею подняли по тревоге и поставили боевую задачу: «Выйти в указанный район (полигон), занять боевую ОП и к утру быть готовой к стрельбе по танкам наступающего противника». Утром на батарею двинулось шесть танков, клещами по три справа и слева (два «Студебеккера» тянули на длинных тросах по трое саней со щитами на них). Проверяющий дал вводную: «На ОП только взвод, стреляет командир взвода, снарядов 10, уничтожить!». Комвзвода ст. л-нт Приходько выполнил стрельбу с оценкой «Хорошо», из 6 щитов 5 поражены, 3 — дважды. На следующий день Приходько докладывает мне

о том, что ствол одного орудия без нарезов. Проверяю, ствол орудия действительно гладкий, докладываю командиру. Много шума, угрозы примерно наказать меня. Экспертная комиссия установила: после выстрела при выбросе гильзы был засос в ствол песчаной пыли, при упоре в нее очередной снаряд затормозился, провернулся и срезал нарезы ствола, поэтому последние снаряды прошли мимо цели. Все закончилось нормально, служба продолжалась, я реабилитирован. Еще упорнее продолжал готовиться к поступлению в академию.

ВКИАС, НИИ-4 МО

Летом 1952 г. мне позвонил нач. отдела кадров дивизии и сказал, что двум командирам артбатарей от дивизии разрешили поступать в Военную инженерную академию связи им. С.М. Буденного (г. Ленинград), готов ли я к этому. Я подал рапорт и вместе с В. Косолаповым в июле убыл в Ленинград. Вступительные экзамены я сдал хорошо и был зачислен слушателем радиотехнического факультета. Учиться было очень трудно, особенно на 3-4-м курсах, при освоении курсов **теоретических основ**: «Электромагнитного поля», «Электротехники», «Радиотехники», «Импульсной техники», «АСУ», «Приемно-передающих устройств», «Радиолокации», «Волоконной оптики», радиоламп, «Полупроводниковых приборов» и др. Спал я в сутки 3-4 ч. Полученные тогда знания позволяют мне быть на уровне и в настоящее время. В 1957 г. окончил я академию хорошо и был назначен в НИИ-4 МО (Болшево, Мос. обл.). От НИИ был старшим военпредом на Кунцевском радиотехническом заводе по приему ЛРС П20, Сон-4 («Бинокль») и др.

В конце августа я получаю предписание убыть в Енисейский пункт начальником группы измерительных средств слежения за полетами ИСЗ. Мне вручили письмо маршала Неделина (на имя секретаря Красноярского крайкома КПСС) с просьбой оказывать мне (подполковнику Н.П.

Козлову) содействие в выполнении специального задания, о котором он расскажет лично. Прибыв в Красноярск, я представился военному коменданту, который очень обрадовался, потому что на пристани Енисея было очень много дорогой техники и имущества, за которые он отвечал и не знал, что с ними делать. Я (от коменданта) созвонился с Москвой и узнал, что все это необходимо в кратчайшие сроки отправить в Енисейск. Комендант заявил, что у него никаких транспортных средств нет. Я ему показал письмо Неделина, он обрадовался и предложил ехать к секретарю крайкома. Прибыв в приемную, я представился секретарю, она сказала, что идет совещание и надолго. Я показал ей письмо, она взяла его и пошла докладывать. Сразу же на пороге появился секретарь крайкома и спросил, о чем идет речь, я ему сказал, что могу доложить только одному ему. Всех присутствующих на совещании он отпустил и внимательно выслушал меня. Я доложил, что в первых числах октября планируется запуск ИСЗ и Енисейский пункт должен быть готовым к слежению траектории его полета и что необходимые здания там построены.

Секретарь крайкома вызвал начальника речного порта и дал указание немедленно все отправить. Начпорта доказывал, что у него нет буксира и барж, некому грузить. Секретарь крайкома сказал: «Два дня срока, отправить и доложить!» Прибыв на пристань, я изучил по документам, что находится под брезентами. Оказалось, там очень много техники: два арттягача (тяжелый и легкий), автомобиль ГАЗ-69, две дизельные электростанции, ЛРС П-20, ЛРС «Бинокль», две радиостанции связи (Р5 и Р50), станция СЕВ и др. Очень много имущества, от больших палаток до меховых комбинезонов и одеял, ГСМ, спирт и сухие пайковые продукты. В течение 2 суток все, кроме автомобиля ГАЗ-69, было погружено на 2 баржи и отправлено по Енисею. Я на авто ГАЗ-69 один, проехав 370 км, 2 сентября прибыл в Енисейск, представился первому секретарю Енисейского райкома партии Киму. Он сказал, что в курсе дела, и предложил поехать на ме-

сто строительства пункта. На месте строительства голое снежное поле и, кроме большой, дымившей землянки строителей, ничего не было. Об этом по ВЧ от Кима я доложил в Москву, там мне не верили, пока не подтвердил Ким. Через несколько дней из Болшево самолетами ЛИ-2 прибыли начальник пункта Крупецкий, с ним основной офицерский состав пункта. Началось разворачивание и подготовка к работе техники в полевых условиях.

4 октября 1957 г., в 22.28.34, по московскому времени произошел запуск ракеты Р-7 (со «Спутником» ПС 1) с площадки НИИП №5 Байконура. Причина, по которой вывод спутника на орбиту именно в этот день потому, что в тот же день проходило открытие 8-го международного конгресса астронавтики в Испании. Об успешном запуске спутника конгрессу сообщил академик Л.И. Седов. Мы на Енисейском Измерительном Пункте (ИПЕ) получили сигнал о запуске ИСЗ и задачу следить и передавать в автоматическом режиме параметры траектории его полета. Он должен был подавать повторяющиеся сигналы «Бип! Бип!» над нашим ИПЕ в течение 7 минут. Однако сигнала не было. Я об этом доложил в центр. На меня посыпались обвинения за неподготовку технических средств, говоря, что все ИПы сигналы принимали, а вы почему? На второй день выяснилось: ИПы (Евпатория, Красное село) ввали, им досталось. Мы реабилитированы. За год службы, работы в Енисейске я приобрел богатый опыт работы с техническими средствами ИП. Это положительно сказалось в последующем на моей службе в НИИ-4 М.О.

4 октября технические средства пункта следили за полетом 1-го ИСЗ. Планируемая мне командировка на месяц растянулась на год.

Возвратясь из Енисейска, в ноябре 1958 г. я был назначен ведущим инженером, затем ст. научным сотрудником, замначлаб АСУ запуском РСН и ИСЗ (начлаб И. Смирнов). Летал на запуски РСН и ИСЗ на полигон Байконур и в Кзыл-Орду, где находилась наземная стационарная

АСУ РСН и ИСЗ. В 1963 г., через две ступени, меня назначают начальником отдела ВЦ с присвоением воинского звания инженер-полковник. Я стал самым молодым полковником в институте. При запусках РСН и ИСЗ меня назначали руководителем группы технических средств ВЦ НИИ-4 МО по приему, передаче и обработке данных на борты запускаемых РСН и ИСЗ и приему полетных, оперативных данных.

У меня был большой опыт войсковой службы (служба в К.А. до ВОВ и после), практический опыт строительства и оснащения техническими средствами Енисейского измерительного пункта (ЕИП). Вернувшись в НИИ 4 М.О. (Болшево-1), я был в выгодном положении по сравнению с другими сотрудниками, которые этого не имели. Поэтому меня быстро продвигали по службе в области бортовых и наземных систем радиоуправления ракетами и ИСЗ (ведущий инженер, старший научный сотрудник, заместитель заведующего лабораторией, начальник отдела). В связи с указанным, я часто получал задания по взаимодействию с другими смежными и несмежными военными и гражданскими организациями (Воен. Пром. Комиссия, НИИ 88, НИИ С.П. Королева, НИИ Келдыша, НИИ академика Лебедева и др.).

Приведу два примера: Первый... Для расчета и контроля параметров траекторий полета запускаемых ракет и искусственных спутников земли имеющиеся электронные вычислительные машины, в том числе и М 50, не обеспечивали. Поэтому руководство НИИ-4 решило приобрести и применить ЭВМ БЭСМ-6, с миллионом математических операций в секунду. Таких две машины разработал и выпустил институт кибернетики академика, Героя соц. труда Лебедева. Я получил задание начальника института генерала Соколова с письмом к академику, с просьбой изготовить для НИИ-4 М.О. две ЭВМ БЭСМ-6. Он категорически отказал, мотивируя тем, что у нее нет полуавтоматических (автоматических) линий связи с внешними каналами связи. Вернулся я ни с чем, и потом не раз. И все-таки через ВПК

мы добились получения ЭВМ БЭСМ-6, доработанной каналами связи с внешними линиями связи. А что это стоило мне: ругали, выгоняли...

Второй... Для слежения за траекториями полета ракет и ИСЗ в реальном времени необходим большой глобус. Таких было три (Генштаб, Гл. штаб ВМС и Гл. штаб Д.А. ВВС). Диаметр глобуса 1200 мм. С письмом НИИ я был направлен к председателю ВПК Семенову. Прочитав письмо, выслушав мой доклад, он сказал, что им всем глобусы нужны и приказать им он не может. Договаривайтесь сами только с главкомом Д.А. ВВС маршалом Судец. Несколько раз я ездил, и каждый раз он меня отправлял к штурману генералу Абрамову, который отправлял опять к маршалу, говоря, что это не его компетенция. Его понимали, он им необходим. Наши работы были важнее, поэтому нам более необходим, каждый запуск ракеты и ИСЗ связан с обороноспособностью и престижем страны. Поэтому на всех уровнях руководства страны нам оказывалась необходимая помощь. У нас бывали: Брежнев, Устинов, Королев, Келдыш и др.

Не знаю, какой уж раз я прибыл на прием к маршалу Судец. Не помню, по какому случаю я был в авиационной форме одежды. Встретил он меня, как всегда, обругал даже матом, это в его манере. Кричал, ругался, я стоял на своем: подпишите отказ! Вдруг спрашивает: «Так ты авиатор? Как же ты не понимаешь, что глобус нам необходим для руководства бомбардировщиками, действующими в разных точках мира? И опять: «Уходи, не дам». Я прошу его подписать отказ, говоря, что я выполняю приказ и не могу без подписи отказа уйти. Он вызвал генерала Абрамова и сказал, чтобы он подписал отказ. Генерал Абрамов подписывать отказался, говоря, что это не его компетенция. Опять ругань... Потом утих, попросил чаю и угостил меня. За чаем спокойно расспрашивал, почему я не в авиации. И все-таки подписал, приказав штурману Д.А. ВВС генералу Абрамову передать глобус, а мне сказал: «Молодец, ты настоящий авиатор! Мы, авиаторы, всегда добиваемся своего, не обижайся, тяжело отдавать».

Используя глобус, мы (сотрудники ГВЦ НИИ-4 М.О.) разработали и внедрили автоматическую систему слежения за траекториями полета ракет и спутников Земли в реальном масштабе времени. Глобус вращается, изображая вращение Земли, а бегунок (указатель), двигаясь, отражает реальное движение ИСЗ или ракеты. Получилось здорово. Все участники были поощрены, в том числе и я.

Постоянно, при всех запусках ракет, ИСЗ, меня назначали руководителем технических средств ВЦ НИИ-4 М.О. (4 ЭВМ, ПУВДы, сл. единого времени, энергоснабжение, холодильные установки и многое др.), занимавших два этажа здания. Служба ответственная... Квартира в двух минутах ходьбы, а часто я проводил ночи в ВЦ. Все шло хорошо. Но однажды запущенная ракета исчезла. Два вычислительных центра (С. Королева – Подлипки и Келдыша – Москва) определили, что управление ракеты отказало на траектории, а она продолжает полет. Наш ВЦ показал, что ракета упала в Казахстане и определено место падения, недалеко от стартовой позиции Байконур. Потеряли ракету, скандал. Надо было определить причину и виновных. Поскольку я был ответственным в НИИ-4, расправа была направлена на меня. Вызывает меня начальник ВЦ Мухин и говорит: «Николаша, требуют крови, придется брать у тебя». Естественно я возмутился, но бесполезно. Приказом Министра обороны мне был объявлен выговор. По данным нашего ВЦ, упавшая ракета поисковой группой найдена. ВЦ на высоте... В связи с указанным, через месяц выговор, объявленный мне, снят... Присвоено очередное воинское звание инженер-полковник. Так я стал самым молодым полковником в НИИ-4. М.О.

За личный вклад в создание и отработку РСН и ИСЗ я награжден **орденом «За службу Родине» III ст.**

В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию с присуждением ученой степени «Кандидат технических наук». В 1972 г. утвержден в ученом звании «Старший научный сотрудник» по специальности «Кибернетика». По этой дисциплине имею две книги и более десятка

научно-технических статей. В общем, в НИИ-4 МО служба складывалась хорошо, поощрялся: благодарности, ценный подарок – радиоприемник, назначением знаменосцем на параде Калининградского МО гарнизона и др.

За весь период военной службы и трудовой деятельности (с 1940 г. по 2017 г.) я места службы и работы не искал. Мне предлагали работу переводами (Минобороны, Минэлектропром, Минсельхоз, «Инфолайн» (корпорация коммерческая) и др.).

6 мая 2016 г. я в составе делегации участников ВОВ 1941–45 гг. убыл в Великобританию для участия в мероприятиях, посвященных 71-й годовщине окончания Второй мировой. Встречи с ветеранами Великобритании были теплыми, живыми и проходили они в разных городах, в т. ч. и в Лондоне. 9 мая проходила церемония возложения венков к стеле (памятнику русским воинам, погибшим в боях Первой и Второй мировых). Присутствовали делегации от посольств 17 стран. Выступая, мэр Лондона (темнокожая женщина) тепло отзывалась о России и ее вкладе в разгром фашистской Германии. Затем мне было доверено возложить венок от нашей делегации к памятнику (стеле) погибшим русским в Первой и Второй мировых. Я с благодарностью и удовольствием выполнил эту миссию. Встречали нас особенно тепло руководители и просто обычные рядовые русские. У взрослых – ностальгия по Родине. У молодежи, переехавшей в 5–7-летнем возрасте, – нет.

ЭПИЛОГ

Мне посчастливилось участвовать в боях за Родину штурманом пикирующего бомбардировщика Пе-2 под Сталинградом, командиром взвода и командиром полковой батареи 76,2-мм пушек обр. 1927/1943 г. на Юго-Западном, Воронежском, Степном, Центральном, 2-м и 1-м Белорусских фронтах, в битвах: Сталинградской, Курской, за Днепр, за Белоруссию, Украину, Польшу, Восточно-Померанской и Берлинской. Я награжден пятью боевыми орденами: «Красное Знамя», «Отечественная война» и тремя «Красная Звезда», медалями: «За боевые заслуги», польской «Свобода и вольность», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «Курская битва», «За Мозырь» и др. (более 25).

Закончил я свой боевой путь командиром полковой батареи 76,2-мм пушек 52-го гв. Хорезмского Краснознаменного ордена Суворова II ст. кавалерийского полка, в 17 км от Эльбы. Нас остановили, а вперед пропустили специально подготовленные части 47-й армии. Обидно было нам? Да, очень.

Артиллеристы **полковых батарей** (пушечных и минометных) испытывали на себе в полной мере все тяготы Великой Отечественной войны, проявляя героизм при наступлении в составе боевых подразделений (эскадронов, батальонов) полков и стояли насмерть в обороне, принимая на себя всю ударную и огневую мощь наступающего врага. На описании боевых действий своих двух батарей я сделал попытку показать действия солдат, сержантов и офицеров, именно **полковых артиллеристов**. Часто я видел непосредственно на передовой командиров полков, а вот командиров дивизионного ранга — редко, хотя и были исключения. Например, с заместителем командира нашей дивизии гв. полковником Пучинским мы встречались непосредственно в бою нередко, в том числе и за Короватичи. Еще пример. Генерал, коман-

дир стрелковой дивизии (фамилию не знаю) с пистолетом в руке останавливал убегающих пехотинцев перед одним из населенных пунктов Восточной Германии (южнее Швибуса). И еще вспоминается, как наш полк, выдвинутый в прорыв и наступающий в голове дивизии и корпуса, был остановлен массированным огнем минометов, пушек, танков и контратакующей пехоты противника. Батарея и все огневые средства полка вели огонь по контратакующим немцам с открытых огневых позиций, но силы были неравными. Три наступающих эскадрона дрогнули и начали пятиться, создалась катастрофическая ситуация, грозившая разгромом полка. И в этот критический момент появляется на автомобиле («Виллис») командир корпуса **Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Константинов**, который взялся лично руководить боем полка. С ним прибыли: 145-й корпусной истребительно-противотанковый полк (пять батарей 76-мм пушек ЗИС-3), рота танков (Т-34) и дивизион «Катюш». Все прибывшие сходу, под огнем противника развернулись на открытых огневых позициях и открыли шквальный огонь, заставивший лавину контратакующего противника остановиться, а затем и отступить. Вперед пошли наши танки, сопровождаемые артиллерийским огнем, эскадроны и мы. **Генерал-лейтенант Константинов, комкор, Герой Советского Союза в боевых порядках полка, непосредственно на передовой, под прицельным огнем противника**. Так надо было в тот момент, не останавливаясь, только вперед!

Артиллеристы полковых батарей нередко дрались в боевых порядках эскадронов, применяя стрелковое оружие. Приходилось драться стрелковым оружием в противоборстве с противником и мне: из ручного пулемета на Днепре (село Короватичи), под Люблином и на Висле (селение Стенжица); из автомата при форсировании рек Снов и Варта; из пистолета в Лодзи, при форсировании Одера и в бою за Одером (Грюнберг). Наказ «Убей десять фашистов!» я лично перевыполнил, а огнем бата-

рей, управляемых мной, нанесен значительный ущерб противнику в живой силе и технике. Мне здорово везло, практически я постоянно находился в боевых порядках кавалеристов, ранения и контузии позволяли мне участвовать в боях, не оставлять поля боя. За боевые действия меня хвалили, награждали. Но была и неудовлетворенность: командуя батареей практически год (с апреля 1944 г. по апрель 1945 г.), меня не утверждали. Числились комбатами другие офицеры, а я все ИО.

В общем, я вполне удовлетворен своей боевой судьбой. В конце мая 1945 г. меня предупредили о готовности к участию в **Параде ПОБЕДЫ**. Однако, вторая поездка в Москву не состоялась. Не прошел **по росту (163 см), надо было не менее 178 см**, хотя по наградам больше, чем надо: **не менее двух орденов, а у меня их пять**. Спустя 60 лет справедливость восторжествовала, в 2005 г. я участвовал в **Параде ПОБЕДЫ** на Красной площади в Москве в роли командира 13-й машины.

Третьего июня 1945 г. батарея в конном строю походной колонной в составе полка двинулась из поверженной Германии в Советский Союз. Маршрут движения полка в составе корпуса пролегал севернее пройденного нами боевого пути: по Германии (н.п.: Кременн, Ораниенбург, Близенталь, Гузов, Зеелов, Рейтнев, Цилленгинг, Мезеритц, Бешше). По Польше (н.п.: Познань, Лодзь, Варшава).

В СССР расквартировались в Бресте.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Слева направо: Женя, Маша, 1913 г.р. (Козлова-Писарева, умерла в 18 лет от воспаления легких, полученного при мочении льна осенью в речке. Замужем была только три месяца). Отец – Петр П., Коля, Кузьма, мать – Ефросиния И., Вася. Новокрасноярск, Алт. кр., 1931 г.

Николай в семье. Петр П., Ефросиния И., Вася, Галя Б. – невеста (она – радисткой к партизанам за фронт, а я – на фронт. Это разлучило. Не судьба...)

Семья Козловых: Петр Павлович, Ефросиния Ивановна, Николай П., Александра С., Лев В., Валентина В., Василий П.

**Коля Козлов,
6 лет, 1-й класс,
1929 г.**

**Г. Буряк – Верный товарищ
и Дорогой друг. Педтехникум,
г. Рубцовск, 1940 г.**

Коля Козлов (второй слева), 13 лет, 7-й класс, 1936 г.

**Н. Козлов,
студент 3-го курса
педтехникума,
г. Рубцовск, 1940 г.**

Спортивный кружок по гимнастике. В центре — преподаватель физкультуры, третий слева во втором ряду — Н. Козлов, Рубцовск, 1940 г.

Н. Козлов курсант первого курса авиаучилища. 1940 г.

Н. Козлов, аэродром г. Канск, учебные полеты на самолете Р5. 1942 г.

Первокурсники Канского авиаучилища, в центре Н. Козлов, Канск, 1940 г.

Второй курс, 22-е учебное летное звено, в центре — пом. ком. звена ст. сержант Бузаев, Н. Козлов — 1-й справа во 2-м ряду. 1942 г.

Н. Козлов курсант 2-го курса
авиаучилища,
г. Канск, 1942 г.

Н. Козлов штурман пикирующего
бомбардировщика Пе-2.
Под Сталинградом, 1942 г.

Командный состав полковой батареи 76-мм пушек 56-го гв. кавполка.
Н. Козлов — первый слева, 1943 г.

Н. Козлов ИО командира
полковой батареи 76-мм
пушек 56-го гв. ордена
Ленина кавалерийского полка,
Польша, 1944 г.

Марийка, хозяйка,
одна из двух знакомых
с Шевченко (район
г. Чернигов), 1943 г.

Н. Козлов, Яна Спивак.
Больше, чем дружба.
Польша, Осины, 1945 г.

Командиры огневых взводов полковой батареи 76,2-мм гв. лейтенанты
В. Кедров и Н. Мельников. Висла, 1944 г.

Арт. разведчик Л. Аверьянов.
1944 г.

Арт. разведчик Н. Котляров.
1944 г.

Всадники батареи 76,2-мм пушек 56-го гв. кавполка.
Второй справа – Н. Козлов. Польша, 1944 г.

Помкомвзвода управления батареи В. Калачев
и ездовой Г. Костылев, 1944 г.

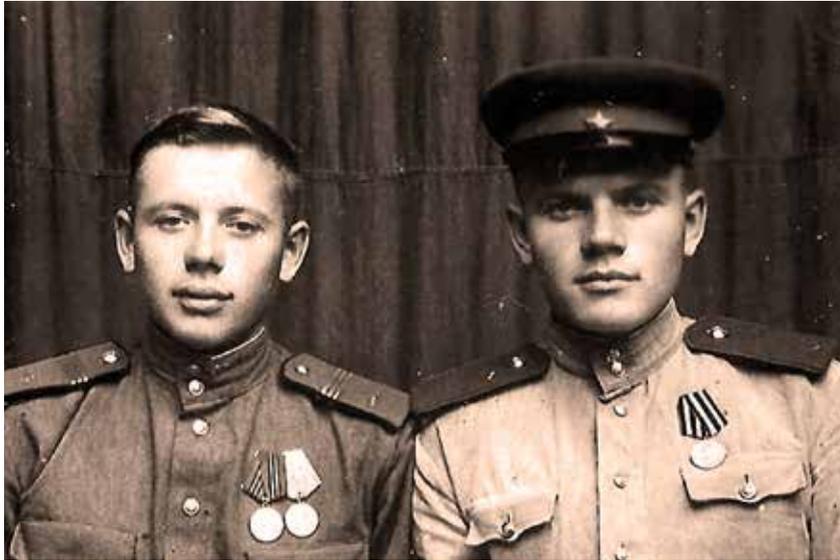
Связист Николай Клокатов.
1943 г.

Мои ординарец В. Султанов
и коновод К. Парфенов,
Польша, 1944 г.

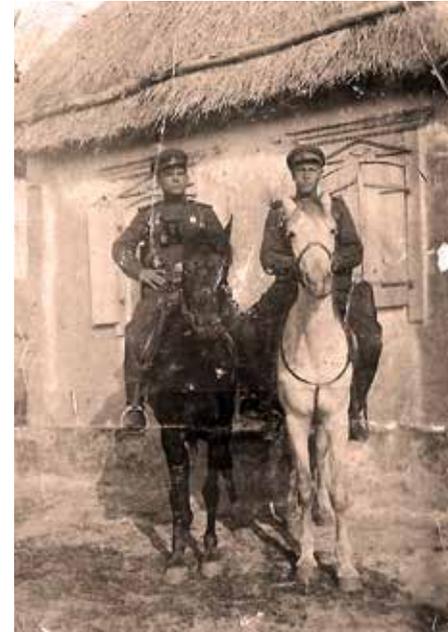
Из службы штаба артиллерии
14-й гв. Краснознаменной
Мозырской кавдивизии.
М. Султанов, 1944 г.

Разведчики Н. Широков и А. Сидоренко. 1944 г.

В центре – комбат 45-мм орудий М. Королев и уполномоченный СМЕРШ, рядом с ними их коноводы. 1943 г.

Командиры полковых батарей
56-го гв. кавполка:
комбат 76-мм пушек
П. Павленко,
комбат 45-мм орудий
М. Королев. 1943 г.

Связист П. Шкурко. 1945 г.

Старшина батареи И. Королев. 1945 г.

В. Андрущенко, командир батареи 82-мм минометов 52-го гв. кавалерийского полка Г. Ратенов, 1945 г.

И. Иванченко, комбат 76-мм пушек артдивизиона 98-го мех. полка 31-й гв. Бранденбургской орденов Ленина, «Красное Знамя» и Суворова II ст. Г. Кировабад, Азербайджан, 1947 г.

Командир взвода управления батареи 76-мм пушек 52-го гв. кавполка М. Бураков (крайний справа) в госпитале под Берлином. Ранение – потеря ноги. 1945 г.

И. Шахматов командир батареи 54-го гв. кавполка, 1947 г.

Н. Козлов командир батареи 76-мм пушек 52-го гв. кавполка, 1945 г.

Командиры батарей 56-го гв. кавполка: Королев (45-мм) – 2-й слева, Степанников (82-мм минометы) – 3-й слева, Козлов (76-мм) – четвертый слева

Таких благодарностей от ВЕРХОВНОГО у меня семь

Основной состав (костяк) полковой батареи 76-мм пушек 52-го гв. Хорезмского орденов «Красное Знамя» и Суворова II ст. кавалерийского полка, 7-го гв. Бранденбургского орденов Ленина, «Красное Знамя» и Суворова II ст. кавалерийского корпуса. В центре — комбат Н. Козлов, справа — командир огневого взвода, слева (стоит) — старшина батареи П. Янин. Германия, Берлин — Ратенов, 1945 г.

Кузьма П. (слева, брат), 1910 г.р. Водитель «Виллиса» комбрига (ТБ). В окружении под Брянском комбриг отошел и не вернулся. Подошедший подполковник — общевойсковик, с ним они вдвоем по лесам-болотам на «Виллисе» прорвались, за что и был награжден. Фото под Брянском, 1941 г.

Тяготы ВОВ 1941–45 гг. испытали (переносили) не только бойцы на фронтах, труднее было и в тылу. Брат Василий (с сыном Владимиром) в 1941 г. тринадцатилетним встал у токарного станка АТЗ (г. Рубцовск) и сутками не отходил. Так работали все. Прошел он путь: токарь — бригадир — мастер — нач. цеха — зам. гл. инженера — директор МСЗ (машиностроительный завод).

Братья Григорий П. и Александр П. — парашютисты-десантники (пулеметчик и снайпер). Оба погибли в Битве за Москву. Как погибли — мои поиски безрезультатны... Фото 1941 г.

Ветераны полковой батареи 76,2-мм пушек 56-го гв. кавполка. Н. Козлов – ряд 1, 4-й слева. 1963 г.

Ветераны полковой батареи 76,2-мм пушек 52-го гв. кавполка. Н. Козлов – в центре. Брест, 1974 г.

Брестская крепость. Полковник-инженер В. Кедров – командир огневого взвода, затем – командир полковой батареи 76,2-мм пушек 56-го гв. кавполка. В послевоенные годы – строитель морских объектов. Полковник-инженер, кандидат технических наук Н. Козлов – командир полковой батареи 76,2-мм пушек 56-го гв. кавполка. Затем – командир полковой батареи 76,2-мм пушек 52-го гв. кавполка. В послевоенные годы – научный руководитель подразделения НИИ по созданию и отработке РСН и ИСЗ. С 1976 г. – гл. конструктор АСУ МСХ СССР, лектор МИСИ. С 2003 г. по 2017 г. – директор «Мытищинского телекоммуникационного агентства»

В помощь народному хозяйству. Начальник автоколонны Н. Козлов, пом. по тех. лейтенант М. Кириин, медсестра Полина у «Студебеккера». С. Гулькевичи, Краснодарский край, 1947 г.

Н. Козлов с водителями у «Форда». Г. Кропоткин Краснодарского края, 1947 г.

Детский фельдшер поликлиники г. Ханлар Корнилова Александра Семеновна. Азербайджанская ССР, 1948 г.

Александра и Николай в свадебную неделю, январь 1949 г.

Н. Козлов командир батареи 57-мм противотанковых орудий (ЗИС-2) 135-го отдельного разведывательного батальона 31-й гв. Бранденбургской, орденов Ленина, «Красное Знамя» и Суворова II ст. мехдивизии гв. капитан Кировабад, 1948 г.

Комбат артдивизиона 98-го гв. мехполка И. Шахматов в гостях у А. и Н. Козловых. Г. Кировабад Азербайджанской ССР, 1951 г.

Первый академический отпуск. Сдал экзамены за 1-й курс, переведен на 2-й. Из Ленинграда (из «общаги») – в семью. Александра С., Николай П. и дочь Лида Станица Лабинская, 1953 г.

Семья Козловых (справа налево): Александра С., Сергей, Лида, Николай П., 1966 г.

Слева направо: Александр С., дочь Лиды, внучка Лена, Николай П., внучка Оля, сын Сергей. Самые близкие, дорогие, родные.

Правнуки Дениска, Катя, Даша

Служили (работали), отдавая все силы и знания для создания и развития МБР ИСЗ, по возможности и отдыхали. Александра и Николай Козловы. Сочи и Адыгея, Михайловка

Н. Козлов дежурный по Кировабадскому военному гарнизону. Кировабад, 09.05.1952 г. День Победы

Н. Козлов – слушатель 1-го курса радиотехнического факультета Военной Краснознаменной инженерной академии связи им. С.М. Буденного. Ленинград, 1953 г.

Н. Козлов на полевых учениях академии. Ленинград, 1956 г.

Пятая учебная группа радиотехнического факультета Военной инженерной академии связи им. С.М. Буденного на экскурсии по г. Ленинграду. Н. Козлов в первом ряду слева. Ленинград, 1956 г.

Пятая группа радиотехнического факультета Военной Краснознаменной академии связи. В первом ряду четвертый справа Н. Козлов. Ленинград, лето 1957 г.

Ученый совет управления автоматизации (ГУЦ) НИИ-4 Минобороны. Н. Козлов — 4-й слева Болшево, МО, 1966 г.

Отдел вычислительной техники, средств приема и передачи информации управления полета РСН и ИСЗ. Болшево, НИИ МО, 1963 г.

Группа специалистов 8-го отдела НИИ-4 МО по тех. средствам передачи (приема) информации (команд) на борты МКР и ИСЗ. МО, Болшево, 1966 г.

Н. Козлов у ЭВМ БЭСМ-6

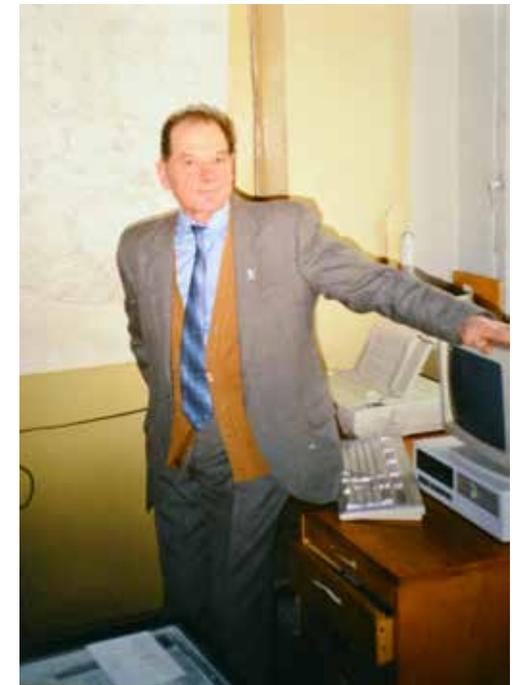
Знаменосец инженер-полковник Н. Козлов на параде Болшевского военного гарнизона, посвященном 25-летию Победы в ВОВ 1941-1945 гг., Болшево, МО, 1970 г.

Полковник Н. Козлов начальник отдела «Вычислительная техника и автоматика» вычислительного центра НИИ-4 Министерства обороны СССР в день вручения ордена «За службу Родине» III ст. Награждается за личный вклад в дело создания и отработки ракет и ИС Земли. Болшево-1, МО, 1975 г.

Н. Козлов заместитель начальника Главного вычислительного центра Минсельхоза СССР, главный конструктор АСУ Сельхоз, лектор МИСИ по курсу «Основы построения АСУ» у ЭВМ ЕС-1033. Москва, 1981 г.

Н. Козлов директор ООО «Мытищинское телекоммуникационное агентство» у управляющего компьютера. Мытищи МО, 2003 г.

Военная присяга, Сергей Н. На службе военной в 4-м поколении Козловых. Харьков (ХВКУ). Август 1976 г.

Александра С. В день военной присяги Сергея Н. Харьков, 1976 г.

Николай П. В день военной присяги Сергея Н. Харьков, август 1976 г.

Н. Козлов (3-й слева). Делегацию участников ВОВ 1941–1945 гг. из России восторженно встречали руководители и обычные русскоязычные наши соотечественники в Кембридже, Лондоне и др. поселениях. Кембридж, 9 мая 2016 г.

Н. Козлов (справа). Молодая девушка (англосаксонка) очень хотела сфотографироваться с русским, боевым, гвардейцем, полковником. Лондон, 9 мая 2016 г.

Н. Козлов с венком. Идем к памятнику (мемориалу) русским воинам, погибшим в Первую и Вторую мировые войны. Лондон, 9 мая 2016 г.

Н. Козлов возлагает венок к памятнику русским воинам, погибшим в Первую и Вторую мировые войны. Лондон, 9 мая 2016 г.

После детского концерта для делегации участников ВОВ из России. Кембридж, 8 мая 2016 г.

Англичанин, капитан крейсера. Беседем о ходе и итогах Второй мировой... Лондон, борг крейсера. 9 мая 2016 г.

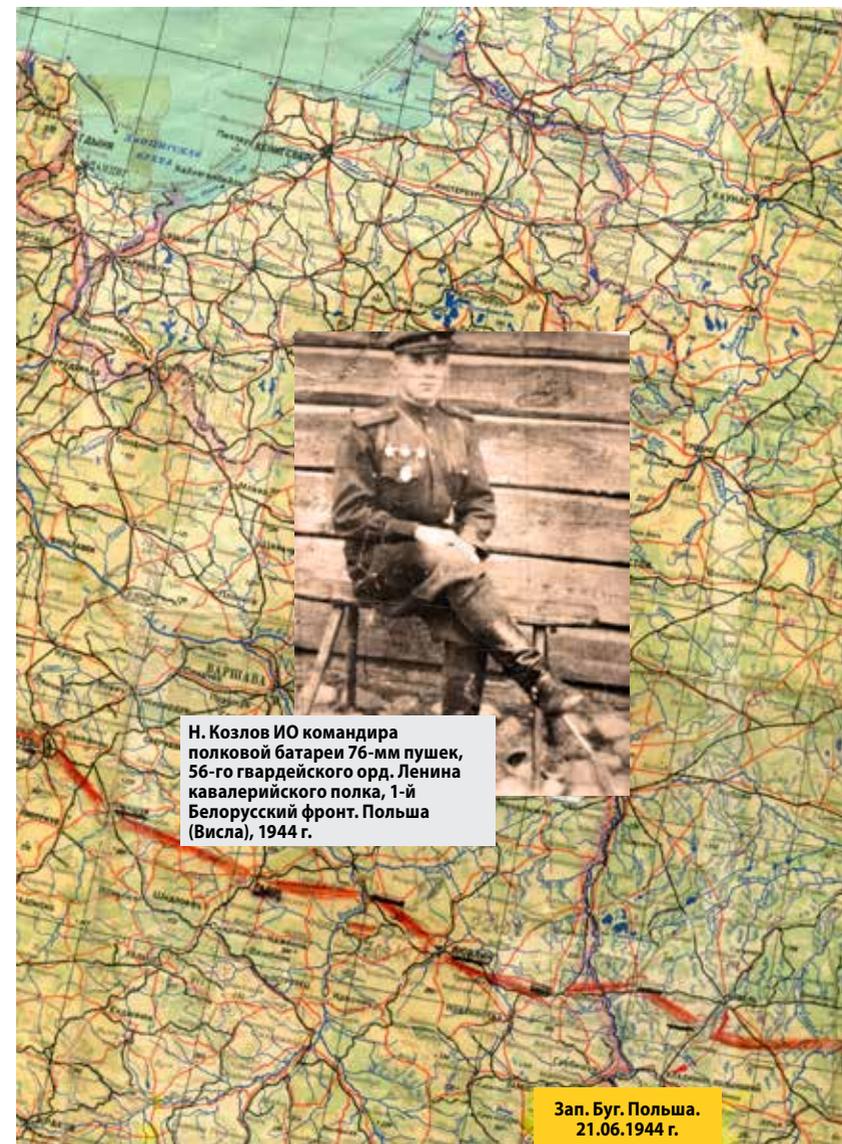
Н. Козлов и корреспондент телевидения Ольга. Апрель 2017 г.

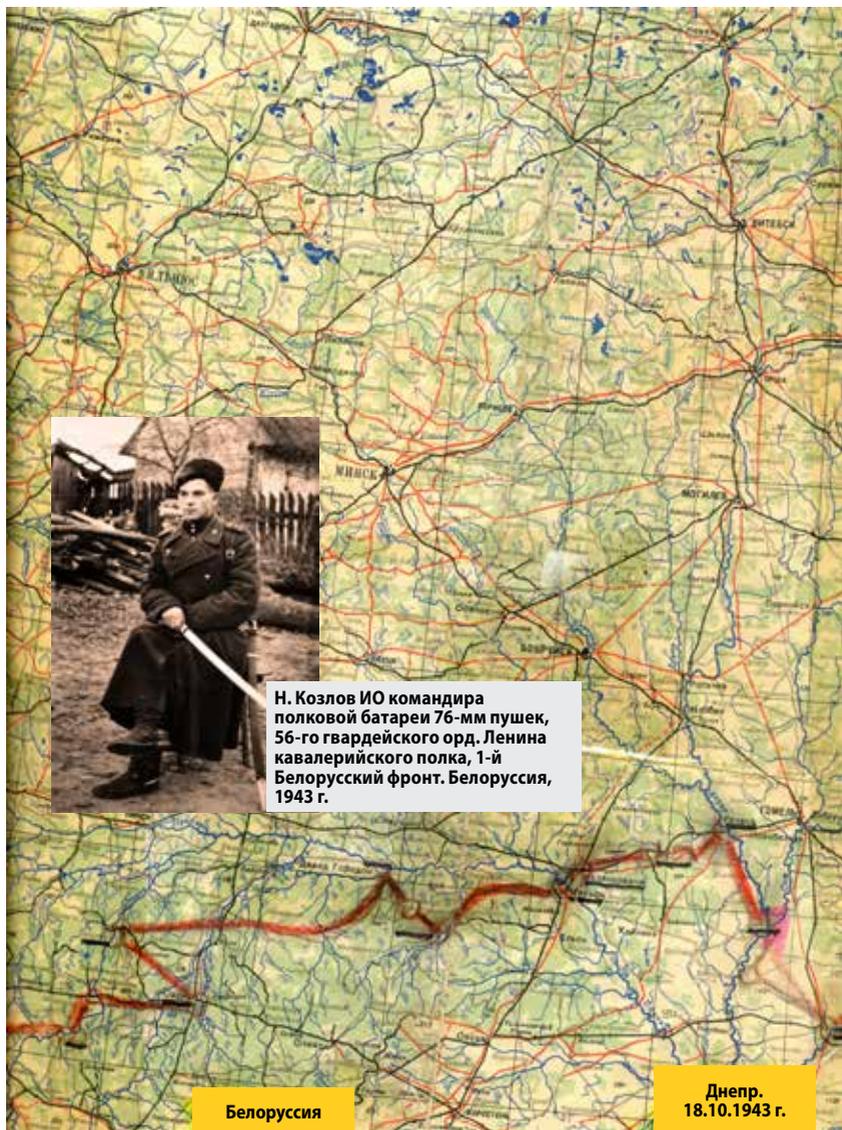

Н. Козлов и корреспондент телевидения Ольга. Апрель 2017 г.

Н. Козлов. Апрель 2017 г.

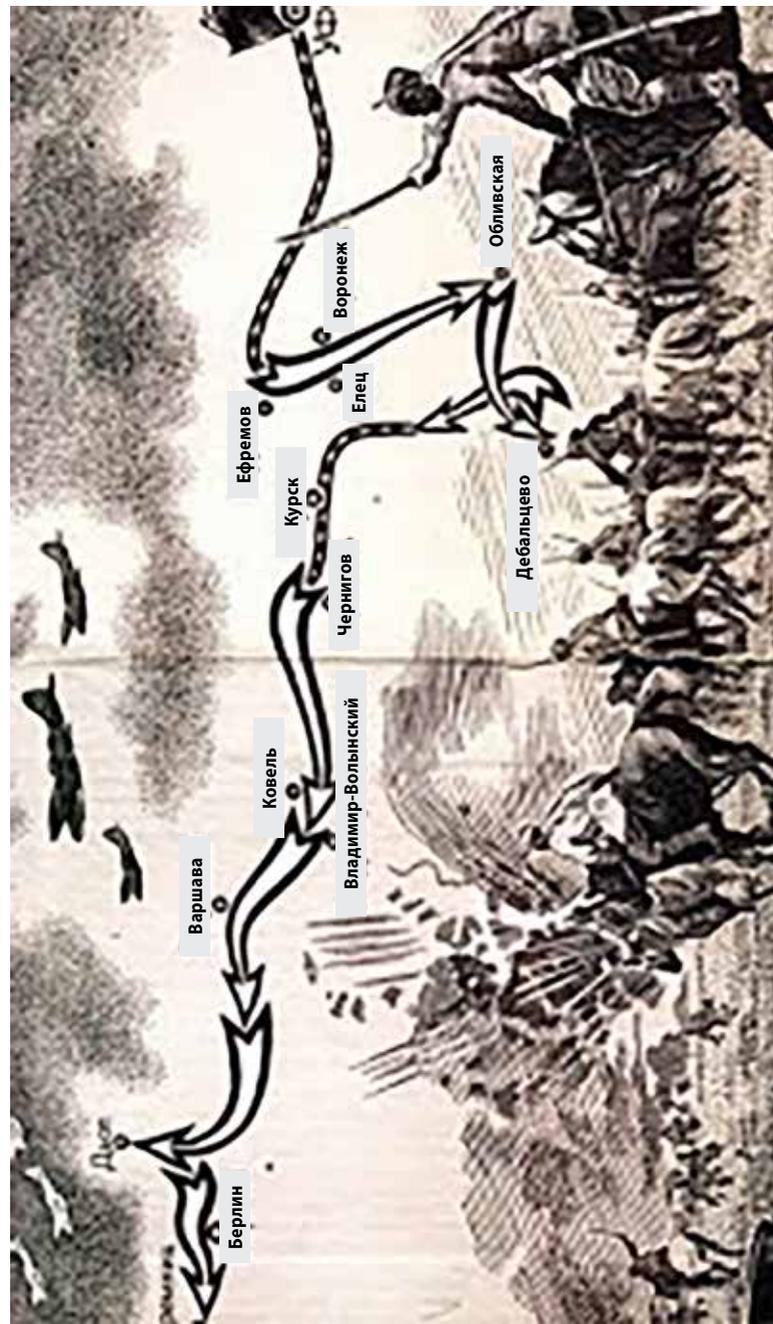

Н. Козлов начальник отдела НИИ-4 Мин. обороны. Болшево, МО, 1975 г.

Штурман пикирующего бомбардировщика Пе-2. Сталинградский фронт, 8-я ВА, 1942 г.

Воронеж. Май 1943 г.

Сталинград. 09.10.1942 г.

Боевой путь 7-го гвардейского Бранденбургского ордена Ленина, Красного Знамени и Суворова II ст. кавалерийского корпуса

7-й гвардейский кавалерийский корпус

7-й гвардейский кавалерийский корпус ордена Ленина, Краснознаменный, ордена Суворова корпус

до 14 февраля 1943 г. - 6-й кавалерийский корпус

14-я гвардейская кавалерийская дивизия

14-я гвардейская кавалерийская Мозырская Краснознаменная, ордена Суворова дивизия

Новая нумерация частям дивизии присвоена 10 марта 1943 г.:

- 52-й гв. кавалерийский полк
- 54-й гв. кавалерийский полк
- 56-й гв. кавалерийский полк

ВЫПИСКА ИЗ БОЕВОГО ЖУРНАЛА БАТАРЕИ

Боевые заметки.

10.X.43

10.X.43 года батарея произвела пологий обстрел с места по тылам освобожденной оккупации Мозырска р-на. Батарея находилась в лесу неподалеку от нас. Мозырь Мозырь

18.X.43. Батарея в составе полка перешла за р. Днепр и заняла оборону в р-не Позаров до 3.XI.1943. (Белорусия) Днепр

08.XI.43. Батарея поддерживала наши оборону в р-не сел. Перевки. Перевки

12.XI.43. Батарея находилась в р-не боевых действий.

13.XI.43. Батарея в р-не н.п. Тимковски занимала оборону. Тимковски

15.XI.43. Батарея в р-не Краснодубровка находилась в бою. Краснодубровка

17.XI.43. Батарея в р-не н.п. Славки находилась в бою. Славки

Продолжение на семи страницах.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	2
Незабываемые детство и юность.....	5
На службе военной.....	6
Великая Отечественная.....	7
Боевое крещение.....	7
Из авиации в артиллерию.....	10
На Юго-Западном, Воронежском.....	12
56-й гвардейский ордена Ленина кавалерийский полк...	14
От Дона до Днепра.....	18
В боях за Любеч.....	19
От Днепра до Буга.....	22
Тяжелые бои за Короватичи.....	25
Замостье, оборона.....	26
Освобождение Мозыря.....	30
Симоновичи, рейд в тыл противника.....	31
Млынек Симоновский.....	39
Турья—Овлочим—Турья.....	41
От Буга до Вислы.....	48
Висла, оборона, отдых.....	50
Первая разведгруппа за Вислу.....	52
Вторая разведгруппа за Вислу.....	56
Бой и гибель второй разведгруппы за Вислой.....	57
Уничтожение, пленение роты противника на Висле.....	61
Короткий отдых в Осинах на Висле.....	62
Комполка Сацюк снят, полк принял полковник Кобяков.....	68
Отдых в польской семье.....	70
От Вислы до Одера.....	72
Лодзь.....	72
Варта.....	74
Гродзиск.....	76
Германия, граница.....	82
Одер.....	85
Одер (Грюнберг) — Балтика (Трептов).....	87
Балтика (Раддак, Трептов) — Одер (Кюстрин).....	90

Берлин, северная окраина.....	100
Ратенов. Вторая контузия.....	104
День Победы.....	109
Годы послевоенные.....	112
Брест.....	113
Закавказье.....	115
98-й гв. Мозырский Краснознаменный ордена Суворова II ст. мехполк.....	115
Ордубад на р. Аракс.....	116
ВКИАС, НИИ-4 МО.....	121
Эпилог.....	128
Приложения.....	131

Компьютерная верстка
Виталий Мелентьев

Козлов Николай Петрович

Война / Н.П. Козлов. — Мытищи: ИП Мелентьев В.Г.,
2018. — 192 с.

Издание третье, переработанное и дополненное

Отпечатано
в ООО «ТИПОГРАФИЯ КЕМ»
Тираж 500 экз.

